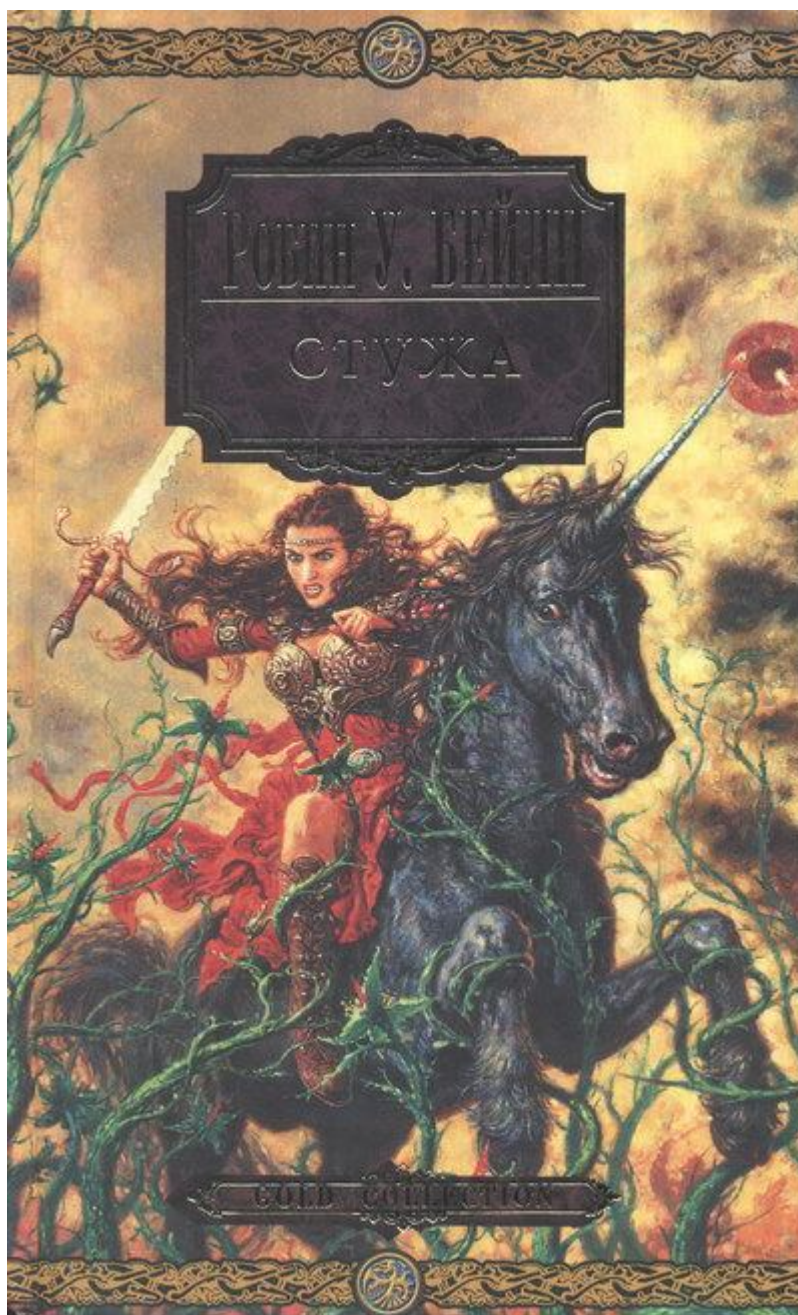

Робин Уэйн Бейли Врата Черепа

Стужа – 2

- Alex1979. OCR & ReadCheck - Wolf. <http://oldmaglib.com>
«Робин У. Бейли "Стужа"»: Азбука-классика; Санкт-Петербург; 2005
ISBN 5-352-01438-X

Аннотация

Когда-то Стужа была обыкновенной ведьмой, как любая женщина ее народа. Она нарушила закон, взяв в руки меч — оружие мужчин. Может, это прегрешение и простилось бы ей, но обстоятельства сложились так, что на ее меч напоролся ее же брат. И вот проклятая матерью братоубийца скитается по свету, и жизнь ее — непрерывная цепь сражений. За деньги и справедливость, за честь и любовь, чаще всего — просто за право жить.

Стуже приходится противостоять жестоким правителям и злобным колдунам, грабителям с большой дороги и демонам преисподней. И очень часто обязательным условием спасения собственной шкуры становится спасение мира.

И хоть написана уже Книга Последней Битвы, битвам не видно конца...

Робин Уэйн Бейли «Врата Черепа»

Глава 1

Тонкий лунный серп мирно плыл над спящим городом Марашаи. Но золотистое сияние месяца не освещало широких мощеных улиц и темных аллей древней столицы Коркиры. Таинственная улыбка на черном небосводе притягивала взгляды и будила воображение дворцовых стражников, обычно столь бдительных. Они стояли, опершись на свои пики, и вдыхали соленый бриз, дувший с Календского моря, слагая друг для друга стихи.

Стражники не заметили тень, перемахнувшую через дворцовую стену. Она бесшумно приземлилась в саду и прокралась за кустами любимых роз королевы. Затем внимательно осмотрелась, приметив, где стоят часовые, где под ногой может зашуршать гравий и где можно укрыться под сенью кустов и деревьев на пути к противоположной стороне сада.

Тень скользнула мимо замечтавшихся часовых. Лунный свет упал на лицо незнакомца, и под черной маской блеснули темные глаза.

Стражник кашлянул. Незнакомец спрятался за апельсиновым деревом и огляделся. Его не заметили, и он бесшумно и быстро добрался до ворот. Потрескавшиеся деревянные створы ржавые петли свидетельствовали о древности дворца. Замка не было; в тревожные времена ворота запирались изотри на дубовое бревно. Однако сейчас в королевстве царили мир и спокойствие, и незнакомец надеялся, что ворота будут открыты.

Он слегка толкнул створы плечом. Раздался едва уловимый скрип, не достигший слуха стражников. И все же пришелец не стал испытывать судьбу и достал из висевшего на поясе мешочка флакон с маслом. Распечатав флакон, он тщательно собрал кусочки воска и ссыпал их обратно в кошелек, чтобы не оставлять никаких следов.

Хорошенько смазав петли, он повторил попытку, ворота с легкостью отворились, и незнакомец скользнул внутрь, в непроглядный мрак. Коридорами этого этажа пользовались очень редко, и потому здесь не было никакого освещения. Незнакомец сделал вдох, дотронулся до стены и торопливо двинулся вперед, аккуратно считая шаги.

Через какое-то время он нашел проход, который вел в западную башню. Его рука нащупала нишу и резервуар с водой. По губам незнакомца скользнула улыбка. Еще десять шагов по коридору.

Он двигался почти бесшумно. В большинстве залов было темно и лишь кое-где

тепились тусклые светильники. Один раз мимо прошла группа солдат; он услышал их тяжелые шаги и переждал в боковом проходе, пока звуки шагов не стихли.

Винтовая лестница привела его на следующий этаж, и он снова оказался в темном коридоре. Незнакомец двинулся на свет, к королевской галерее, где были зажжены сотни канделябров. Там он найдет еще одну лестницу, по ней он сможет подняться в западную башню. Внизу, у лестницы, будет стоять стражник, как сообщили ему осведомители.

Последние несколько метров до королевской галереи пришлось проползти на животе. Холод каменных плит проникал даже сквозь одежду. Пришелец двигался к краю темноты. Почти прижавшись лицом к полу, он всматривался в освещенное пространство.

Сверкающие серебряные пластины, поверх которых крепились канделябры, отражали свет, заливая галерею ярким сиянием. Коридор с высоким сводчатым потолком оказался шире, чем предполагал незнакомец. Стены галереи украшали фрески и гобелены. Пол был выложен в шахматном порядке плитами белого и розового мрамора.

Мужчина посмотрел направо. Там находился тронный зал и прочие апартаменты. Налево же, в самом конце галереи, виднелся небольшой сводчатый дверной проем, а за ним — лестница, уходившая в темноту.

У двери неподвижно стоял часовой — настоящая гора мускулов. В правой руке он сжимал пику со стальным наконечником, а левая рука покоилась на рукояти обоюдоострого топора, висевшего у него на портупее. На стражнике был кожаный панцирь, украшенный начищенными до блеска кольцами.

Незнакомец снова укрылся в темноте. Он расстегнул плащ, соскользнувший на пол, сдернул с лица маску и потер глаза, тер до тех пор, пока они не покраснели. Затем распахнул до пояса тунику. К руке у него были привязаны ножны с коротким тонким кинжалом. Незнакомец вытащил из рукава кинжал. Низким хриловатым голосом он затянул старую кабацкую песню, глотая слова и перевирая мелодию. Сначала он пел тихо, затем все громче и громче.

Он с шумом ввалился в галерею и нетвердой походкой направился к стражнику.

Едва заметив его, тот угрожающе выставил копье. Из-под шлема следила пара подозрительных глаз за каждым движением непрошеного гостя.

— Кто вы такой и что здесь делаете?

Лицо незнакомца расплылось в широкой обезоруживающей улыбке. Он привалился к украшенной гобеленом стене, чтобы не упасть, а затем сделал еще один нетвердый шаг.

— Иди, спой для королевы! — крикнул он. — Спой королеве песенку, давай!

Ухмыляясь и пошатываясь, он проорал еще куплет.

Стражник сурово сдвинул брови и, прислонив пику к стене, напустился на незнакомца:

— Вы пьяны, сэр. Поищите другое место, чтобы распевать свои песни, а не то разбудите ее величество.

— Иди спой для королевы.

— Стражник сделал шаг навстречу незнакомцу. Тот с притворной неуклюжестью запнулся о собственный каблук и сделал вид, что падает. Стражник инстинктивно подался вперед, чтобы подхватить его.

Сверкнуло обнаженное лезвие и глубоко вонзилось в незащищенное горло стражника. Незнакомец повернул кинжал и перерезал трахею. Стражник даже не вскрикнул, из его груди вырвался только хрип, и он рухнул замертво.

Незнакомец торопливо оторвал лоскут от плаща стражника и заткнул им рану, чтобы кровь не растекалась по полу. Вокруг и так уже образовалась порядочная лужа. Он вытер ее плащом убитого. Если кто-то, проходя мимо, заметит отсутствие стражника, в этом не будет ничего особенно подозрительного. Человек может отлучиться по дюжине причин: выпивка, женщины, естественная нужда, но кровь на полу сразу поведаст другую, леденящую душу историю.

Взяв тело за ноги, он отволоч его в темный боковой коридор, откуда пришел сам. Никто не появится там до утра. Он подобрал собственный плащ и двинулся к лестнице.

Узкие каменные ступени поднимались все выше и выше. На стенах висели лампы, но огня в них не было. Свет проникал только через два узких оконца, ставни которых оставались открытыми. Проходя мимо них, незнакомец заметил ухмылку бледной ущербной луны.

Наверху он обнаружил маленький коридор и единственную дверь. Он бесшумно подкрался к ней и, нащупав короткий меч, висевший на поясе, медленно обнажил оружие.

По другую сторону двери спали ее величество королева Коркиры со своим телохранителем. Рукой в черной перчатке незнакомец толкнул полированную деревянную дверь. Ему хорошо заплатили за эту ночную вылазку.

Настало время отработать полученные деньги.

* * *

Стужа сидела на краю высокого окна и смотрела на луну. Камень холодил ее обнаженные ягодицы. Легкий ветерок колыхал коротенькую ночную рубашку, едва прикрывавшую ее наготу. Она вздохнула, и маленькие груди чуть заметно приподнялись под тонкой тканью. Стужа вдыхала соленый воздух и пряный аромат цветов, доносившийся из сада.

Она закрыла глаза. Ночь была полна привидений и мрачных воспоминаний. Ей казалось, что она слышит рев волн, раскачивающих корабли, которые стояли на якоре в гавани. В голове не утихал шум прибоя; она думала о маленькой девочке, стоявшей когда-то среди скал над океаном и тоненьким голоском заклинявшей ветер, вызывая бурю, которая не преминула подняться, повинувшись ее приказу.

Девушка снова вздохнула. Именно в такие ночи проявлялись ее магические способности, благодаря которым она могла повелевать стихиями. Как радовалась она тем силам, что в ней таились, энергии, которая накапливалась в ней, чтобы потом вырываться наружу, словно сокровенная и мощная песнь! Стужа помнила все свои ощущения: как вспыхивала кожа, как в сознании открывались неведомые глубины и откуда-то из темноты вырывалась сила, которой она управляла с такой легкостью.

Но это было в далеком прошлом. Стужа потеряла свой дар. Ее мать-колдунья, прокляв дочь перед смертью, навсегда лишила Стужу силы, так что теперь от ее таинственных способностей не осталось и следа.

Стужа говорила себе, что это уже не имеет значения. Она не тосковала по магии. Тогда она была гораздо моложе, и с тех пор очень изменилась. Подобные вещи легко пленяют юных девушек, и они не задумываются о той цене, которую придется заплатить их душам. И все же она помнила...

Что случилось с этой девчушкой, стоявшей на берегу океана?

Календское море было всего в двух милях отсюда, но Стужа редко ходила туда. Его необычайно синие воды всегда навевали мысли об Эсгарии и о побережье, где она выросла. Стужа не могла вынести этих воспоминаний и тех кошмаров, которые так часто мучили ее потом.

Но в эту ночь причиной ее бессонницы был не кошмар.

Девушка посмотрела на бледную луну и на усыпавшие небо звезды. Тихий ветер ласкал ее волосы, сдувая пряди с глаз. Стужа окинула взглядом башни и минареты Марашаи. В далеком окне замерцала и погасла свеча.

«Пора уходить», — прошептала она себе. Слова прозвучали как вздох. Девушка повернулась к королевскому ложу с шелковым балдахинем. Аки больше не нуждается в ней. Война с Алеппо закончена. В Коркире наступил мир.

Стужа нашла здесь друзей, заняла достойное положение. Почему этого было для нее недостаточно, она сказать не могла. Но удовлетворения она не испытывала.

— «Пора уходить», — снова прошептала она. Размеренная придворная жизнь оставляла ей слишком много времени для мыслей и воспоминаний.

Что скажет Аки? Больше года Стужа была компаньонкой и телохранителем маленькой

королевы. Стуже подчинялась не только элитная дворцовая стража, но даже большинство личных советников Аки.

Девушка качнула головой и снова засмотрелась на ночное небо.

Аки была совсем юной. Слишком юной, чтобы носить корону, размышляла девушка. Лучше бы она подольше наслаждалась детством, играла и оставалась ребенком. Теперь все это было отброшено ради золотого венца.

Стужа вспомнила, как юная королева наблюдала за казнью убийц своего отца, шпионов Алеппо. Их предали смерти обычным в Коркире способом: подвесили за ноги и отрубили кисти. Кровь убийц еще не впиталась в землю, как Аки уже возложила себе на голову корону и армия провозгласила ее законной правительницей.

Стужа тогда была солдатом, обычным наемником.

Порыв холодного ветра вывел девушку из задумчивости. Она зевнула. Ее постель, не так богато украшенная, как ложе Аки, стояла в углу около двери. Мягкие подушки манили. Она устала, но еще не была готова заснуть. Она подтянула к груди колени и положила на них голову. Копна густых волос закрыла ее лицо.

«Пора уходить», — сказала она себе, чуть улыбнулась и закрыла глаза.

Внезапно она почувствовала колебание воздуха, пробудившее ее от легкой дремоты. Она взглянула вверх и заметила блеск металла, услышала, как рвутся простыни. Тень скользнула позади ее кровати.

Девушка тихо залезла на подоконник и замерла на корточках.

Только сейчас она вспомнила про луну — увы, слишком поздно. Ее тень встревожила пришельца. Он резко повернулся, уклонившись от удара. С проклятиями Стужа шлепнулась на кровать, растянувшись на одеялах и подушках. Теперь ее спина была отличной мишенью.

Краем глаза Стужа заметила занесенный меч. Она молниеносно перекатилась, и клинок чуть не вонзился ей между ребер. Вновь сверкнула сталь, девушка метнулась в сторону, едва не запутавшись в покрывалах, и лягнула нападавшего ногой.

Ее враг, охнув, повалился на пол. Стужа соскочила с кровати и прислушалась, надеясь, что меч незваного гостя лязгнет по каменному полу.

Однако не раздалось ни единого звука. Стужа стала всматриваться в темноту: неужели он невидимка? Может, он знает заклинание, благодаря которому становится неуловимым? Или просто хорошо владеет своим ремеслом? Она поклялась, что впредь всегда будет оставлять лампу зажженной. Чертова темень поглощала все.

— Стужа! Мне кажется, я что-то слышала.

Девушка с трудом различила силуэт Аки, высунувшей головку из-за шелкового полога. В ту же секунду Стужа заметила на фоне окна темный силуэт, метнувшийся к королеве.

Это он!

Она с криком бросилась к незнакомцу, но, зацепившись ногой за покрывало, тяжело рухнула на пол. Через секунду она уже вскочила на ноги, но было слишком поздно.

Рука в перчатке схватила Аки за волосы и вытащила из-под полога. Маленькая королева успела вскрикнуть, прежде чем рука отпустила ее волосы и зажала рот. Она лягалась и извивалась, но бороться со взрослым мужчиной ей, конечно, было не под силу. Внезапно Аки почувствовала под сердцем легкий укол холодной стали.

Меч Стужи висел на крюке у изголовья кровати. Она сорвала его со стены, перекувырнулась и встала на ноги рядом с дверью, преградив единственный выход из спальни. Меч со звоном вылетел из ножен. В лунном свете сверкнула сталь.

В следующие несколько секунд не было слышно ни звука, кроме ее собственного дыхания и сдавленных всхлипов Аки. Свет, лившийся из окна, прочертил посреди комнаты тонкую полосу, которую ни она, ни пришелец, казалось, не осмеливались пересечь. Стужа не могла хорошенько рассмотреть мужчину, но его силуэт был виден достаточно отчетливо, чтобы метнуть меч.

— Брось оружие, — прошипел голос. — Иначе я убью ее.

Девушка крепко сжала меч обеими руками на манер бастардов и приподнялась на

носки. Когда она ответила, в ее словах был холодный вызов.

— Что ты прячешь за спиной?

— Отойди от двери, или она труп.

— Ты убьешь ее в любом случае. Перережешь ей горло в одной из темных дворцовых галерей.

— Тебе хочется увидеть, как я это сделаю здесь и сейчас?

Стужа продолжала говорить спокойным голосом, но ее ладони стали влажными.

— Да, — сказала она. — Тогда королева будет сразу же отмщена. — Стужа колебалась. Меч незнакомца по-прежнему был приставлен к груди Аки. — Или же ты согласишься на сделку, которую я тебе предлагаю. Отпусти ее, а я дам тебе время уйти, прежде чем позову стражу.

Пришелец медлил с ответом.

— Я отпущу ее, только на моих условиях, — наконец произнес он. — Выбрось свой меч в окно, и я освобожу твою королеву. А затем ты выведешь меня из дворца.

Стужа покачала головой:

— Ты сам пришел сюда, сам и выберешься. Я дорожу собственной жизнью.

Меч поднялся к горлу Аки. На одну жуткую секунду Стуже показалась, что она была слишком несговорчива. Затем незнакомец снова заговорил, и в его голосе послышалось непритворное веселье.

— Съесть королеву противника — огромное тактическое преимущество.

Стужа поняла намек. Многие вечера напролет она наблюдала, как ее отец играл со знатными людьми в шахматы.

— Будет хуже, если ты не примешь моего предложения, — ответила она.

В комнате повисла тишина. Даже Аки умолкла.

— Говорят, ты убила своих родителей и брата, — сказал незнакомец.

Стужа оцепенела. Даже здесь прошлое преследует ее. Девушка сжала меч с такой силой, что костяшки пальцев побелели и рука начала неметь.

— Ты сам видишь, что убить тебя мне ничего не стоит.

— Думаю, да. — В его голосе больше не слышалось напряжения, словно он просто болтал с ней о том, о сем. — Я слышал и другие сплетни, о тебе много чего рассказывают в тавернах.

— Прикуси язык! — прошипела она. Спокойствие незнакомца не на шутку встревожило ее. Стужу бросило в дрожь. Она тянула время, чтобы улучшить удобный момент и убить его. Кто этот негодяй, посмевавшийся копаться в ее прошлом? — Стужа сделала глубокий вдох, стараясь вернуть себе самообладание.

— Ну и что дальше? Завтра у Аки напряженный день. Ей надо выспаться.

Низкий смех прокатился по комнате.

— Боги! Эта сука смеет быть нетерпеливой со мной! — Мужчина вновь расхохотался. — Может, ты и вправду ведьма, как некоторые говорят?

— Если бы это было правдой, я послала бы твою душу прямоком в ад! — ответила девушка.

Вновь воцарилось молчание и вновь незнакомец первым нарушил тишину.

— Ладно, твоя взяла, — согласился он. — Но мы еще сыграем, в другой раз.

Он шагнул вперед к полоске света, струившегося из окна. Аки он держал перед собой. Короткий меч был все еще приставлен к ее горлу. Даже в лунном свете Стужа не могла разглядеть его лица.

— Ты обещала дать мне время. Я могу полагаться на твое слово?

— Я дам тебе фору, прежде чем pošлю стражников охотиться за тобой по городу.

Он двинулся к двери, держа Аки между собой и острием меча Стужи. Девушка отступила, освобождая проход, но лишь настолько, чтобы достать противника, если его меч сдвинется хоть на волос.

Незнакомец задержался на пороге.

— Отпусти ее! — приказала Стужа.

Однако он не ослабил хватки.

— Кажется, сегодня не моя ночь. — Он пожал плечами. — Если бы все получилось, я должен был бы оставить это здесь. Но для спасающегося бегством это просто лишний груз. — Он убрал меч в ножны, но не выпустил Аки. Свободная рука на миг исчезла в складках туники. Затем он достал какой-то предмет и бросил к ногам Стужи. — Это принадлежит тому, кто меня нанял. Может, ты его знаешь.

Девушка взглянула на вещь, лежащую на полу и едва различимую в полумраке.

— Что...

Незнакомец толкнул маленькую королеву на меч Стужи. Услышав в последнюю секунду отчаянный крик Аки, девушка успела резко повернуться, чтобы не пронзить свою царственную подопечную. Они обе повалились на пол, и Стужа почувствовала, как холодный металл прорезал ей плечо. Но было не время думать о боли. Наемный убийца замер в дверном проеме с кинжалом в руке.

Стужа среагировала мгновенно и закрыла собой маленькую королеву. Она услышала свист, и тут же лезвие вонзилось в ножку стула рядом с ее рукой.

— Я мог бы пронзить тебе сердце, если бы захотел, — засмеялся незнакомец.

— Лжешь, — начала она, но расспрашивать его, как бы он это сделал с мечом в одной руке и с ребенком в другой, — у нее не было возможности. Незнакомец быстро поклонился и исчез в темноте.

Стужа так грязно выругалась, что сама поразилась. Затем рывком поставила Аки на ноги. Две тоненькие ручонки обхватили ее за талию. Аки дрожала от страха.

— Все хорошо, — успокаивала ее Стужа. — Он ушел, и мы обе целы.

Слезы затуманили синие глаза Аки.

— Кто это был? — спросила она всхлипывая. Теперь перед Стужей вместо ее величества стоял до смерти напуганный ребенок. Аки уткнулась лицом в ночную рубашку своего телохранителя и разрыдалась.

Стужа высвободилась из объятий Аки и нагнулась за вещицей, которую оставил наемный убийца. Это был медальон. Пальцы нащупали рельеф на его поверхности. Она вздрогнула, и краска залила ее лицо. Ошибки быть не могло. Стужа и без света мгновенно узнала изображение.

— Им нужна была не ты, малышка. — Она провела кончиком языка по губам и ощутила привкус собственного пота. Убийца не перепутал кровати, как она решила вначале. — Он приходил за мной.

Аки с недоумением взглянула на нее. Слезы постепенно высохли.

— Старые враги напали на мой след, — объяснила Стужа. — Я совсем забыла о них, и это едва не стоило мне жизни. — Она подняла свой меч. — Оставайся здесь и жди моего возвращения. Запри дверь.

— Куда ты? — спросила Аки, глядя на нее широко открытыми глазами. — Ты же обещала, что дашь ему уйти. Поклялась честью.

Стужа сурово взглянула на королеву:

— Честь — большая ценность, ваше величество, как заморские специи. Учитесь пользоваться ею бережно. — Она скрылась в темноте, откуда донесся ее голос: — Я пообещала не поднимать тревогу, но не сказала, что не буду преследовать его сама.

Она тихо закрыла за собой дверь и подождала, пока щелкнула задвижка.

«В аду и то светлее», — подумала Стужа, оглядываясь в поисках факела или лампы. Мог ли он улизнуть так быстро? Или подстерегает ее где-то рядом, в темных закоулках, чтобы выпустить ей кишки. Она держала меч перед собой, как слепой держит трость.

В правой руке она сжимала медальон с гербом лорда Рольфа — старого правителя города под названием Шазад, что в Роларофе, недалеко от ее родной Эсгари. Два года назад ей пришлось уложить двух его пьяных сынков. Рольф со своими оставшимися в живых сыновьями поклялись отомстить ей. Но девушка решила, что отвязалась от них, когда уехала

в Шондо. Роларофцы испытывали перед этой землей суеверный ужас. Однако им каким-то образом снова удалось ее разыскать.

— Я не позволю охотиться на себя, — поклялась Стужа. — Я должна с этим покончить, даже если для этого мне придется вернуться в Шазад.

Она добралась до лестницы и осторожно нащупывая пальцами босых ног края ступенек стала спускаться. Внизу мрак начал рассеиваться, и наконец Стужа оказалась в освещенной королевской галерее. Там было пусто. Ни ночного убийцы, ни стражника. Она пнула стену и снова выругалась.

— Ругаться — это единственное, что мне сегодня хорошо удастся. — Эхо подхватило ее слова и разнесло по многочисленным коридорам. Она повернулась к лестнице, собираясь подняться в спальню.

Но внезапно долетевший до нее лязг оружия и топот ног заставил девушку остановиться. Отряд стражников вбежал в галерею из бокового коридора во главе с самим Трасом Суртианом, командующим элитным подразделением. По его обычно такому спокойному лицу было видно, как он взволнован. Заметив Стужу, он немного успокоился.

— Аки подняла тревогу! — хрипло произнес он.

Стужа жестом остановила их. У королевской постели висел шнурок, соединенный с колокольчиком в комнате стражников. Легкая улыбка тронула уголки губ девушки. Должно быть, Аки быстренько послала честь ко всем чертям и стала дергать за шнурок, как только ее телохранитель покинул комнату.

— С королевой все в порядке.

Трас Суртиан сказал что-то еще, но Стужа не разобрала слов. Она не могла понять, почему его солдаты так по-идиотски ухмыляются. В незакрытые ставни окна, что освещало лестницу, заглянула луна. И тут Стужа вспомнила, что на ней не было ничего, кроме короткой ночной рубашки, в которой она спала. Не на шутку разозлившись, она замахнулась мечом:

— Будете ухмыляться, отрежу губы.

Улыбки быстро сползли с лиц стражников.

Трас Суртиан обвел своих солдат суровым взглядом, подозвал юного лейтенанта и, сняв с него плащ, набросил ей на плечи.

— Ты ранена, — произнес он, заметив струйку крови, текшую по ее плечу.

— Поранилась о собственный меч, — ответила Стужа, пока грубые пальцы ощупывали рану. — Упала на лезвие. Неуклюже, но ничего серьезного.

Она вкратце рассказала о ночном происшествии. Трас Суртиан послал половину своих людей закрыть все выходы из дворцовых построек. Слишком поздно, подумала Стужа.

— Утром я первым делом хочу знать, кто сегодня был на посту, — обратился он к лейтенанту. — Если я не выясню, кто заснул, повешу дюжину наугад.

— Давайте проведем Аки, — сказала Стужа. — Она одна и наверняка очень напугана. — Девушка запахнула плащ поплотнее и стала подниматься по ступенькам. На этот раз лестницу освещали лампы, которые несли солдаты Траса Суртиана, и они двигались гораздо быстрее.

— Горе той стране, которой правит ребенок, — пробормотала она.

— Не мы сделали такой выбор, — согласился он.

— Я больше не могу оставаться с ней, Трас. — Она тронула старого друга за плечо. — Я и так хотела уехать, а теперь мое присутствие угрожает ее безопасности. Аки не должна стоять на пути моих врагов, если они снова попытаются до меня добраться.

Трас Суртиан понимающе кивнул. Они тихо поднимались по последнему витку. Когда они дошли до спальни, Стужа толкнула дверь. Аки заперлась изнутри, как и было велено. Стужа позвала королеву.

Ответа не последовало.

Она позвала снова, затем еще раз. Рука Траса Суртиана легла на ее плечо.

— Дай я попытаюсь, — сказал он. Он позвал Аки по имени, и его бас наполнил узкий

коридор. Затем толкнул своим массивным плечом деревянную дверь — она покачнулась, но не поддалась. Еще одно усилие — задвижка сломалась, и дверь распахнулась.

Клубы удушающего серного дыма вырвались в коридор, обжигая легкие. Стужа закашлялась и отступила, чуть не налетев на одного из солдат, который упал позади нее. Дым разъедал глаза. Кто-то, судорожно пытавшийся глотнуть воздуха, натолкнулся на нее. Это был Трас Суртиан.

Стужа сделала глубокий вдох, закрыла лицо уголком плаща и ринулась в комнату. Аки там не было. Стены почернели и обуглились, как будто тут совсем недавно бушевал пожар. В воздухе висела густая пелена дыма. Но, несмотря на дым и следы пламени, ничего не горело. Мебель, ковры, драпировка были в целости и сохранности.

Трас Суртиан указал на шелковые простыни, скомканные на королевском ложе. Покрывало было откинута. На драгоценной материи виднелись пять длинных прожженных полос. Стражники подошли ближе, чтобы лучше рассмотреть зловещий знак.

— Похоже на гигантский отпечаток руки, — сказал один из солдат.

И это была правда.

— Колдовство, — прошептал Трас Суртиан. Он быстро начертил в воздухе знак. — Работа демонов.

Солдаты последовали его примеру, призывая на защиту единого бога.

Стужа оперлась на подоконник и полной грудью вдохнула чистый воздух. Башни и шпили спящего города чернели на фоне звездного неба. Внезапный порыв ветра, разметавший ее волосы, не мог остудить гнев, сжимавший сердце девушки. Ее взгляд блуждал по саду внизу, словно с этой высоты он мог проникнуть сквозь тени, обволакивавшие аллеи.

Трас Суртиан встал рядом с ней.

— Пойдем, я перевяжу твое плечо. — В его голосе звучали страх и горе. — Здесь нам больше нечего делать.

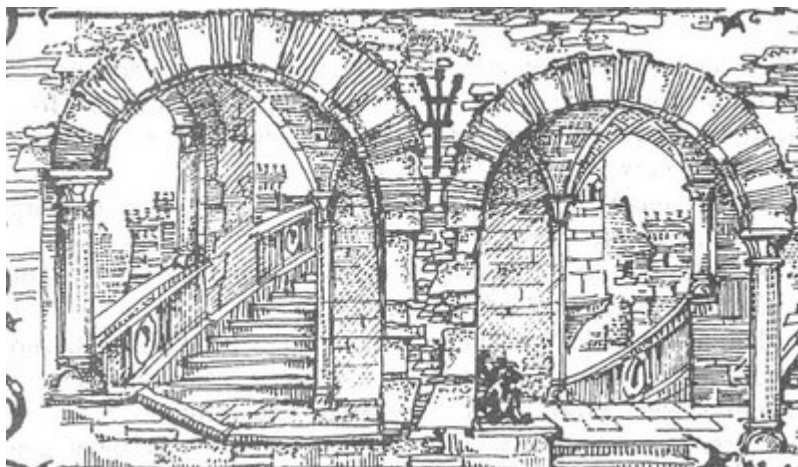
Она оттолкнула его. Стужа должна была охранять девочку-королеву. И не справилась. Она сжимала рукоять меча, пока костяшки не побелели так, что кожа на них готова была треснуть.

Где Аки?

Девушка взглянула на луну словно в поисках ответа.

По небу по-прежнему плыла бледная улыбка.

Глава 2

В эту ночь Стужа не спала. Она опросила стражников, осмотрела сад и дворец, чтобы найти хоть какие-нибудь следы, проливавшие свет на загадочное исчезновение Аки. Безнадежно, с горечью сказала она себе. Похититель, унесший девочку из-под их носа, несомненно, владел магией.

Когда на востоке занялся рассвет, Стужа вернулась в башню, где делила с Аки спальню. У двери по приказу Траса Суртиана дежурили два стражника. Они отсалютовали Стуже, когда та прошла между ними.

В комнате все еще стоял отвратительный запах серы.

Стужа достала сундук со своими пожитками, который хранила под кроватью, и, опустившись на колени, стала разбирать свое имущество. Там была дорожная одежда из серой кожи, она разложила ее на кровати. Серебряная диадема со сверкающим лунным камнем — Стужа надела ее, чтобы волосы не падали на глаза.

— Очень красиво.

Она обернулась через плечо. Несмотря на высокий рост и могучее телосложение, Трас Суртиан мог двигаться бесшумно.

— Подарок одного старого друга, — ответила она и вновь принялась рыться в сундуке.

— Тебе идет, — сказал он. — А это что?

Она посмотрела на небольшой шелковый сверток, затянутый тремя кожаными полосками, который держала в руке. Какое-то время она колебалась, глядя на него. Затем вздохнула, захлопнула крышку сундука и задвинула его обратно под кровать.

— Что это? — вновь спросил Трас Суртиан. — Должно быть, вещь очень ценная, раз ты ее так аккуратно завернула.

Стужа едва сдержала улыбку. Любой эсгариец узнал бы сверток. Белый шелк и кожа означали, что содержимое обладает магической силой. Если волшебная вещь завернута таким образом, волшебной силе не просочиться наружу.

Но сейчас внутри не было ничего магического, и подобный сверток был излишней предосторожностью. Стужа по одной развязывала кожаные тесемки, откладывая их в сторону. Затем развернула шелк.

Трас Суртиан придвинулся ближе.

Кинжал слегка поблескивал в свете ламп и занимавшейся за окном зари. Ножны из полированного серебра и цепочка из серебряных пластинок. На рукояти алели кроваво-красные камни.

— Никогда не видел более красивой вещи! — Трас Суртиан протянул руку, чтобы потрогать кинжал.

— Нет! — Она поймала его руку. — Никто не должен касаться Жала Демона, кроме меня. И лучше тебе не знать почему.

— Жало Демона?

Она начала раздеваться, стаскивая с себя солдатскую форму. Присутствие Траса Суртиана ее не волновало. Мужчины и раньше видели ее обнаженной.

— Дурацкая эсгарийская привычка давать оружию имена.

— А как ты зовешь меч?

Она пожала плечами.

— Просто меч. — На самом деле кинжал получил свое имя задолго до того, как достался ей. Она натянула дорожную одежду, обулась и повесила Жало Демона на пояс.

— Ты собираешься разыскать Аки, я правильно понял?

— Она была моей подопечной, — холодно ответила Стужа. — Я не остановила похитителя.

— Что ты можешь сделать против колдовства? — спросил он. — Ведь ты воительница, а не ведьма.

Она вздрогнула, затем сделала глубокий вдох и взяла себя в руки.

— Она была моей подопечной, — повторила Стужа.

В дверном проеме появились двое стражников и назвали имя Стужи.

— Его величество зовет вас, — сказал один. — Нам приказано сопроводить вас в тронный зал.

Стужа быстро взглянула на Траса Суртиана.

— Я как раз пришел, чтобы сообщить тебе об этом. Тогрин Синтелл прибыл менее часа

назад. Теперь он единственный претендент на престол. Коронация через три дня.

Стужа сумела скрыть гнев от стражников, но Трас Суртиан знал ее слишком хорошо.

— Это его законное право. Он ближайший родственник Аки и барон Эндимии. Коркира не может оставаться без монарха, — продолжил он.

— Я сейчас иду, — сказала она солдатам, пытаясь закрыть дверь.

Стражники не двинулись с места.

— Нам приказано привести вас.

— Я сам сопровожу ее, — сказал Трас Суртиан. — Вы свободны.

Они поклонились, повернулись и исчезли за дверью. Стужа заперла засов.

— Эндимия находится на другом конце королевства, — прошептала она, когда они остались одни. — Каким образом, черт возьми, Тогрин Синтелл узнал об исчезновении Аки?

— Он не знал, просто приехал с визитом, вот и все, — попытался успокоить девушку Трас Суртиан.

— Ночью? — не унималась она. — За те два года, что я служу Аки, он ни разу не показался при дворе. Почему именно теперь?

— Ты думаешь, это заговор?

Она чуть не рассмеялась его святой наивности:

— Как раз поспел на собственную коронацию. Не будь таким дураком, ты же должен это понимать.

— Он же королевской крови, — покачал головой Трас Суртиан.

Стужа сплюнула:

— Вся история написана кровью, родственники всегда устраивали боины за корону. Войска верны Аки. Арестуй эту крысу и выбей из него правду!

Трас Суртиан шагнул по комнате.

— Солдаты на это не пойдут. Никогда еще армия Коркиры не восставала против своего монарха. Они не сделают этого, — повторил он. — И я тоже.

— Он не ваш монарх, — настаивала Стужа.

Его лицо залила краска, и он ударил кулаком в стену.

— У нас нет доказательств, что Аки жива, — прорычал Трас Суртиан. — И что ее исчезновение подстроил Тогрин Синтелл!

— Когда он отведаст дыбы, у тебя будут доказательства и того и другого.

Трас Суртиан выпрямился, вновь взяв себя в руки. Несмотря на всю убедительность слов Стужи, он оставался коркирским воякой, приученным к верной службе.

— Это невозможно, — сказал он наконец.

Стужа сдалась. У нее хватало своих проблем.

— Ты знаешь, зачем он хотел меня видеть?

Трас Суртиан повернулся к ней лицом; вероятно, ее слова все же заставили его задуматься, потому что она заметила в его карих глазах тревогу.

— Я могу только догадываться, — ответил он. — С исчезновением Аки ты лишилась места и положения. Теперь ты снова обыкновенный наемник, и твоя судьба в руках Тогрина.

— Не слишком утешительно, — бросила она.

— Берегись его, женщина. — Трас Суртиан внезапно снова ожил. Он зашагал по комнате, нервно потирая руки. — Тогрин не похож на большинство мужчин, вряд ли он когда-нибудь держал в руках меч. Но он коварен, как всякий, кто слишком долго ждет короны. Не говори о том, что собираешься разыскивать его кузину. Это ему не понравится, как и любые слухи о том, что Аки жива.

— Ты думаешь, он попытается меня задержать?

Трас Суртиан кивнул:

— Если узнает, что ты решила отправиться на поиски Аки.

Несколько мгновений Стужа размышляла, понимая, что время уходит и Трас Суртиан ждет ее.

— Тогда, Трас, если наша дружба что-нибудь для тебя значит и если ты хоть немного

любил Аки, ты должен мне помочь. — Она сняла меч, завернула его в серый плащ, все еще лежавший на кровати, и вручила сверток Трасу Суртиану. — Мой конь в королевских конюшнях. Приведи его к восточным воротам. Не пытайся сесть на него, просто приведи за узду. Назови мое имя, и он пойдет за тобой. Только не будь с ним груб. И лучше переоденься, чтобы никто тебя не узнал.

Трас Суртиан встревожился и насупил брови:

— Ты просишь меня послушаться короля?

— А ты что, уже слышал, как он дал приказ задержать меня?

Старый капитан отрицательно покачал головой.

— Значит, ты ничего не нарушаешь. А если уйдешь прямо сейчас, то и не услышишь такого приказа.

Казалось, капитан колеблется. Она дотронулась до его руки и мягко сказала:

— Трас, пожалуйста. Мне нужна твоя помощь.

Наконец он пожал плечами:

— Не думал, что доживу до дня, когда женщина будет вертеть мной как игрушкой, — сказал он. — Но у тебя это получается, причем легко.

— Я должна сделать еще кое-что. — Она отстегнула Жало Демона, затем распахнула тунику и спрятала кинжал на груди. Когда Стужа оделась, кинжала совсем не было заметно.

Девушка перехватила тревожный взгляд Траса Суртиана.

— Я не убийца, — уверила она его. — Я не могу оставить кинжал валяться здесь без присмотра и не могу доверить его даже тебе. Но мне нельзя открыто носить оружие в присутствии Тогрина. Так будет лучше. — Она потянула за бархатный шнур над кроватью Аки и подпоясалась им. Затем поправила кинжал под туникой. — Смотри, как до него трудно добраться, — сказала она.

Трас Суртиан поднял ее меч, завернутый в плащ.

— Я жду тебя у ворот, — произнес он. — И будь с Тогрином начеку.

— Если я не приду через час, ищи меня в подземелье.

Его глаза потемнели, но он ничего не сказал в ответ. Они открыли дверь и вышли, оставив двух стражников стеречь пустую комнату.

Еще два солдата стояли перед тронным залом. Они заняли места по обе стороны от Стужи. Она знала, какую роль ей предстоит сыграть, и несколько мгновений на подготовку были ей просто необходимы. Постепенно девушка справилась со своими эмоциями, и напряжение в мышцах прошло. Стужа осмотрела себя, убедилась, что кинжала из-под одежды не видно, теперь она могла встретиться с Тогрином Синтеллом.

Резная дубовая дверь на хорошо смазанных петлях легко отворилась. Стужа вновь стояла в зале, в котором бывала раньше по сотне причин. Потолок здесь поддерживали не колонны, а стройные фигуры из молочно-белого мрамора — персонажи различных коркирских легенд и мифов. Потолок и пол были расписаны цветами, животными и птицами. На стенах висели ковры и гобелены. В воздухе плыл легкий аромат благовоний.

В дальнем конце зала на двадцати ступенях из слоновой кости возвышался изумрудный трон. Потолок над ним поднимался в виде купола. В этом зале был прекрасно слышен даже самый тихий шепот.

Развалиясь на подушках, на троне сидел Тогрин Синтелл.

— Ты заставила меня ждать, женщина, — произнес он.

Стужа уловила в его интонации насмешку или тонко завуалированную угрозу. Ее шаги по каменным плитам гулко отдавались в огромном зале. Она приблизилась к трону, опустилась на одно колено на нижней ступеньке и потупила взгляд.

— Простите, ваше высочество, — тихо ответила она. — Я была не одета, когда пришли ваши стражники.

Тогрин Синтелл пожал плечами и взял в руки кубок, который тут же наполнила из кувшина девочка-служанка. Слева от него сидел писец, имени писца Стужа не припоминала. Он подал Тогрину документ, тот взглянул на бумагу и покачал головой:

— Это не имеет значения. Как ты видишь, у меня много дел. Моя маленькая кузина была прелестным ребенком, и народ ее любил, однако, кажется, в государственных вопросах она не разбиралась вовсе.

Стужа прикусила губу и заставила себя разжать кулаки. Лжец! Аки добросовестно выполняла свой долг. Нехватку опыта она восполнила тем, что подобрала лучших наставников и советников. Однако произносить это сейчас было бы не мудро.

Тогрин осушил кубок и жестом приказал налить себе еще.

— Знаешь, я могу пить сколько угодно и никогда не пьянею, — Он улыбнулся и некоторое время внимательно изучал Стужу. — Ты, как я понимаю, наемник. — Его улыбка расплылась еще шире, и Тогрин подался вперед, опершись локтем о колено. — А ты не выглядишь такой уж свирепой.

Эта реплика не требовала ответа, и поэтому Стужа промолчала. Ее колени начали ныть.

— Говорят, ты умеешь обращаться с мечом лучше любого мужчины. Это правда?

— Люди порой преувеличивают, ваше величество, — произнесла она, тщательно подбирая слова.

Он поднял брови.

— Ты хочешь сказать, что мои солдаты, мои коркирские солдаты — лжецы?

Стужа слегка надула губы.

— Нет, ваше величество.

— Хорошо. — Тогрин снова пожал плечами. — Каково бы ни было твое мастерство, ты служила телохранителем моей кузины. — Он сделал паузу, пробегая глазами бумагу, которую ему подал секретарь, и кивнул. Секретарь капнул на документ воском, и Тогрин приложил к нему перстень с печаткой. Затем вновь взглянул на Стужу. — Почему ты не была с Аки прошлой ночью?

— В спальню пробрался убийца, и я стала его преследовать, — ответила она.

— Я уже слышал эту историю, — сказал он, отпивая из кубка. — Но у тебя нет доказательств, которые могли бы подтвердить твои слова.

В первый раз Стужа встретила с Тогрином Синтеллом взглядом.

— Порванные простыни... — Она на мгновение задумалась. — Мое плечо...

— Это не доказательства, — взмахнул Тогрин рукой. — Это могло быть и твоих рук дело.

Стужа медленно поднялась с колен, она уже ненавидела эту тварь, посмевавшую смотреть на нее сверху вниз.

— Так вы меня обвиняете?

Тогрин пристально взглянул на нее.

— Пока нет. Обстоятельства довольно странные, и я сомневаюсь в твоей причастности к убийству моей кузины...

— Убийству? — перебила его девушка.

— Не смей разговаривать со мной таким тоном, женщина. — Тогрин сделал паузу, бросая ей вызов своим молчанием, потом продолжил: — Нет никаких сомнений в том, что Аки убита либо незнакомцем, пробравшимся в спальню, либо колдуном, как болтают в народе. Может, ты и не замешана в этом преступлении, но ты покинула свой пост и не была в тот момент рядом с Аки. Это равносильно дезертирству.

Стужа сразу сникла и отвела взгляд. Она не могла ничего возразить. Ей следовало находиться с Аки. Если бы она помнила об этом, девочка скорее всего осталась бы цела. Это целиком ее вина.

Она нервно покусывала губы.

— Но сейчас я склонен проявить милосердие, — продолжил Тогрин. — Его губы тронула улыбка, и он выпрямился, сжав унизанными перстнями пальцами подлокотники трона. — Я должен принять во внимание, что именно твоя небрежность возвела меня на престол. — Он велел служанке наполнить кубок.

Пока Тогрин пил вино, Стужа, прищурившись, окинула его внимательным взглядом.

Надо было выбираться отсюда. Этот человек не доверял ей, все его поведение и каждое слово выдавало это. Если он не арестовал ее сейчас, очевидно, у него была на то причина. Вероятно, чтобы собрать против нее побольше улик, решила она. Она не сомневалась, что Тогрин Синтелл обвинит кого-нибудь в пропаже Аки. Иначе ее исчезновение будет вызывать недоумение и в народе поползут разные кривотолки.

Он снова наклонился вперед:

— Однако милость не означает глупость. В этом деле многое осталось неясным.

Так оно и было. И он собирался это прояснить. Стужа прикидывала, сколько прошло времени. Трас Суртиан будет ждать у восточных ворот.

— Поэтому ты не должна покидать дворец в течение нескольких дней, — продолжал Тогрин. — Когда все станет ясно, мы можем поговорить о продолжении твоей службы в Коркире. — Он замолчал, облизывая губы. — Но, разумеется, не в роли солдата. Штаны тебе не идут. — Девочка-служанка наклонилась к нему и что-то прошептала на ухо. — Недостаточно красива, — бросил Тогрин через плечо и вновь обратился к Стуже. — Пока ты можешь по-прежнему жить в своих апартаментах, но отныне при дворе ты не занимаешь никакого официального положения. Ты мой гость.

Он жестом отпустил ее.

Стужа сделала несколько шагов назад, затем повернулась и направилась к двери. Ее ладони стали влажными от пота. Она вытерла руки о тунику и нащупала под ней Жало Демона. Трас Суртиан был прав. Тогрина Синтелла нельзя недооценивать. Амбициозность делает его опасным.

Но он ли в действительности организовал похищение Аки?

Если у Стужи и оставались какие-то сомнения, то они исчезли, когда она обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на человека, которого уже считала врагом.

В тени, позади трона, возник силуэт. Человек был в темном плаще и капюшоне, поэтому девушка не могла разглядеть его лица. В первое мгновение ей показалось, что это ее ночной гость. Однако приспешник Тогрина Синтелла был ниже и к тому же горбился, как старик.

Заметив Стужу, этот человек остановился и выпрямился. Они внимательно посмотрели друг на друга. Но разглядеть его лицо Стужа так и не смогла.

Она поклонилась и вышла.

Тогрин Синтелл не был единоличным правителем Коркиры. Старик дал понять это единственным жестом, в котором читались вызов и предупреждение.

— Волшебник, — пробормотала она, — либо колдун, либо маг. — С первого взгляда на прожженные простыни Аки она поняла, что здесь не обошлось без волшебства. А ее колдовские способности были утрачены. Что могла она сделать?

Стужа глубоко вздохнула. Тем не менее ей придется исправить ошибку. Если маленькая королева жива, Стужа должна отыскать ее. Если же Аки мертва, то кровь королевы на ее руках.

Девушка внимательно посмотрела на свои ладони и стала тереть их, испугавшись собственных мыслей. Но если худшие опасения оправдаются, то лишь кровью она сможет смыть кровь.

Стужа шла по коридору обычным неторопливым шагом, чтобы не выдать своих намерений. Ни во дворце, ни во всем Марашаи она не могла чувствовать себя в безопасности. Если ее бросят в тюрьму, она уж точно ничем не поможет Аки. Стужа подозревала, что вовсе не Тогрин был ее настоящим врагом. Но если тот старик и вправду волшебник, он выследит ее, куда бы она ни отправилась.

Стужа повернула к кухням, попробовала блюда, готовившиеся к завтраку, и одобрительно кивнула. Затем двинулась в комнаты, отведенные для стражи, осмотрела оружие, отчитала сонных часовых. При этом она изо всех сил старалась не показать, что спешит. Наконец она вышла в сад, полюбовалась цветами. На стене у ворот стояли два стражника. Она знала их и остановилась перекинуться с ними парой слов. Видимо, эти

стражники еще не слышали приказа, запрещавшего ей покидать территорию дворца. Они даже не попытались остановить ее, когда Стужа, пожелав им всего хорошего, шагнула за дворцовые ворота.

Оказавшись за стенами дворца, Стужа бросила притворяться и со всех ног кинулась к восточным воротам, где ее ждал Трас Суртиан. Каждую секунду она возносила благодарность эсгарийским богам за то, что за ней не было погони. Она напрягала слух в ожидании окрика «стой!» или тяжелых шагов вооруженного патруля.

На улицах было полно народу: торговцы, раскладывавшие свои товары, нищие и уличные мальчишки, изредка встречались люди благородного сословия, совершавшие свой утренний моцион. Она проталкивалась сквозь толпу не извиняясь и ни с кем не разговаривая.

Наконец Стужа очутилась у восточных ворот. Оглядевшись, она не обнаружила стражников, но зато заметила неподалеку одноглазого старика в грязных лохмотьях. Несмотря на отличную маскировку, по могучему телосложению Стужа сразу узнала Траса Суртиана и стоявшего рядом с ним красивого зверя.

Зверя звали Ашур, и девушка улыбнулась, взглянув на него: густая грива блестела, шелковый хвост доставал до земли. Но самыми красивыми во всем его облике были глаза, казавшиеся озерами неземного огня, вспыхивавшего в зависимости от настроения животного, и витой рог на лбу длиной с человеческую руку.

Ашура подарил ей тот же самый волшебник, от которого она получила и Жало Демона. На всей земле не было второго такого создания. Людям Ашур представлялся обычным конем, правда, довольно большим и необыкновенно сильным. Он бегал ненамного быстрее земных лошадей, но никто не мог тягаться с ним в выносливости.

Но те, кто обладал истинным зрением, и те, кто стоял на пороге смерти, видели его настоящее обличье.

Ашур был необузданнее ветра. Никто, кроме Стужи, не мог его оседлать.

Трас Суртиан двигался, как согбенный старец. Он приковывал к девушке, протягивая грязную миску. Она бросила в нее монетку и подошла обнять Ашура.

— Твой меч и немного еды лежат у стены, — шепнул Трас Суртиан. — Ты задержалась. Что-то случилось?

Она откинула пыльное одеяло, покрывавшее ножны с мечом, и повесила их на пояс.

— Думаю, да, — ответила она.

Трас Суртиан вздрогнул.

— С Тогрином был какой-то старик. Ты его знаешь?

— Нет, сегодня утром я видел его впервые.

Она нахмурилась, набрасывая на себя плащ:

— Вероятно, тебе придется сталкиваться с ним чаще, чем хотелось бы. За Тогрином Синтеллом стоит могущественный колдун. Исчезновение Аки подстроено ими.

— Ты можешь это доказать? — шепотом спросил он.

— Я это чувствую, — ответила она.

— Это не доказательство.

Стужа отвернулась и сплюнула.

К воротам подошла группа купцов, направлявшихся на городской базар. Трас Суртиан поковылял к стене, сел на корточки и выставил свою миску. Ни одна монетка не звякнула о ее дно.

— Чтоб вам спать с прокаженной! — крикнул он им вслед, когда они прошли. Затем обратился к Стуже: — Если ты на самом деле так думаешь, тогда тебе стоит начать поиски отсюда.

Девушка криво усмехнулась и медленно покачала головой.

— Тогрин должен кого-нибудь вздернуть за исчезновение Аки, и, как ее телохранитель, я первый кандидат на виселицу. Я не собираюсь торчать здесь, чтобы дать ему такую возможность.

Трас Суртиан посмотрел на нее своим единственным глазом.

— Ты вернешься?

Стужа не ответила, только молча положила на спину Ашура покрывало, затем седло и подтянула подпругу. Когда все было готово, она перекинула через плечо сумку с провизией и повернулась, чтобы попрощаться со старым капитаном.

В воротах стоял отряд солдат. Девушка даже не слышала, как они подошли. Трас, судя по удивленному выражению лица, тоже. Стужа быстро сосчитала, сколько их.

Восемь, и ни одного знакомого. Скорее всего, личная охрана Тогрина Синтелла. Обнаженные мечи сверкали на солнце.

— Стой! — Молодой лейтенант выступил вперед. — Вы ослушались приказа его высочества барона Эндимии. — Его юное лицо внезапно исказил гнев. — Попыткой покинуть Марашаи вы доказали свою виновность в убийстве нашей возлюбленной королевы Аки. Возьмите ее меч, — велел он своим людям.

Один солдат, повинаясь приказу, направился к Стуже, чтобы забрать оружие. Она следила за его приближением, а затем со всей силы швырнула в него сумку с провизией. Удар пришелся прямо в лицо и сбил солдата с ног. Замахнувшись, Стужа ударила сумкой растерявшегося лейтенанта. Очевидно, тот не ожидал сопротивления.

Ее меч вмиг вылетел из ножен. Солдаты были очень молоды и наверняка недостаточно хорошо подготовлены. Вместо того чтобы окружить противника, они попытались атаковать Стужу спереди. Еще одно доказательство, что это были люди Тогрина, а не коркирские воины.

Схватив меч обеими руками, Стужа вонзила его одному из нападавших между ребер и затем рывком высвободила оружие. Но остальные все же одолели бы ее, если бы Стужа была одна. Трас Суртиан пришел ей на выручку: он ударил в пах другого нападавшего и, стукнув своим огромным кулаком, оглушил третьего.

Внезапно раздался трубный звук, смешавшийся с воплями и криками оставшихся в живых солдат, увидевших чудовище. Опустив голову, Ашур пронзил своим рогом одного из парализованных ужасом стражников. Единорог еще раз мотнул головой, и изуродованное тело шмякнулось рядом со стеной. Ашур взвился на дыбы, и удары его черных блестящих копыт настигли еще двоих.

Солдат, сбитый с ног сумкой, попытался подняться, но Стужа, наступив ногой на лицо юноши, спасла ему жизнь, сломав нос. Он снова распластался на земле, и если не потерял сознания, то быстро сообразил, что стоило притвориться.

— Трас! — Девушка искала глазами своего старого друга, пробираясь через тела убитых и раненых солдат к единорогу. Стужа схватила Ашура за узду, но убирать меч в ножны не торопилась.

Трас Суртиан нагнулся над телом жертвы единорога. Лицо Траса нахмурилось, когда он осмотрел зияющую дыру в груди мертвого солдата.

— Как? — Он поднял на Стужу полные неподдельного ужаса глаза. — Это не лошадь...

Она вздохнула. Иллюзия не рассеялась, а значит, Трасу Суртиану не грозит смерть. Но она не знала, как объяснить ему, да и времени на это не осталось.

Начала собираться толпа, ей надо было спастись. Трас все еще стоял на коленях над убитым стражником. Он тоже должен был бежать — он был слишком известным человеком в Марашаи. Кто-то мог узнать его несмотря на лохмотья.

— Беги, попросайка! Или я прикончу и тебя тоже! — Она занесла меч прямо над его головой.

Страх и гнев сверкнули в его глазах. Он переводил взгляд со Стужи на ее меч. На секунду она даже испугалась, что в замешательстве он решит броситься на нее. Но тут Трас Суртиан тоже заметил собравшихся людей и понял намерение Стужи. Он согнулся, поднял руки, словно защищаясь от удара, побежал и скрылся в толпе, рассыпав увесистую горсть звонких монет.

Стужа печально усмехнулась, когда мужчины и женщины стали ползать в пыли в

поисках золота и серебра. Хороший ход, который дал им обоим время скрыться. Девушка вскочила в седло и прищепила Ашура.

Марашаи остался позади вместе с его алчными жителями, продолжавшими ползть в пыли.

Глава 3

Стужа потянулась в седле. Приближался полдень. Урчание в животе напоминало, что сегодня ей еще не удалось поесть. Скверно, что сумка с провизией осталась у восточных ворот. К тому же Стужу начинала мучить жажда, а флягу с собой она не захватила.

Что ж, ехать было недалеко.

Ашур неторопливо бежал вперед. Она устала ежесекундно оглядываться, опасаясь преследования. Но за ней никто не гнался. После битвы у ворот девушка поскакала на восток к скалистым горам Китри, а затем, сделав петлю, повернула обратно на запад. Преследователи в любом случае потеряли бы время, распутывая следы.

Она проехала мимо фермы. Люди, работавшие на полях, оторвались от своих мотыг, чтобы проводить ее взглядом. Они не приветствовали Стужу. Без доспехов и щита, свидетельствующих, что перед ними телохранитель Аки, она была для них обычным странником. А в этих краях, впрочем, как и везде в сельской местности, чужакам не очень-то доверяли.

Через некоторое время Стужа добралась до Шадамы, небольшого селения, в котором было лишь несколько старых лавок, кузница да гостиница, впрочем, едва ли заслуживавшая этого названия. Чумазый мальчуган гонялся по единственной улице за такой же чумазой маленькой девчушкой. Из кузницы доносились удары молота.

Но когда Стужа проезжала мимо, кузнец прекратил свою работу, а дети встали как вкопанные. Девушка заметила, как из окон и дверей за ней наблюдают десятки глаз. Люди выходили из домов, чтобы посмотреть на нее.

Только выехав из деревни, Стужа смогла наконец выдохнуть. А ведь она даже не сознавала, что задержала дыхание. Сказывалось напряжение. Однако весть, что ее разыскивают, вряд ли распространилась так далеко. Причина подозрительности жителей была явно в чем-то другом. Шадама была слишком маленькой деревушкой, чтобы содержать свою стражу. Если что-то случалось, ее жители посылали гонцов за помощью в Кардалу, где был расквартирован гарнизон.

Оставив Шадаму позади, Стужа вскоре добралась до ветхой лачуги, одиноко стоявшей между пологих холмов. У одной стены хижины был разбит небольшой садик. Старушка, согнувшись над ухоженными грядками, аккуратно пропалывала нежные ростки.

— Уна! — окликнула ее Стужа и спешила.

Старушка подняла голову и сощурилась на ярком солнце. Ее лицо было темным от загара, волосы и кустистые брови — седыми, словно зимнее утро. Маленькие голубые глаза

искали, кто же ее позвал. И тут морщинистое лицо расплылось в приветливой улыбке.

— О, детка! — крикнула она, поднимаясь так быстро, как только позволяли старые кости. — Самидар, моя девочка! — Она распростерла руки, поспешив навстречу Стуже. — Ты приехала!

Стужа легонько обняла старушку:

— Пожалуйста, я же просила не называть меня так.

Уна оттолкнула ее и махнула рукой.

— Ох, ерунда! Это же твое имя, и не морочь мне голову всякими глупостями! — Она вытянула загорелую руку и почесала Ашуру нос. Он с явным удовольствием нагнул голову пониже. — Ты привела своего чудного единорога! Какой сегодня замечательный день!

— Совсем гордости нет! — пожурела Стужа своего зверя. — И за шардаханцем пойдешь куда угодно, лишь бы нос чесали! — Она потрепала его за шею.

— На самом-то деле шардаханцы не такие уж плохие, если узнать их получше, — серьезно сказала Уна. — Такие же люди, как и мы, только с некоторыми странностями. — Она взяла Стужу за руку и повела ее к дому. — Ты, должно быть, проголодалась. До Марашаи путь неблизкий. Небось, выехала ни свет ни заря?

Стужа кивнула и вошла вслед за хозяйкой в лачугу. Она, разумеется, была голодна, к тому же устала и натерла седлом ноги. Стужа довольно давно не ездила верхом, и старые мозоли сошли. Но вскоре они появятся снова.

Крыша в лачуге напоминала решето. Солнечный свет проникал сквозь дыры, и все внутреннее пространство было пронизано лучами, в которых плясали пылинки. Стужа огляделась. Ничего не изменилось. Полки по стенам уставлены запыленными склянками и завалены пучками растений, которые Уна выращивала в своем саду. В углу набитый травой матрас да одеяла, служившие ей постелью. Шаткий, выдавший виды стол и стул у окна. Пара табуреток, на одной сложена одежда, на другой составлены склянki. Пол покрыт толстым слоем пыли.

Уна поковыляла к очагу. Над холодными углями висел железный котел. Она сняла его обеими руками, согнувшись пополам от усилия. — Садись на стул и подожди, я сейчас. — Она вышла с котлом через дверь, ведущую во двор. Уна вернулась через несколько минут, вытерла руки подолом юбки, сбросила с одного из табуретов одежду и поставила его к столу. — Садись, говорят тебе. Сейчас жаркое подогреется. В такую погоду я развожу огонь на улице, чтобы в доме не было слишком жарко. Хочешь воды? Ни вина, ни молока у меня, к сожалению, нет.

Стужа села за стол и кивнула. Старушка потянулась к полке и достала оттуда две глиняные кружки, которые наполнила из стоявшей на полу бочки. Одну она поставила перед гостьей, из другой отпила сама маленькими осторожными глотками.

Стужа наблюдала за ней, мысленно улыбаясь. Уна была настоящим сокровищем, одной из тех немногих, кого Стужа могла назвать настоящим другом. Они виделись чрезвычайно редко, но очень ценили эти встречи. Девушка сделала глоток. Вода была прохладной и сладковатой.

— Ты что-то добавляешь в нее? — спросила девушка.

— Отвар из кореньев, которые растут здесь неподалеку, — ответила Уна, улыбнувшись. — Это дольше сохраняет воду свежей, так что мне не приходится слишком часто ходить к ручью.

— Отлично. — Стужа осушила кружку. — Лучше любого вина и молока.

Лицо Уны снова расплылось в улыбке.

— Ох, жаркое!

Она вскочила, достала с другой полки две глиняные миски и снова вышла через заднюю дверь. Через минуту она вернулась с дымящимся кушаньем. Стужа помешала содержимое своей миски деревянной ложкой и подула. Куски мяса в густом соусе. Она вдохнула аромат пряностей.

— Вчера нашла кролика в своих силках, — похвасталась Уна. Она положила в рот

кусоч мяса и стала шумно жевать. До сих пор у нее были отличные зубы, чем Уна очень гордилась. — А теперь Расскажи-ка, что привело тебя в нашу глушь? Что-то стряслось в Шадаме?

Стужа проглотила свой кусок.

— Тебе же наверняка уже все известно о том, что происходит в Шадаме. — Стужа облизала ложку. Жаркое было восхитительным, она уже не помнила, когда в последний раз ела с таким аппетитом. Чванливые дворцовые повара в Марашаи Уне и в подметки не годились.

Девушка рассказала все как было, стараясь ничего не упустить. Тем более что она все равно не могла Уне врать. Старушка обладала истинным видением, от нее не могли скрыть ни ложь, ни иллюзии. Этот редчайший дар приобретался лишь благодаря возрасту и мудрости.

— Тогда тебе стоит остаться здесь на несколько дней, — заявила Уна. — В Кардале скоро станет обо всем известно, если уже не стало. Но прежде чем эти толстопузые лодыри пошлют гонца сюда, пройдет изрядно времени.

Стужа очень уважала Уну за этот здоровый скепсис по отношению к властям, который приходит только с годами. Девушка улыбнулась и дотронулась до огрубевших натруженных рук подруги:

— Спасибо, я надеюсь, ты разрешишь мне ненадолго остаться. Я должна подумать, что делать дальше, и, вероятно, ты сможешь дать мне хороший совет.

— Таинственный помощник Тогрина? — Уна потеряла подбородок. — Боюсь, тут я ничего не смогу тебе подсказать. Я не знаю ни одного волшебника в этих краях. Жители Коркиры не любят чудес. Даже нас, лекарей, и то презирают. Они приходят, когда заболевают, а в другое время обращаются с нами как с собаками. Вот послушай, один бедный мальчуган в деревне, которого я лечу, подхватил лихорадку. — Лицо знахарки стало суровым. — А его отец убежден, что это я виновата, потому что мы недавно с ним поругались. — Она вздохнула, и лицо ее снова подобрело. — Если бы не ребенок — милый малыш иногда украдкой приносил мне цветы с холмов — наслала бы на них порчу.

— Неправда, — ласково сказала Стужа. — Ты же знахарка.

Уна пожала плечами и, встав из-за стола, направилась в сад.

* * *

Два дня бродила Стужа по холмам, окружавшим хижину Уны, снова и снова возвращаясь мыслями к недавним событиям. Она тщетно пыталась найти ключ к решению загадки, хоть какую-то зацепку, которая подсказала бы, где искать Аки. Был ли лорд Рольф причастен к исчезновению девочки? Узнает ли Стужа ответ на этот вопрос, если отправится в Ролароф? Рольф никогда раньше не прибегал к магии. Роларофцы испытывают перед колдовством суеверный страх. Если лорд Рольф ни при чем, она только зря потеряет время. Пройдут дни и недели, а она по-прежнему будет далека от Аки.

Стужа возвращалась в хижину, чтобы разделить с Уной хлеб и помочь по хозяйству. Она подмела пол, чуть не задохнувшись в клубах поднявшейся пыли. Вытерла полки, аккуратно переставляя таинственные сосуды, — в доме Уны хранилось множество растений и прочих вещей, назначение которых было Стуже неизвестно. Выгребла золу из холодного очага.

И все это время она напряженно размышляла. Рольф — ни при чем, в этом она была уверена. О судьбе Аки знал только Тогрин, да еще тот старик в черном плаще, что так самонадеянно опирался на коркирский трон. Но кто он? Стужа почти не сомневалась, что старик — волшебник. Огонь, прожегший простыни на постели Аки, был сверхъестественного происхождения. К тому же она что-то почувствовала, когда встретила взглядом с этим таинственным незнакомцем в тронном зале.

Девушка вновь ушла бродить меж холмов, чтобы полюбоваться звездами и подумать.

Но на вторую ночь ее мысли начали сплетаться в бесконечный клубок головоломок, Стужа снова и снова возвращалась к одному и тому же вопросу, пока у нее не закружилась голова и она не упала на прохладную траву. Девушка лежала и смотрела на черное небо, по которому медленно плыли звезды. Стуже казалось, что даже ветер, вторя ее собственным мыслям, шептал: «Аки, А-ки...»

Стужа не знала, сколько времени пролежала так. Внезапно она села, выпрямившись. «Ты слишком долго блуждаешь в своих мыслях! — отругала она себя и ударила кулаком по земле. — Надо действовать. Или забыть об Аки и выходить замуж за фермера!»

Она поднялась и весь обратный путь бежала. Добравшись до хижины, девушка рывком открыла дверь, так что чуть не выломала ее вместе с косяком. Старушка, свернувшись, спала в своем углу.

— Уна! — позвала она. — Уна, проснись!

Знахарка приподнялась, протерла глаза, стараясь разглядеть склонившееся над ней в темноте лицо.

— Что? — пробормотала она. — Что случилось?

— Мне нужна одежда, — сказала Стужа. — Какое-нибудь старое тряпье, которое валяется у тебя здесь. Сейчас же.

Уна села на постели:

— Зачем, детка?

— Я собираюсь в Кардалу, — ответила Стужа. — Мне нужно выехать до рассвета. Не теряй времени.

Она нагнулась, чтобы помочь Уне подняться, проклиная темноту. Стужа привыкла к жизни во дворце, где под рукой всегда были факел или лампа. Здесь же после захода солнца свет почти никогда не зажигался. Девушка снова выругалась, но тихо, чтобы Уна не слышала.

Старушка попыталась возразить, но все же пошла к старому сундуку, открыла его и начала копаться в тряпье:

— Тебе нельзя там показываться. Ведь они только этого и ждут. Солдаты станут искать тебя во всех больших и маленьких городах. К тому же в Кардале стоит гарнизон.

Стужа расправляла вещи, которые давала ей Уна, стараясь в темноте рассмотреть лохмотья.

— Я знаю, — ответила она. — Поэтому мне и нужно переодеться. Они не станут задерживать жену фермера или нищенку.

Стужа начала раздеваться. Задняя дверь отворилась и снова захлопнулась. Уна вышла и вскоре вернулась с тлевшим угольком. Нащупав подсвечник, она зажгла свечу и поставила ее на стол. По стенам лачуги заплясали тени. Уна ушла, чтобы бросить уголек обратно в костер.

— Не люблю зажигать свечи в доме, — сказала она, вновь закрывая дверь. — Боюсь пожара. Хотя и бедная хибарка, а все-таки своя. — Она постучала костяшками по косяку, и стены в ответ задрожали.

Стужа улыбнулась, натягивая очередную юбку, третью по счету, и подпоясала их куском бечевки. Казалось, она не носила такой одежды уже целую вечность и чувствовала себя в ней совсем непривычно. Она надела длинную рубаху из домотканой материи, подпоясала ее еще одной веревкой и закатала рукава.

— Пожалуйста, не прикасайся к нему, — предупредила Стужа, указывая на Жало Демона, когда разложила на столе свое оружие. Она не могла взять его с собой, это слишком бросалось бы в глаза. Наконец Стужа решила, что готова. Она расправила юбки и собрала в пучок волосы. — Ну, как? — поинтересовалась она, поворачиваясь к Уне.

Старушка нахмурилась и покачала головой.

Слишком чисто, решила Стужа. Она вышла за дверь измазала грязью лицо и волосы. А затем покаталась по земле. Непривычная к юбкам, она запуталась в них, с трудом поднялась, упала и снова поднялась. — Теперь нормально? — спросила она, вернувшись в хижину.

— Не вполне, — ответила знахарка. — Для нищенки ты слишком здоровая, а должна была бы быть худой и изможденной.

— Ну, тогда жена фермера.

— В тебе нет забитости и измученности непосильной работой. Тебя выдают походка и осанка, и что хуже всего — глаза.

Стужа раздраженно развела руками.

— Подожди. — Уна поставила подсвечник рядом с сундуком, откуда она достала одежду, и вновь принялась в нем рыться. Старуха выпрямилась и бросила Стуже какой-то сверток.

Девушка поймала его, не скрывая любопытства. Она тут же нахмурилась, нащупав шелк, перевязанный кожаными тесемками. Стужа взяла свечу и села за стол. Уна уселась напротив.

Да, это был белый шелк, трижды обмотанный полосками кожи. Она смотрела старухе в глаза, разворачивая сверток. Черная тень от неровно горящей свечи упала на лицо Уны. Ее морщинистые руки спокойно лежали на столе.

Когда шелк был развернут, на стол высыпалась колода карт. Стужа перевернула одну, с карты на нее уставился череп в короне. Стужа стала переворачивать карту за картой.

— Гадальные? — Она подалась вперед. Пламя свечи обожгло ей щеку. — Ты хочешь, чтобы я была гадалкой?

Уна тоже придвинулась ближе, тень больше не скрывала ее лица.

— А что может быть лучше?! Никто не заподозрит гадалку. А ты умеешь обращаться с картами.

— Они не откроются мне, ты же знаешь.

— Тебе известны их значения, остальное можно придумать. — Уна пожала плечами. Ее вздох чуть не затушил свечу. — Все хотят слышать одно и то же, о богатых женихах и невестах и о любовных победах. Ты сумеешь наплести таких историй.

Стужа задумалась. Это была отличная идея. Гадалки занимали особое положение в этой стране, где поклонялись единому богу. Никто не верил в их способность предсказывать будущее, но все же гадалок боялись. Поэтому их презирали, но не трогали. Хорошая маскировка. Она собрала карты, завернула их в белый шелк и сунула в сумку, которую дала ей Уна. Стужа поцеловала старушку.

— Еще одна вещь, — сказала Уна. Она подошла к очагу и провела пальцами по стенкам. Потом вернулась к столу с перепачканными в саже руками.

— Нагнись. — Стужа повиновалась, и Уна нарисовала черный полумесяц у нее над бровью. — Это знак, — объяснила она. — Все сразу поймут, кто ты.

Стужа поблагодарила Уну и вышла. Ашура нигде не было видно. Она никогда не привязывала и не стреноживала его, позволяя бродить, где ему вздумается, щипать траву и делать все, что ему нравится.

— Позовешь его? — спросила Уна, стоя в дверном проеме.

Стужа посмотрела в сторону холмов, неровными зубцами врезавшихся в звездное небо. — В этом нет необходимости, — ответила она. — Он сам знает, когда нужен мне.

Не успела девушка договорить, как в ночной тишине послышался стук копыт. — Посмотри на его глаза, — сказала она Уне.

Две маленькие огненные точки приближались к ним со стороны холмов. Топот становился все громче. Казалось, под копытами Ашура дрожит земля.

— Я вижу его! — воскликнула Уна.

Пламя яростно полыхало, теперь уже можно было различить темный силуэт. Стужа улыбнулась испугу, прозвучавшему в словах старушки. — Ашур, — прошептала она. Стужа и сама ощущала благоговейный страх.

Единорог, замедлил свой галоп, затем уже шагом приблизился к Стуже и ткнулся ей в плечо. Длинный рог скользнул рядом с рукой девушки. Два огненных факела его глаз излучали свет, но не обжигали.

Уна подошла ближе. Поднесла руку к сверкавшему пламени, затем провела сквозь него. Потом уставилась на свою ладонь.

— Когда я увидела его с тобой в первый раз, — сказала она, — то решила, что сошла с ума. Что это за создание, дитя?

— Волшебное, — просто ответила Стужа, даже не пытаясь скрыть гордость, которую она ощущала всякий раз, когда была рядом с Ашуром. Она перекинула юбки через руку и вскочила на широкую спину единорога.

— Без седла? — удивилась Уна.

— Девушка расправила юбки, которые теперь ниспадали с крутых боков Ашура, затем схватилась за густую блестящую гриву и сказала: — Я не возьму его в Кардалу, пусть побродит по окрестным холмам, пока я не закончу свои дела.

— Возможно, тебе придется спешно покинуть город, — предупредила Уна.

— Он всегда рядом, когда нужен мне, — заверила ее Стужа. — Я вернусь вечером или завтра на рассвете.

Она помахала Уне и направилась к Кардале. Еще до того как занялась заря и на востоке порозовело небо, она прыгнула со спины единорога, отослала Ашура и села у обочины пыльной дороги. С восходом солнца городские ворота широко распахнулись. Она поднялась, отряхнула юбки, закрыла лицо своими длинными волосами и направилась в город. Двое стражников у ворот следили за ее приближением. Она окинула их высокомерным взглядом и повернулась так, чтобы они заметили полумесяц у нее над бровью.

— Погадать? — обратилась Стужа к одному.

Тот сплюнул и отошел.

— Может, тебе? — спросила она другого.

Мужчина в ответ только покачал головой.

Девушка еще раз вопросительно посмотрела на каждого и, рассмеявшись, удалилась, крутя юбками.

* * *

Уна вошла в дверь ссутулившаяся и совсем измученная. На локте у нее висела корзинка, полная склянок и кусочков сушеных кореньев. Ее лоб был повязан тряпкой, чтобы волосы не лезли в глаза. Она тихо прикрыла дверь. Старые половицы заскрипели, когда она проходила через комнату. Знахарка устало поставила корзину в угол. Старуха громко вздохнула и выпрямилась, одной рукой массируя спину.

— Уна?

Старушка подпрыгнула, услышав свое имя, и резко повернулась. Ее глаза блестели в темноте.

— Самидар?

Стужа сняла кувшин, которым прикрыла свечу, и откинулась на спинку стула.

— Я вернулась несколько часов назад. Где ты была?

Уна села напротив и опустила голову на руки. Лишь через некоторое время она снова взглянула на Стужу:

— Помнишь, я рассказывала тебе о деревенском парнишке?

Стужа кивнула.

— Ему становится все хуже, лихорадка просто сжигает его. — В ее голосе слышалось отчаяние. Стужа протянула руку и с нежностью погладила свою старую подругу по голове. Уна выпрямилась. — Я сделала все, что могла! — всхлипнула она. — Ничего не помогает.

— Отец мальчика по-прежнему винит тебя? Уна встала и нервно заходила по комнате.

— Он почти уверен в этом. — Внезапно старушка заметила разбросанные на столе карты. Она снова села и перевела дух. — Как твои успехи в Кардале?

Стужа не сумела скрыть своей озабоченности:

— Меня разыскивают, но это мы знали и так. Тогрин обещал тому, кто меня задержит,

столько серебра, сколько во мне весу. Тем не менее... — Стужа поднялась и направилась к маленькому свертку, лежавшему на сундуке, в котором Уна хранила одежду. — Я несколько раз раскинула карты, так что сумела заработать немного денег и купила тебе новую свечу, ножик и шаль.

Лицо Уны просияло. Она оттолкнула стул и взволнованно встала.

— Ах, детка! — воскликнула она, принимая подарки. Старуха взяла шаль и поднесла ее к свету, чтобы получше рассмотреть изысканный узор. — Уже много лет никто не делал мне подарков! Какая красивая! — Она повернулась к Стуже и импульсивно обняла свою молодую гостью.

Стужа смутилась. Она не очень-то привыкла к таким нежностям, и ее щеки залила краска. Объятие походило скорее на захват борца, руки Стужи были прижаты к бокам. Противники хватали ее так же, чтобы швырнуть на землю или задушить. Она глубоко вздохнула, ощутив груди старухи, прижатые к ее собственным. Хорошо, ради сохранения дружбы она это вытерпит.

Наконец Уна отпустила ее:

— Ты сказала — нож? У меня уже есть отличный нож, он лежит в корзинке.

Стужа отошла и оперлась на сундук, на котором лежал сверток:

— На самом деле он нужен мне кое для чего. Когда я закончу, он будет твой.

Глаза Уны сузились.

— С тобой что-то приключилось в городе?

Девушка взяла сверток и стала его медленно разворачивать, нож был спрятан под первым слоем. Она положила его на сундук.

— Нет, ничего. — Стужа продолжала разматывать материю. — В какой-нибудь из твоих склянок найдется зиморот и немного сизами?

Уна подозрительно посмотрела на Стужу. В неверном свете свечи ее глаза, казалось, потемнели и ввалились.

— Только зиморот, — ответила она.

— Сизами можно заменить чемерицей, она должна у тебя быть.

Старуха неохотно кивнула.

Стужа закончила разворачивать сверток, но держала тряпку таким образом, чтобы Уне не было видно его содержимое.

— Я так и не получила ответов, Уна. — Стужа говорила тихо и медленно, но в ее взгляде, устремленном на старую знахарку, читалась решимость. — В Кардале мне ничего не удалось выяснить, и карты не раскрываются мне. — Она махнула рукой в сторону стола, на котором была разложена колода. — Тебе известно о проклятии. Чтобы отыскать Аки, я должна вернуться в Марашаи. — Она колебалась, зная, насколько опасно то, о чем она собиралась просить. — Только ты можешь мне помочь.

Стужа отбросила тряпку и показала содержимое свертка.

Уна попятилась.

— Ты не знаешь, о чем просишь. — Даже при свете свечи было заметно, как она побелела. Затем страх уступил место черному подозрению. Уна выпрямилась в полный рост, ее глаза злобно засверкали. — Как ты это достала?

— Их повесили на закате за городскими воротами. — Стужа старалась говорить спокойно.

— Кто они? — продолжала спрашивать Уна.

— Солдаты из гарнизона Кардалы. — Стужа, сама того не желая, тоже начинала злиться. Ей не нравился тон Уны. Голос девушки сорвался. — Я никого не убивала! — выкрикнула она.

Уна тяжело вздохнула. Она подошла ближе и посмотрела на руку, которую держала ее гостья. Уна не выказала ни малейшего желания прикоснуться к мертвой плоти, однако сказала:

— Левая, это хорошо. — Внезапно она взглянула на Стужу. — Он должен быть

виновным, или ничего не выйдет. Он был виновен?

— Мы не узнаем, пока не испытаем ее, — произнесла девушка и прикусила губу.

— Ты можешь попасть из-за этого в большую беду.

Стужа ничего не ответила. Она положила руку на стол и отвернулась. Скверная работа — отрезать мужскую руку обыкновенным ножом. В теле умершего несколько часов назад все еще оставалось много крови, которая залила юбки, одолженные Уной. Тогда Стужа решила купить шаль, чтобы возместить ущерб. Она завернула руку в окровавленную юбку, чтобы донести свою добычу до дому.

— Хочешь, я раскину для тебя карты, — вдруг предложила Уна. — Может, я узнаю ответы на твои вопросы.

Девушка посмотрела на Уну, понимая, почему старушка предложила ей это. Уна была знахаркой. А Стужа просила ее заняться колдовством. Руку Славы изготовить чрезвычайно сложно. Сама она могла руководить, но всю работу пришлось бы проделать Уне. Стужа опасалась притрагиваться к руке, пока все не будет закончено, иначе та потеряет свою магическую силу. Впрочем, это и так уже могло случиться, ведь именно Стуже пришлось ее отрезать.

— Раскинь, — наконец согласилась она.

Уна собрала со стола карты, перетасовала колоду и разложила. Взглянув на расклад, знахарка нахмурилась, затем вновь перетасовала и разложила карты. Стужа пододвинула стул и стала наблюдать. Ей не хотелось делать Руку Славы, и она была бы рада, если бы нашелся другой выход.

— Как ты научилась гадать? — шепотом спросила она.

Старуха пожала плечами, собрала карты и вновь перемешала.

— Как люди учатся любому делу? — ответила она уклончиво.

Уна дотронулась картами до груди, затем до губ. Подышала на них и стала переворачивать одну за другой.

Первая карта — череп в золотой короне, затем роза с кровавыми шипами.

— Я понимаю значение! — взволнованно пробормотала Стужа и нагнулась над столом. — Монарх Коркиры и розовый сад во дворце! Но Аки это или Тогрин? И чья это кровь?

Уна промолчала и открыла следующую карту: отшельник, фигура в темном плаще, одиноко стоящая на вершине скалы.

— Тот старик в черном у трона! — воскликнула Стужа. — Или незнакомец.

Уна взглянула поверх карт. Ее рука на какое-то время замерла.

— Самидар, детка...

Стужа слабо улыбнулась и отодвинулась от стола. Уна выждала еще несколько секунд, затем улыбнулась в ответ и открыла остальные карты.

Меч, магический символ, колесо фортуны, три звезды, огненный круг. Уна что-то пробормотала. Любовники, демон. Старуха остановилась.

— Они не подходят, — наконец произнесла знахарка. Она щелкнула по последней перевернутой карте. — Эта совсем не к месту... Все не так.

Она вновь собрала карты. И вновь раскинула колоду. Но и на этот раз безрезультатно. Уна провела ладонью по бесчувственному дереву и повторила попытку.

— Нет, — произнесла она упавшим голосом. — Вначале еще можно увидеть какой-то смысл, но потом все рушится.

— Может, это потому, что я прикасалась к картам? — предположила Стужа.

Уна отрицательно покачала головой.

— Ты можешь прикоснуться к магическим предметам. Например к Ашуру или Жалу Демона. Ты просто не можешь колдовать. — Она медленно перевела взгляд на руку со скрюченными пальцами, так и лежавшую на краю стола и отбрасывавшую жуткую тень на стены и потолок. Когда пламя мерцало, казалось, что рука манит их.

— Я догадываюсь о том, что ты хочешь сделать, — медленно проговорила она

сдавленным голосом. — Но не знаю как.

— Я буду направлять тебя, — с дрожью ответила Стужа. — Я лишилась своей силы, но не памяти.

Глава 4

Стужа приподнялась в стременах и потеряла ягоды. Она доскакала довольно быстро. По ее предположениям, было около полуночи, хотя она и не могла ориентироваться по звездам. Все небо было затянуто серыми тучами, сквозь которые не проглядывала даже луна. Стужа подняла руку, поворачивая ладонь в разные стороны. Тишина, ни малейшего ветерка.

Внизу, едва различимый в темноте, лежал Марашаи. Казалось, город совсем не изменился за месяц ее отсутствия. Она ехала верхом полночи, огибая Шадаму и прочие деревни и городишки, чтобы быть здесь именно в это время. Она должна сделать то, что задумала, между полуночью и рассветом. Без сомнения, было уже достаточно поздно. Ее рука потянулась к тряпичному кошель, висевшему на ремне рядом с мечом. Сквозь тонкую материю были видны очертания содержимого.

Судорожно глотнув воздуха, Стужа отдернула руку.

— Нет, — твердо прошептала она, мысленно ругая себя за подобную реакцию. — Ты сама помогала ее изготовить, она не может причинить тебе вреда.

Дважды Она чуть не теряла сознание, когда молодая женщина давала ей наставления. На бледном лице старухи застыла маска ужаса. Стужа сама то и дело чувствовала позывы к тошноте и готова была все бросить. Но, однажды начав, нельзя было останавливаться.

Она заставила себя снова потрогать кошель и ощупать содержимое. Скоро она должна будет держать это в своей руке. Лучше привыкнуть сейчас.

Стужа отдышалась и пустила Ашура галопом вдоль гряды низких холмов, а затем по равнине, простиравшейся вокруг спящего города. Она напряженно вглядывалась в темноту, вздрагивая от любого шороха или движения. Но вокруг все было спокойно.

Она снова посмотрела на небо. Хорошо, что не светит луна. Темнота сейчас была ей на руку.

За городскими стенами сгрудилось несколько покосившихся домишек — таких грязных и убогих гостиниц и таверн Стуже еще не приходилось видеть. Подобные заведения были пристанищем бандитов и проституток со всего света; сюда приходили старые моряки, чтобы еще разок покачаться на волнах, и их бесчувственные тела валялись тут же на улицах; сюда же приходили и знатные люди, чтобы за скромную плату разделаться с врагами и решить свои проблемы. Аки пыталась избавить Марашаи от этих притонов, но у нее ничего не вышло, как и у ее отца, и отца ее отца.

Стужа снова пощупала кошелек. «Нет, еще не время, — решила она. — Нужно выждать».

Когда девушка поравнялась с первой таверной, ее рука невольно потянулась к мечу. Стужа зорко следила за всеми окнами и дверьми, мимо которых проезжала. Ни света, ни звука, ни выглядывающих лиц. Стужа задержала дыхание и двинулась дальше. Неподалеку стояли два прижавшихся друг к другу строения. Она внимательно осмотрела их, чувствуя нарастающую тревогу.

Никаких признаков жизни. Было уже поздно. Но все ли спали? Стужа легонько подтолкнула Ашура вперед и на секунду выпустила меч — только для того, чтобы вытереть потную ладонь.

Сама она могла бы прокрасться гораздо тише, но ей был необходим рост единорога.

Девушка подъехала совсем близко к домам. Почти все окна были темными, лишь кое-где сквозь деревянные ставни пробивался свет. Стужа затаила дыхание.

Из таверны впереди до ее слуха донесся взрыв смеха. Увидев, как распахнулась дверь, девушка быстро повернула Ашура, и они скрылись в темном проулке, который привел их к следующей улице.

Кто-то возник перед ней из темноты. Стужа остановилась. Этот кто-то тоже, и уставился на всадницу. Его лицо приняло какое-то странное выражение. Вдруг незнакомец привалился к стене, затем рухнул на землю и закрыл глаза.

Девушка колебалась. Нужно ли прикончить этого человека, чтобы заткнуть ему рот? Он мог протрезветь и разболтать о ночной встрече. Она подъехала поближе, вытащила меч из ножен и слегка кольнула им пьянчугу. Тот не пошевелился. Она кольнула еще раз, затем приставила острие к горлу спящего, но мужчина мирно перевернулся на бок и захрапел.

Она убрала меч и двинулась дальше.

Следующую улицу заливал красноватый свет. Стужа осмотрелась. Над каждой дверью висели фонари из алой материи, в которых горели свечи. Сверху из окон раздавались сладострастные стоны, заставившие Стужу покраснеть. «Ночь — это их время, — подумала она. — На этой улице никто не спит». Стужа повернулась, чтобы найти другую дорогу.

Наконец она добралась до главных городских ворот в восточной стене. Они были закрыты, как она и предполагала, и заперты изнутри на массивный засов. Но над воротами в стене были четыре выступа. Стужа это хорошо помнила.

Если она встанет Ашуру на спину и подпрыгнет, то сможет дотянуться до одного из них. Сначала, она вытащила из седельной сумки кусок веревки, к концу которой был привязан толстый сук, и обмотала веревкой плечи. Это была довольно тяжелая и неудобная ноша, но ничего не поделаешь.

Стужа осторожно встала на седло. К счастью, подпрыгивать высоко не было необходимости. Ее пальцы не дотягивались до выбранного выступа всего на несколько сантиметров.

Конец веревки, к которому была привязана палка, начал скользить вниз. Грубая пенька натирала голую шею, петли на плечах натягивались. Девушка подхватила веревку, держась за выступ одной рукой. Но сумела провисеть так всего несколько секунд. Ашур сделал шаг в сторону. Пальцы разжались и Стужа шлепнулась на землю, запутавшись в веревке, при этом палка больно ударила ее по позвоночнику.

— Проклятье! — пробормотала она, пнув ногой сук, прежде чем поднять его. На этот раз Стужа зажала палку под мышкой и торопливо обмотала вокруг себя веревку. Будь у нее железные кошки, она повесила бы их себе на пояс, а так приходилось возиться с этим чертовым поленом. Неудобно, но ей нужно было потерпеть всего несколько минут.

— Иди сюда, — подозвала она Ашура, который стоял в сторонке и с любопытством наблюдал за ней. Единорог мгновенно повиновался. — Думаю, ты надо мной смеешься!

Она снова встала на седло, схватилась за выступ, подтянулась и поднялась на ноги — на этот раз без всяких осложнений. Выступ был достаточно широким, чтобы на нем можно было стоять. Стужа размотала веревку. Стена над ней возвышалась еще на пятнадцать футов. Она молилась про себя, чтобы длины веревки хватило. Девушка забрала ту, что нашлась у Уны, не решаясь купить в Шадаме другую. С момента бегства Стужи из Марашаи минуло

немало времени, и весть о том, что ее разыскивают, наверняка уже дошла и до маленьких селений.

Девушка проверила узлы и убедилась, что сук привязан надежно. Он был достаточно толстым, чтобы выдержать ее вес. С кошками все было бы намного проще. Удастся ли ей обойтись палкой, она не знала.

Стужа напрягла слух. Шагов часовых наверху слышно не было. Она знала, что они обходят стену, но понятия не имела, где именно они находятся в данный момент. Первый бросок не получился. Бревно оказалось тяжелее, чем она думала. Она бросила еще раз.

Только с четвертой попытки бревно зацепилось, но с жутким грохотом. Она замерла, ожидая, что вот-вот услышит окрики и лязг стали, на стене появятся солдаты, а из ворот выбежит подкрепление.

Однако ничего подобного не произошло.

Ей уже приходилось штурмовать города под бряцание оружия и крики солдат, находясь в самом центре ревущего хаоса. Однако делать это в одиночку, тайно — совсем другое дело. Стужа проклинала любой самый тихий звук: скрип веревки, удары ботинок, пока поднималась по стене. Наконец она добралась до верха, подтянулась и прыгнула в глубокий проход между зубцами.

Стужа проверила кошель на поясе, чтобы убедиться, что он все еще при ней. На некотором расстоянии она заметила пару факелов. «Приближается стража», — решила она. Не теряя времени Стужа подняла бревно, свернула веревку и засунула ее между зубцами. Она была уверена, что в темноте их никто не заметит. Факелы приближались. До нее доносились голоса, но она не могла разобрать ни слова. Стужа быстро нашла каменную лестницу, по которой спустилась на уровень ниже, и укрылась в тени.

Тянулись долгие минуты ожидания, девушка замерла, прислушиваясь. Сердце колотилось в груди. Дыхание участилось.

Настало время.

Она развязала кошель и достала Руку. На ощупь кожа руки была сухая и ломкая. Она натерла маслом только пальцы. От Руки исходил омерзительный запах гниющей плоти и трав. Даже в темноте можно было различить кости и вздувшиеся вены. Стужа снова вздрогнула, вспомнив процесс изготовления.

Она еще раз залезла в кошель и вытащила оттуда маленький пузырек с мелким черным порошком. Перед тем как открыть его, Стужа тщательно вытерла руки о штаны, чтобы на них не осталось масла. Затем откупорила склянку и высыпала по щепотке порошка на кончик каждого пальца.

В тех местах, где порошок смешался с маслом, зажглись огоньки. Пять пальцев — пять язычков пламени. Стужа почувствовала покалывание, передавшееся ее руке от руки мертвеца и распространившееся по всему телу. Тень, в которой она пряталась, исчезла, но теперь это уже не имело значения.

Девушка выпрямилась, высоко подняв Руку Славы.

Голоса наверху были слышны еще некоторое время, потом смолкли.

Она прикусила губу и взглянула на свой пятисвечник. Значит, тот человек был виновным. «Но что привело его на виселицу? — размышляла Стужа. — Долги? Воровство? Убийство?» Она переложила Руку Славы в правую руку, а левой сжала меч. Впрочем, меч ей вряд ли понадобится, она сделала это, просто чтобы чувствовать себя уверенней.

Стужа медленно направилась вниз по улице. Рука освещала ей путь. Сердце колотилось в такт шагам, кровь стучала в висках. В мерцающем свете пламени появилась ее тень, которая двигалась впереди.

Вдруг одно из окон отворилось, из него высунулась голова, сонно уставившаяся на девушку. Стужа споткнулась, затем взяла себя в руки и прошла мимо, наблюдая за человеком через плечо.

Он будет смотреть в одну точку всю ночь, пока рассвет не разбудит его. Так произойдет с каждым, кто взглянет на огни Руки Славы. Но это только часть ее силы.

Каждый, кто спит, будет спать до утра, ничто не сможет разбудить его до первого луча солнца. Некоторых утро застанет в мокрых кроватях.

Только Стужа и Уна, изготовившие Руку, неподвластны ее чарам, распространившимся на весь город. Стужа отправилась напрямик во дворец.

Дворец тоже был обнесен стеной, отделявшей его от остального города. Она была вполуполу ниже городской и не такой толстой, так что по ней не ходили часовые. Войти во дворец можно было лишь через северные или южные ворота. Северные использовались для официальных церемоний: визитов иностранных монархов, приема послов, смотра элитных войск. Они были закрыты железной решеткой и отлично охранялись. Стужа выбрала южные.

Там не было опускающейся решетки, однако они закрывались двумя массивными дубовыми створами. У нее не было веревки, чтобы перебраться через эту стену. Но, вероятно, веревка ей и не понадобится. За воротами постоянно стояли на часах двое стражников, это она знала наверняка. В одном из створов была небольшая дверь. Стужа подошла к ней и тихонько постучала.

— Кто здесь?

Дверь слегка приоткрылась. Девушка отступила, держа Руку так, чтобы солдаты не смогли ее разглядеть.

— Впустите! — потребовала Стужа.

— По какому делу?

Она не видела лица стражника, дверь не открывалась шире. Какая причина могла заставить этого человека впустить кого-либо во дворец в такой поздний час?

— Женщина, убившая королеву, — прошептала она. — У меня есть сведения!

— Приходи утром!

Дверь захлопнулась. Стужа принялась барабанить в дверь, пока она снова не открылась. Стужа опять отступила в тень.

— Мне нужно поговорить с капитаном Трасом Суртианом прямо сейчас! Впустите!

— Покажись, — приказал стражник.

Что теперь делать? Часовой мог узнать ее даже в темноте. А если он посмотрит на Руку Славы, то не сможет открыть ворота.

— Нет! — прохрипела она. — Не надо! Убирайтесь! — Она всем весом упала на створ ворот, достала меч и помахала им перед дверцей. — Я без оружия! — умоляла она воображаемого противника. Она ударила мечом по воротам, отколов несколько щепок. — А-а-а! Вы убьете меня! Помогите!

Затем наступила тишина. Стужа выжидала, затаившись. Прошло около минуты, ворота не отворялись. Может, ее маленькое представление было недостаточно убедительным? Ворота скрипнули, приоткрылись сначала на несколько сантиметров, а затем из-за створа высунулась голова в шлеме.

— Сюда, — позвала Стужа.

Стражник увидел Руку Славы.

До нее донесся шум, затем голос другого стражника. Она помнила, что их было двое. Стужа дала первому пинка, так что он повалился на землю.

— Помогите! — закричала она. — Он ранен!

Второй стражник выскочил из ворот и чуть не упал, споткнувшись о тело своего товарища. Меч в одной руке, щит в другой. Но это ему не помогло. Он взглянул из-за щита на сверхъестественный свет и мгновенно уснул. Стужа легонько отпихнула щит, и два стражника неуклюже развалились друг подле друга.

Войдя на территорию дворца, она обогнула розовый сад Аки уже не скрываясь. Она даже хотела, чтобы ее видели. Более того, она хотела, чтобы видели Руку Славы.

С наступлением темноты во дворце дежурило особенно много стражников. Но к тому моменту, когда она проходила мимо, все они превратились в статуи, потому что свет Руки Славы был виден издалека и часовые лишались зрения, прежде чем успевали узнать Стужу.

Она добралась до двери, ведущей на нижний этаж. Они с Аки часто пользовались ею,

когда маленькая королева изъявляла желание побыть среди своих цветов. Через эту дверь мало кто ходил, кроме них: она была в стороне от центральной галереи. И вот Стужа оказалась во дворце; теперь ей было необходимо обращаться с Рукой Славы с еще большей осторожностью. Конечно же, время позднее, и если Трас Суртиан лег спать, на него обязательно подействовали чары Руки и теперь ничто не разбудит коркирца до утра. Но если нет, Стужа хотела бы повидаться с ним, но он не должен смотреть на Руку Славы. К тому же было бы лучше, чтобы Тогрин Синтелл продолжал бодрствовать. Это избавило бы ее от необходимости волочь его бесчувственное тело за городские стены. Но на это было мало надежды.

Стужа вошла внутрь. Рука освещала ей путь как обыкновенный факел. Девушка быстро и тихо шла по лабиринту узких коридоров, ориентироваться в котором для нее не составляло никакого труда. Оказавшись недалеко от галереи, Стужа заколебалась. Она была рядом с башней. У подножья лестницы, ведущей вверх, должен стоять стражник.

Она вошла в галерею и повернулась к лестнице. Часовой стоял на посту не шелохнувшись в своих начищенных до блеска доспехах. Он не мигая смотрел прямо на Стужу.

— Спокойной ночи, — прошептала девушка и повернулась в другую сторону.

Она дошла до тронного зала, не встретив ни души. В это время суток там обычно никто не дежурил, так как охранять было нечего. «Они ведь не ждали, что я появлюсь здесь», — подумала она и толкнула дверь.

В темноте зал казался зловещим. Даже Рука освещала лишь небольшой пятachок, мрак словно поглощал ее сияние. Стужа продвигалась вперед мимо резных героев древних легенд, неожиданно почувствовав себя совсем маленькой и ничтожной. Она бессознательно стала ступать тише, надолго задерживая дыхание.

Стужа медленно поднялась к трону по ступенькам из слоновой кости. Изумруды, которыми был инкрустирован старинный трон, вспыхнули, многократно отражая свет, излучаемый Рукой Славы. Она обошла его, приблизившись к висевшей за ним драпировке. Стужа опустила Руку, чтобы не загорелась материя. Раздвинув занавеси, она увидела камень.

Аки показала ей его только спустя много дней после назначения Стужы на должность начальника дворцовой стражи. Стужа положила на камень ладонь и надавила.

В стене открылся потайной ход. Поправив драпировки и приведя в движение механизм, запиравший дверь, девушка пошла дальше.

Система потайных туннелей была такая же древняя, как и само здание. По ним можно было пройти в любое из наиболее важных дворцовых помещений, включая кухни и конюшни. Но главное — по ним можно было добраться до королевских покоев, которые монархи занимали еще за сотни лет до Аки. Став королевой, Аки предпочла жить в башне, она не желала спать в кровати, в которой шпионы Алеппо убили ее отца.

Стужа полагала, что у Тогрина Синтелла не было столь же веских оснований отказываться от самых роскошных покоев во всем Марашаи, если не во всей Коркире.

Путь девушке был знаком, и она шла быстро и уверенно, держа над собой Руку, освещавшую ей путь, и смахивая мечом паутину. Изнутри тоннеля были видны двери, скрытые от глаз обитателей тех или иных покоев. Стужа останавливалась около нескольких и прислушивалась. Однако из-за дверей не доносилось ни звука, и Стужа двинулась дальше.

Она ориентировалась по числу дверей. Перед четырнадцатой по счету девушка остановилась.

Она даже улыбнулась, подумав, как несложно было сюда добраться. Но улыбка быстро исчезла с лица девушки. Чтобы оказаться здесь, ей пришлось приложить огромные усилия, а Уне, которая не была ведьмой и занималась лишь целительством — принести настоящую жертву. Стужа никогда не забудет выражения, застывшего в глазах старухи, когда все было закончено.

Но Рука сослужила свою службу. Теперь девушке осталось лишь выволочь бесчувственного Тогрина за пределы города в какое-нибудь укромное место, где она смогла

бы его допросить. Он очнется в цепях, и она заставит его говорить, даже если для этого потребуется содрать с него кожу.

В двери было проделано крошечное отверстие. Стужа вложила меч в ножны и приникла к глазку. Через него виднелся лишь маленький участок комнаты, однако на стене было предусмотрительно прикреплено зеркало из полированного металла, в котором отражалась вся центральная часть покоев.

Стужа чуть не вскрикнула. Тогрин Синтелл не спал! В комнате ярко горели свечи и лампы. Тогрин сидел за высоким столом, заваленным горами бумаг. Пробежав документ глазами, он поставил на нем свою печать и потянулся за следующим.

Если она будет действовать осторожно, ей не придется тащить это жирное тело через весь город.

Стужа аккуратно положила Руку Славы на пол. Пальцы уже наполовину обгорели. Вероятно, покидать город Стуже придется без ее защиты. Как только плоть истлеет, магическая сила начнет исчезать. Однако пока она была еще достаточно действенной, и Тогрину нельзя смотреть на Руку. Девушка огляделась: к счастью, вокруг не было ничего, что могло бы воспламениться от пылающей Руки. Стужа снова достала меч и нажала на механизм, отворяющий дверь. Камень в стене бесшумно отъехал в сторону. Стужа ринулась вперед и через секунду уже стояла на покрытом ковром полу. Но затхлый воздух из тоннеля проник в комнату еще быстрее.

Почувствовав его, Тогрин повернул голову, и в тот же миг к его горлу было приставлено острие меча.

Глаза Тогрина расширились от ужаса, но, увидев прижатый к губам палец и суровый взгляд Стужи, он сдержал крик. Тогрин сидел на краешке стула и дрожал.

Острие меча легонько кольнуло его в грудь. Стужа потянулась к бумаге, обмакнула перо в чернила и написала: «Отошли стражу». Затем жестом приказала Тогрину двигаться к двери, выходящей в главный коридор.

Он медленно поднялся, неотрывно глядя ей в глаза. В бархатных тапочках он шел по пушистому ковру совершенно бесшумно, но и Стужа в своих сапогах двигалась не менее тихо. Когда Тогрин взялся за дверное кольцо, меч ткнул его под ребра, недостаточно сильно, чтобы ранить, но все же он прекрасно понял предостережение. Тогрин слегка приоткрыл дверь.

Стражники повернулись. Он услышал, как лязгнуло оружие.

— Нет, не входите, — произнес Тогрин. — Вы свободны на этот вечер. В такой час и в столь спокойном месте, как этот город, мне ничего не грозит. Выпейте вина и найдите себе подружек.

Стужа задержала дыхание. Улыбка тронула было ее губы, но тут она заметила, как Тогрин подал солдатам знак, сделав им едва заметный жест.

Улыбка сползла с губ Стужи, издавшей тихое рычание. Она ударила Тогрина в живот и грубо отпихнула его подальше от входа. Затем широко распахнула дверь и сделала два выпада. Два тела с грохотом повалились на пол, и на каменных плитах разлилась кровавая лужа. Она переступила через них, чтобы проверить, нет ли еще кого-нибудь в коридоре. Только эти двое, других свидетелей не было.

Она втянула их в королевские покои и захлопнула дверь. Тогрин стонал, скрючившись на ковре. Девушка с презрением наблюдала, как он пытается встать, затем двинула ему в челюсть, выбив несколько зубов.

Он поднял на нее глаза, по его подбородку стекали слезы и кровь. Ее алый клинок мелькнул у его левой брови. — Они не должны были погибнуть! — прошипела она. — Ты пожертвовал их жизнями совершенно напрасно!

— Солдаты... — простонал он, сплевывая красную пену вместе со своими зубами. — Долг перед королем!

— К черту долг и тебя тоже! — Она взяла его за волосы и вытерла о темные патлы свой меч. От страха Тогрин даже не стонал. Когда оружие снова засверкало, она сделала

несколько шагов назад, чтобы посмотреть на стражников, которых убила. Она знала их обоих, хорошие парни, не раз угощавшие ее вином в таверне, когда Стужа еще была простым наемником. Теперь их жизненная сила впиталась в ковер вместе с кровью.

Девушка вновь повернулась к Тогрину и указала на стул, стоявший рядом с письменным столом.

— Поднимайся, — велела она. Так как он, по ее мнению, двигался недостаточно быстро, она снова ударила его, наверняка сломав несколько ребер. Его лицо исказилось, дыхание перехватило. — Шевелись, — процедила она сквозь зубы.

Сделав над собой усилие, он поднялся, поковылял к столу и с опаской сел. Через мгновение гримаса боли, искажавшая его лицо, исчезла. А на распухших губах мелькнула чуть заметная ухмылка.

— Милая девчушка, — произнес он, — ты будешь умирать очень долго.

Она подняла бровь.

— Ты не в том положении, чтобы угрожать.

Тогрин расправил плечи и с хрипом втянул воздух.

— Я король Коркиры.

— Ты человек, к груди которого приставлено острое меча.

Тогрин задумался.

— Я взываю к твоему здравому смыслу, — наконец произнес он. — Сколько ты хочешь?

Ее рука дернулась. Как просто взмахнуть мечом и покончить с этой свиньей прямо сейчас. Стужа прикусила нижнюю губу. Но так она не добьется правды.

— Мне нужна Аки, — ответила Стужа. — Где она?

Лицо Тогрина расплылось в ухмылке.

— Ты сама убила ее. У меня есть свидетели, которые подтвердят это. — Долгим насмешливым взглядом он посмотрел на руку с мечом, затем перевел его на лицо и тело девушки. — Мы думали, ты сбежала из Коркиры куда-нибудь за море, где мы не сможем тебя отыскать. Потому осудили тебя заочно и приговорили к повешению.

Стужа села на край стола. Острое меча прочертило алую линию на ключице Тогрина. К его чести, на этот раз Тогрин даже не вздрогнул.

— Брось свои шутки, Тогрин Синтелл, — произнесла Стужа ледяным тоном. — Смотри мне в глаза. — Он смело поднял на нее взгляд. — Мне известно, что Аки у тебя.

Он отрицательно покачал головой и ответил:

— Это игра, игра во власть. Но власть, о которой я мечтал, была в руках Аки... На коркирском троне должен сидеть мужчина, а не ребенок.

Глаза Стужи сощурились.

— Где она?

— Поищи ее в аду. — На секунду Тогрин перестал улыбаться.

Затем он вновь насмешливо оглядел Стужу. Девушка плюнула ему в лицо, голова Тогрина дернулась, словно от удара. Он стер плевки тыльной стороной ладони, и взгляд его сделался жестоким.

— Ты не убил ее, — сказала Стужа. — У таких, как ты, для этого кишка тонка.

Тогрин Синтелл пожал плечами.

— У других не тонка.

Тут Стужа вспомнила о человеке в черном плаще.

— Это он посадил тебя на трон? Ведь так? — спросила девушка.

Барон Эндимии снова неопределенно пожал плечами.

— Кто он?

Тогрин устоял на свои ноги.

— Не думаю, что ты узнаешь что-нибудь от меня.

Стужа ударила его мечом плашмя по щеке. От удара едва запекшиеся ссадины на губах вновь начали кровоточить. Тогрин утер кровь рукавом. — Сука! — пробормотал он,

облизывая губы, и попытался выпрямиться на своем стуле. — Я не скажу этого, что бы ты ни делала!

— Скажешь, — пообещала она, — и даже охотно. Вставай. — Стужа знала, как заставить его говорить. Но не здесь. Если Тогрин не спал, вполне вероятно, что бодрствовали и другие. Кто-то мог заметить отсутствие стражников на посту и прийти проверить. Она подошла к мертвому солдату и отрезала полоску от окровавленной туники.

— Повернись, — велела она, когда Тогрин был уже на ногах. Он повиновался, и Стужа завязала ему глаза.

— Какой в этом смысл? — спросил он. — Я изучил здесь каждый закоулок. Слишком долго я мечтал об этом дворце.

— В этом я несколько не сомневаюсь, — ответила она, беря его под руку. — Однако ты не знал про потайные ходы. — У Стужи была еще одна веская причина завязать Тогрину глаза. Она не хотела, чтобы он подпал под чары Руки Славы, когда решение загадки было так близко. Они вышли в тоннель через проем в стене, и Стужа закрыла за ними секретную дверь. Пятисвечник все еще ярко горел. Она подняла его и подтолкнула Тогрина Синтелла.

— Я ничего не вижу, — запротестовал тот.

— Двигайся на ощупь, — приказала Стужа. — Я скажу, когда сворачивать. — Она ткнула мечом ему под ребра.

— Умоляю! — воскликнул Тогрин, чуть не плача. — Сними с меня эту повязку, я не люблю темноты.

Девушка была готова рассмеяться. Король, который боится темноты, как ребенок.

— Скажи, что ты сделал с Аки, и я развяжу тебе глаза. — Это ее устраивало. Получив ответ, она показала бы Тогрину Руку и оставила бы его приходить в себя в тоннеле, куда даже днем не проникал свет. Ничего лучшего он и не заслуживал.

Но Тогрин вытянул руку и нащупал стену.

— Я тебе ничего не скажу, — процедил он сквозь зубы. — Делай что хочешь.

— Тогда двигайся, и как можно тише, иначе утром найдут здесь твой труп, обглоданный крысами. «Если кто-то сможет вообще отыскать тебя в этом месте», — добавила она про себя. — Налево.

Они прошли по системе потайных ходов обратно в приемный зал. Открыв дверь, Стужа снова взяла Тогрина за руку и подвела к трону. Он медленно сел, было видно, что он испытывает сильную боль, но, несмотря на физические страдания, к нему вернулось прежнее величие. С обеих сторон от трона на металлических подставках стояли потухшие жаровни. Она зажгла их от Руки Славы. Но, даже когда в жаровнях вспыхнул огонь, Стужа все равно не могла разглядеть противоположного конца зала. Однако трон был ярко освещен. Изумруды засверкали, отражая блики пламени. Она положила Руку на пол позади трона так, чтобы Тогрин не видел ее света, затем сняла с его глаз повязку.

Он вопросительно посмотрел на нее.

Но некоторое время девушка не обращала на него внимания, вспомнив нечто важное. Коркирский трон украшали сотни сверкающих изумрудов. Драгоценные камни обладали магической силой, это знал каждый дилетант в искусстве колдовства. А изумруды, как она помнила, были самыми действенными, их цвет ассоциировался с ростом, с самой жизненной силой земли, которая его вызывает. К тому же короли и королевы, получавшие свою власть по божественному соизволению, обладали способностью исцелять. Значит, королевские изумруды должны быть настоящими талисманами.

Вероятно, они помогут Уне вылечить больного ребенка, если Стужа покажет ей, как их использовать. Девушка отковыряла несколько зеленых камней и положила в свой кошель.

— Воровка, — презрительно бросил Тогрин.

— Это поможет мне спасти жизнь взамен той, что я отниму, — ответила она.

Тогрин сложил руки. Сидя на своем троне, залитом теплым светом факелов, он, казалось, вновь обрел утраченное мужество.

— Ты имеешь в виду мою? — В его голосе слышалась легкая усмешка.

— Если только ты не расскажешь мне про Аки и про своего сообщника все, что я хочу знать.

Тогрин ничего не ответил, лишь твердо взглянул на нее.

— У меня не осталось времени на игры, Тогрин Синтелл.

Она вложила меч в ножны.

Тогрин едва слышно вздохнул с облегчением, но в ту же секунду увидел, как в руке Стужи блеснул кинжал.

Жуткий крик разнесся по залу, тысячи потусторонних голосов слились в вопле отчаяния и муки. Этот звук эхом прокатился по пустому залу и наполнил уши Стужи. Всякий раз, когда она слышала этот крик, неземной рев потрясал каждую клеточку ее тела.

Комната словно закачалась. Жало Демона дрожал в ее руке. Его сверкающее лезвие переливалось в свете жаровен.

Тогрин уставился на кинжал широко раскрытыми, полными ужаса глазами. Его лицо побелело, а сам он вжался в спинку трона. Его собственный крик присоединился к призрачному хору. Он закрыл уши руками, только бы не слышать леденящего душу звука.

Стужа почувствовала, как ее рука начинает дрожать. Ей было знакомо это ощущение, она знала, что пути назад нет.

— Слушай, это голоса ада, Тогрин, — громко выкрикнула девушка, чтобы он ее услышал. Она склонилась над ним так низко, что ощутила запах страха в его дыхании. — Твой голос скоро присоединится к ним, если ты не ответишь на мои вопросы!

— Нет! — взмолился он, не в силах отвести взгляда от таинственного оружия.

Завывания становились громче. Дрожь в руке усиливалась, Стужа уже едва могла удержать кинжал. Времени оставалось совсем мало.

— Где Аки? Скажи мне, или отведаешь этого лезвия, — потребовала она.

Жало Демона бился в ее руке, словно живое существо. Рукоять накалилась, и по всему телу Стужи разлилась ярость.

— Корона моя! — взвизгнул Тогрин.

Краем глаза Стужа заметила свет на противоположном конце тронного зала. Это были факелы стражников. Солдаты, стоявшие ночью на своих постах, слышали адский рев и примчались на звук.

Ждать Стужа больше не могла.

— Уми же, Тогрин Синтелл! — Она занесла Жало Демона для удара. — Будь ты проклят!

— Она у Онократоса! — Тогрин вскинул руки, чтобы защититься от кинжала. — Возможно, она еще жива! Я не знаю. Ищи Онократоса в Кефалении. Умоляю, пощади меня!

С того самого момента как Стужа достала кинжал из серебряных ножен, она знала, что Тогрин обречен. Она была не в состоянии противиться силе этого оружия. Жало Демона взвился, ударил и насытился кровью.

В тот же миг все крики смолкли. В зале воцарилась тишина.

Тогрин захрипел, пытаясь сделать последний вдох. Через секунду его посиневшие губы разомкнулись, и вопль раздался снова. Все души, обитающие в аду, кричали ртом одного-единственного человека.

Это длилось всего несколько мгновений, Стужа вытащила кинжал из тела Тогрина. Его кровь брызнула Стуже на кулак, испачкала рукав и залила сверкающие изумруды.

«Он должен напиться крови — либо крови твоего врага, либо твоей собственной». В этом были сила и проклятие кинжала.

Заслуживал ли даже такой злодей, как Тогрин Синтелл, подобной участи?

Грохот сапог и звон стали в мгновение ока вывели ее из задумчивости. Жуткий крик, заставивший солдат замереть в изумлении, стих. На их глазах убили монарха. Сгорая от стыда и гнева, они ринулись вперед, чтобы отомстить за него.

Стужа поскорее сунула кинжал обратно в ножны — если этого не сделать, он быстро обретет прежнюю силу. Солдаты уже подбежали к самому подножию лестницы из слоновой кости. Они жаждали ее крови. Одним прыжком девушка оказалась за троном и подняла Руку Славы высоко над головой.

Стражники замерли в броске, зачарованные пятью огоньками. Копье упало на пол, за ним меч. Щит со звоном стукнулся о каменные плиты, покатился на ободу и, описав небольшой круг, замер. По телу Стужи побежали мурашки, когда она взглянула на солдат. Они заснули стоя, словно резные статуи, поддерживавшие своды зала.

Девушка спустилась до половины лестницы, держа Руку, как факел. Она внимательно заглядывала в лицо каждому из солдат. Вот спит Трас Суртиан с мечом в руке, спит, мирно закрыв глаза. Стужа посмотрела на капитана, затем на свой пятисвечник. Она не хотела использовать волшебство против Траса. Когда-то Стужа отказалась от обращения к колдовским чарам, сначала это произошло против ее воли, но затем вдаль от магии она почувствовала облегчение. И вот теперь ей вновь пришлось ступить на этот путь.

— Присоединяйся ко мне, Трас, — прошептала Стужа своему другу на ухо, хотя совсем не была уверена, что он ее слышит. — Аки жива.

Но так ли это на самом деле? Тогрин сказал только, что Аки у человека по имени Онократос. Кто он? Тот самый старик в черном плаще, которого Стужа видела в тронном зале в день исчезновения Аки? Тогда он наверняка колдун, а может быть, маг. Но что колдуну нужно от ребенка? От ответа, пришедшего ей в голову, Стужу охватил ужас. Она обернулась и взглянула на бесформенное тело Тогрина, сползшее с трона.

— Подожди немного. Если твой Онократос тронул ее хоть пальцем, скоро я пришлю к тебе твоего дружка, — пообещала она духу Тогрина.

Стужа оставила Руку на верхней ступени лестницы, не желая больше таскать с собой эту мерзость. Рука вот-вот догорит, к тому же все равно на рассвете все проснутся. А выбраться из города Стужа могла и без нее.

Глава 5

На следующий день, когда солнце стояло в зените на чистом синем небе, Стужа сидела скрестив ноги на берегу журчащего ручья. Она опустила руки в прохладную воду, затем обтерла влажные от пота лоб и шею. Несколько капель упали под рубашку, приятно холодя тело.

Сощурившись, Стужа посмотрела на простиравшуюся внизу равнину и заметила скачущего на коне всадника.

С вершины холма она могла видеть всю западную часть равнины, откуда прискакала сама. Она весело улыбнулась. Местные жители называли эти холмы в Китри горами. Муравейники-переростки, большие кучи грязи, покрытые травой да редкими, пробившимися кое-где сквозь каменистую почву деревьями. Но уж никак не горы. Крильский хребет в Роларофе — вот это горы. Но не Китри.

Всадник приближался, теперь он перешел на галоп.

Он следовал за девушкой с рассвета. Стужа не стала запутывать следы, просто подгоняла Ашура, чтобы успеть доскакать до холмов. Здесь расправиться с врагом было нетрудно, если в этом будет необходимость.

Единорог шумно жевал чахлую траву.

— Обжора, — побранила она его. — Я ведь тоже еще не завтракала. — Ашур не обратил внимания на ее слова и приступил к следующему пучку.

Стужа растянулась на берегу, зачерпнула рукой воды из Ручья и стала пить. Ручей, сбегавший с холма, журчал так же громко, как урчал ее пустой желудок. Девушка снова припала к воде. Это должно несколько притупить чувство голода. Она вытерла губы и села.

Всадник уже подъехал к подножию холма. Он увидел Стужу, заколебался, а затем все же двинулся вверх по пологому склону. Девушка даже не потрудилась встать, лишь подтянула меч поближе к себе.

Он остановился перед ней.

— Привет, Трас, — спокойно произнесла Стужа. — Отличный день для прогулки, не

правда ли?

Кольчуга, щит и ножны воина блестели на солнце. Легкий ветерок развеивал его алый плащ. Коротко подстриженная седая борода, казалось, сверкала, как и бронзовый шлем.

Всадник вынул меч:

— Ты арестована за убийство короля. Вставай.

Девушка продолжала сидеть.

— Сними шлем, Трас. — Ее голос по-прежнему звучал спокойно. — Тебе напекло голову на жару. Слезай давай, здесь прекрасная прохладная вода. — Она опустила руку в ручей, взметнув фонтан сверкающих капель. — Источник на самой вершине.

Трас Суртиан нервно заерзал в седле:

— Он тоже заколдован? Это ведь по твоей части. Ты же ведьма! Ты убила Тогрина с помощью своей магии.

— Нет, с помощью колдовства, а не магии, — поправила она.

Капитан снял шлем и взял его в ту же руку, на которой висел щит. По напряженному взгляду Траса Стужа поняла, что его гнев был искренним. Но что-то еще мелькало в глазах старого капитана: страх. Он боялся ее.

— Магия, колдовство! Какая разница!

Стужа вытерла руку о штаны.

— Очень большая, — ответила она. — Сила ведьмы исходит изнутри. — Девушка прижала руку к груди. — Ей не нужны ни заклинания, ни талисманы, ни снадобья. Это все орудия колдовства. Колдуны ищут источник силы в окружающих предметах и используют их. Теперь волшебники, — продолжала она. — Это уже совсем другое. Они служат какому-нибудь богу или демону, который, в свою очередь, исполняет их просьбы.

Лицо Траса Суртиана налилось кровью.

— Проклятье! — взревел он. — К черту все это. Ты убила моего короля, а раньше, вероятно, и королеву. И ты за это заплатишь! — Он занес меч, словно для того, чтобы разрубить ее пополам.

Стужа медленно поднялась на ноги, взяв ножны в правую руку:

— Тогрин Синтелл был замешан в похищении Аки. Вероятно, он сам все спланировал.

— Лжешь! Это ты убила Аки с помощью своего колдовства или магии, а затем вернулась, чтобы покончить с Тогрином! Я видел это с горящими пальцами! И слышал жуткие вопли, словно открылись все врата ада, чтобы поглотить моего господина! Ты пытаешься посеять смуту в Коркире, уничтожив ее монархов!

— Ты последний болван, если в это веришь! — Стужа начинала выходить из себя. — Ты почитал Тогрина, а я плюю на него. Он убрал Аки со своего пути, чтобы завладеть тронem! Он сам признался мне в этом, прежде чем я пронзила его подлое сердце! У него был сообщник. Тогрин назвал мне его имя и сказал, где его искать. И если ты решил меня остановить, — она смерила Траса ледяным взглядом, — то подумай дважды. Или не пройдет и часа, как один из нас уснет во владениях Гата!

— Ты решила, что сможешь запугать меня именем бога хаоса? — Он отступил. — Ты приносишь более страшный хаос, чем все твои темные божества! Остановить тебя? — прогрохотал он. — Я убью тебя, женщина, если ты сейчас же не отдашь мне свое оружие и не вернешься со мной в Марашаи!

Меч Стужи со свистом вылетел из ножен.

— Будь ты проклят, Трас Суртиан! — крикнула она, чувствуя, как приливает к щекам кровь. — А я еще называла тебя другом!

— Ты убила моего короля! — воскликнул Трас, вынимая из ножен свой клинок.

— Твоего короля? — Голос девушки сорвался на визг. — А как насчет королевы? Ты подумал об Аки? Неужели ты не слышал того, что я тебе сказала? Она, может быть, еще жива!

— Где она? — спросил Трас изменившимся тоном, но тут же добавил: — Ведьма! — вложив в это восклицание все свое презрение.

— В Кефалении, у человека по имени Онократос, сообщника Тогрина.

— Откуда ты это узнала?

Стужа яростно тряхнула головой.

— Я уже говорила тебе, Тогрин признался мне перед смертью. Неужели настолько трудно понять, что коркирский барон может быть таким же алчным интриганом, как любой другой человек? Для того чтобы стать королем, Тогрин пошел на убийство. — Она на мгновение задумалась. — Вероятнее всего.

Суровое выражение лица вояки внезапно смягчилось. Рука с мечом опустилась.

— Ты поставила меня перед трудным выбором, — наконец сказал он. — Должен ли я отправиться с тобой, чтобы расследовать преступление, которое ты могла и выдумать? Или поквитаться с тобой за убийство, совершенное на моих глазах?

— Доверяй своему сердцу, — посоветовала Стужа.

Он усмехнулся, но в его голосе слышался гнев.

— Сердце часто лжет, ты сама говорила мне об этом. Не могу поверить, что кто-то из членов королевской семьи совершил то, в чем ты обвиняешь Тогрина Синтелла.

Грозный воин в мгновение ока превратился в усталого старика, согбенного под бременем горя и боли. Он растерянно переводил взгляд с одного предмета на другой, словно не решаясь взглянуть Стуже в лицо.

Ее гнев растаял, и она убрала меч в ножны.

— Я заключу с тобой договор, — предложила девушка. — Если в течение месяца я не сумею доказать вину Тогрина, мы вместе вернемся в Марашаи, и вы приведете свой приговор в исполнение. Но у меня есть два условия.

Она выдержала паузу, Трас терпеливо ждал.

Стужа подняла палец.

— В том случае, если народ признает меня виновной, обещаю, что не даю тебя повесить. — Девушка вспомнила Руку Славы и того несчастного, благодаря которому она смогла пробраться во дворец, — Казните меня каким-нибудь другим способом.

Он кивнул:

— Второе?

— Ты поедешь со мной в Кефалению.

— Это не твое условие, а мое, — сказал он.

Стужа пожала плечами:

— Не важно. Доказательства не всегда можно увезти с собой. Я хочу, чтобы ты увидел все собственными глазами и смог подать голос в мою защиту. Ты очистишь мое имя от позора, когда я докажу тебе, каким подлецом на самом деле был Тогрин Синтелл.

— Не говори о нем плохо, — предупредил Трас Суртиан. Он грузно спрыгнул на землю. — Несмотря на все твои обвинения, он все же носил коркирскую корону.

Девушка повесила ножны на пояс:

— Для меня это не причина, чтобы относиться к нему с уважением.

Трас приторочил щит к седлу, снял перчатки, встал на колени у ручья и начал пить. Вода намочила его нос, бороду и кончики волос. Когда капитан поднялся, суровое выражение его лица несколько смягчилось. Он перешел на сторону Стужи.

— Это справедливая сделка, — сказал он, протягивая девушке руку. — Мы снова друзья?

Стужа отступила:

— Нет. Ты мой судья и присяжный, и пока это так, я не пожму твоей руки.

Улыбка исчезла с лица Траса. Во взгляде была боль.

Девушка спокойно смотрела ему в лицо.

— Ты многого требуешь от друзей, Трас. Может быть, даже слишком. Я предложила тебе этот договор не из соображений справедливости или здравого смысла. Ты забыл, что я наемник, воюющий за плату и что я никому не присягала на верность. Но если ты вернешься в Марашаи без меня, ты потеряешь свое доброе имя. А мне известно, что значит для тебя

честь. — Она замолчала, дав ему возможность осознать сказанное. — И если бы мы стали сражаться, один из нас погиб бы. — Стужа отвернулась, глядя на солнечные блики, — игравшие на поверхности ручья. Затем девушка вздохнула. — Из-за Аки я подвергаю себя страшной опасности, я еще не знаю, какой именно, но чувствую ее приближение! А из-за тебя я ввязалась в дурацкую сделку, которая может стоить мне жизни. — Она вдруг засмеялась, вскинув руки. — Насколько было проще в дни моей юности, когда я думала, что никого уже не смогу полюбить!

Трас раскрыл объятия, чтобы прижать девушку к себе.

Она вновь отступила и выскользнула из его рук.

— Нет! — вскрикнула Стужа, но тут же попыталась успокоиться. — Если я очень постараюсь, вероятно, я смогу отучиться от глупой привычки заботиться о других, черт бы вас всех побрал!

Трас Суртиан побрел к своему коню с видом побитой дворняги. Он поднял поводья, но не сел в седло, а просто прислонился к нему, уткнувшись лбом в жесткую кожу.

Стужа сжала кулаки и уставилась в землю, ожидая, когда пройдет гнев. Она сделала глубокий вдох. Сейчас все перепуталось в ее голове. Вероятно, когда она снова окажется в седле, ей будет думаться лучше. Им с Трасом предстояло проехать еще множество дорог, пока они доберутся до Кефалении.

Девушка нагнулась, чтобы в последний раз напиться вкусной прохладной воды, и заметила собственное отражение в одном из следов на берегу ручья, в котором скопилась влага. Зеленые глаза, глубокие, словно Календское море, смотрели на нее оттуда с непоколебимым спокойствием. Единственное украшение ее лица, как она считала. Стужа не осмеливалась назвать их красивыми; она полагала, что в ней вообще нет ничего красивого. Девушка зачерпнула из ручья воды, сделала несколько глотков, вытерла рот и вновь взглянула на свое отражение. Внезапно она резко ударила по нему кулаком. Во все стороны полетели брызги грязи, запачкав ее рукав. Но вода быстро снова заполнила впадинку, и вот на Стужу уже вновь смотрели все те же зеленые глаза, отчужденные, равнодушные, безмятежно-спокойные.

«Надо беречь эту отчужденность», — подумала девушка и вскочила в седло.

Трас тоже неуклюже взобрался на своего коня, звеня оружием.

— Ты сказала — в Кефалению?

— В Шадаму. — Стужа пощупала изумруды в кошельке. — Я должна кое-что доделать.

— Это важнее, чем поиски Аки?

Она бросила на Траса испепеляющий взгляд, и он замолчал.

Стужа вновь потрогала изумруды. В руках такой искусной знахарки, как Уна, они могли обрести целительную силу и спасти жизнь того ребенка. Уна так беспокоилась за деревенского мальчугана, приносившего ей полевые цветы! А Шадама была по пути в Кефалению.

Девушка вновь отругала себя:

— Какое мне дело!

— Что за дело? — не расслышал Трас Суртиан.

Она сжала кулаки и прикусила губу.

* * *

Сумерки застали их уже совсем недалеко от хижины Уны. Смертный конь Траса Суртиана не мог состязаться с Ашуром в выносливости. Время от времени старый капитан просил передышки для своей вспененной лошади. Каждый раз Стужа соглашалась с неохотой, и Трас Суртиан подозрительно смотрел на Ашура, качая головой. Снова и снова он вспоминал, как эта странная лошадь, которая может скакать без отдыха, проткнула насквозь человека за стенами Марашаи.

— Чертова бестия! — пробормотал он, решив, что Стужа его не слышит.

Девушка улыбнулась незаметно для него.

Бок о бок они подъехали к хижине. Внутри было тихо и темно.

Стужа позвала старушку по имени.

— Может, ее нет дома, — предположил Трас, когда им никто не ответил.

Девушка соскочила на землю:

— Куда она могла пойти в такой час?

Однако, еще не договорив, она уже предположила дюжину возможных ответов. Уна не боялась темноты. Холмы маячили неподалеку, множество лекарственных трав можно было собирать только при лунном свете.

Стужа посмотрела вверх. В небе висел тонкий золотой серп. «В день исчезновения Аки была точно такая же луна», — вздрогнув, подумала она. Знамение? Она распахнула скрипучую дверь.

Чтобы разглядеть беспорядок, царивший внутри, света не требовалось. Разбитые склянки, разбросанные по полу пучки сушеных трав. Все кувшины и коробки перевернуты. Старый стол и единственный стул сломаны, табуреты опрокинуты. На полу Стужа нашла новую свечу, которую сама же привезла из Кардалы.

— Трас! — закричала она. — Трас! — Стужа выбежала через заднюю дверь, оставив ее широко распахнутой. Небольшой костер, который Уна всегда поддерживала, погас, угли еле тлели. Стужа стала звать Уну, повернувшись к холмам.

Трас Суртиан подошел к девушке сзади.

— Я нашел это в пыли перед входом. — Он держал расколотые деревянные грабли. — Такое впечатление, что здесь побывали гости.

— Они забрали ее, — сказала Стужа, ничего не объясняя. — Наверное, парнишка умер. Будь они прокляты! И меня не было здесь, чтобы ее защитить! — Она сплюнула и ударила кулаком в стену так, что в ней осталась дыра. — Меня никогда нет там, где я должна быть!

Она снова вошла в хижину, но через секунду, отбрасывая барахло, попадавшееся на пути, бросилась к Ашуру.

— Куда ты собралась? — спросил Трас Суртиан, пока девушка взбиралась на коня.

— В Шадаму или в ад! — крикнула она через плечо.

— Но мы же специально объезжали деревню, потому что ты не хотела, чтобы кто-нибудь видел тебя в этих местах!

Стужа ничего не ответила, вместо этого прищипорила Ашура. Но очень скоро сквозь шум ветра сбоку до нее донесся голос Траса Суртиана.

— Лично я никогда не верил в ад!

«Скоро поверишь, — подумала Стужа. — Очень скоро».

Когда они подъехали к деревне, до них донеслись крики и смех. Дюжина костров освещала улицу. Жители веселились и шатались по селению, словно пьяные идиоты, в основном это были мужчины и дети. То тут, то там появлялась какая-нибудь женщина с задранной юбкой или в расстегнутой блузе, выставив напоказ блестящую от пота грудь. Группа парней направилась к приехавшим верхом незнакомцам, предлагая выпивку. Один пьянчужка схватил Стужу за бедро, это была ошибка с его стороны. Он незамедлительно получил сапогом в глаз и рухнул в грязь. Его друзья отступили от всадников и больше не смеялись.

Стужа и Трас Суртиан двинулись дальше, но теперь деревенским стало ясно, что они пришли не на праздник. Веселье утихло, как волнение на море, и о празднестве напоминали теперь лишь горящие костры.

В центре деревни Стужа увидела столб с цепями и сложенными вокруг него дровами. Ее сердце похолодело. Она молча прокляла эту деревню, ее жителей, их детей и всех их потомков до конца времен.

Но по крайней мере костер еще не был зажжен. Значит, Уна жива. Вероятно, они ждут, пока луна достигнет зенита.

«Уна будет жить. Долго-долго», — поклялась Стужа.

Люди начали тесниться вокруг них с Трасом, лица собравшихся были суровы и подозрительны. Девушка холодно смотрела на толпу сверху вниз, а когда она заговорила, ее голос прозвучал так резко, что люди застыли на своих местах.

— Где старая целительница?! — Это едва ли можно было назвать вопросом. В ее голосе слышалась угроза.

— Ты хотела сказать — ведьма! — ответил кто-то. Толпа криком отозвалась на его реплику. — Ведьма! Сожгите ведьму!

Стужа потянулась за мечом, но Трас Суртиан удержал ее руку. Затем откинул плащ. Вероятно, в сумерках сложно было разобрать, какого он цвета, однако нашивки капитана королевской стражи на куртке были видны отлично.

— Приведите сюда женщину по имени Уна. — Его командный голос заставил всех замолчать. — Вы должны выдать ее мне. Король Тогрин Синтелл лично приказал арестовать эту знахарку.

Стужа подняла бровь. Она никак не думала, что ложь входит в число талантов ее старого друга. Однако он говорил абсолютно уверенно. По толпе прокатился ропот, люди явно не знали, как поступить.

Из толпы выступил вперед мускулистый мужчина в кожаном переднике. Стужа узнала кузнеца, которого видела, проезжая через деревню.

— Ничего такого мы не сделаем! — ответил он. — И можешь не сверкать тут своими блестящими нашивками. Королевские приказы написаны на бумаге с огромной печатью. Я такие видал. А ты не размахиваешь свитком. — Его громкий низкий голос произвел на односельчан почти такое же впечатление, как речь Траса Суртиана. Кузнец взглянул на собравшихся и когда снова повернулся к всадникам, на его лице играла злобная ухмылка. — Лучше вам убираться отседова подобра-поздорову. Мы не выдадим вам детоубийцу!

— Мы сами ее проучим! — выкрикнул кто-то.

— Так и передай своему королю! — присоединился к нему второй.

— Костер заждался ее!

Крики переросли в рев, бранью и угрозами жители Шадамы распаляли сами себя. Кузнец заводил их, потрясая кулаком.

— Где родители мальчика? — спросила Стужа, пытаясь перекрыть шум. Она повторяла свой вопрос до тех пор, пока ее не услышали.

Кузнец приблизился к ее колену, взглянул на Стужу, гневно сверкнув налитыми кровью глазами.

— Оплакивают своего мертвого сына, где еще могут быть родители покойного! — ответил он.

Девушка поднялась на стременах и соскочила на землю. Теперь от громилы ее отделяло расстояние не больше вытянутой руки. Он уставился на девушку. Стужа спокойно выдержала его взгляд.

— То же мне, заводила. Да ты даже на мужчину-то не похож, крикун!

— Чо? — буркнул он.

— Ничо, — передразнила его Стужа. — Это больше похоже на звериное рычание, чем на человеческую речь.

— Стужа, — попытался предостеречь ее Трас Суртиан. Но она жестом велела ему замолчать.

— Что ты хочешь этим сказать? — Кузнец наклонился над ней, пытаясь уstrasшить незнакомку своим гигантским ростом.

Девушка обошла вокруг великана, повернулась к нему спиной, оглядела жителей одного за другим.

— Ты даже издали не похож на человека, — бросила она через плечо. — Скорее на зверя. — Она снова передразнила его, улыбнувшись собравшимся. Но когда Стужа вновь оказалась лицом к лицу с кузнецом, она уже не улыбалась. — Да ты просто задница.

Грудь великана начала судорожно вздыматься.

— Сойду для таких, как ты! — зарычал он гневно.

Девушка призывно хлопнула себя по ляжкам:

— Докажи.

Его волосатые ручищи потянулись к ней, лицо расплылось в похотливой ухмылке.

— Сейчас я тебе покажу, сука, кто здесь настоящий мужчина. — И он сжал ее в объятиях.

Стужа откинула голову, призывно раскрыла губы и что есть сил ударила его между ног. Гигант со стоном повалился на землю, держась одной рукой за пах, а другой за почку.

— Может, ты когда-то и был мужчиной... — Она фыркнула и сделала вид, — что отряхивает пыль с рук. — Что ж, еще мужчины здесь найдутся? Я готова повторить номер.

Но Стужа просчиталась. Она привыкла иметь дело с солдатами элитных коркирских частей, которым она могла предложить честный поединок в обмен на чью-либо жизнь. А здесь ее окружали напившиеся крестьяне. Честь для них была пустым звуком.

К ней потянулись десятки рук, эти люди жаждали крови.

Она отступила и обнажила меч. Трас Суртиан прищепил лошадь, тесня толпу. Но один смельчак схватился за поводья; лошадь Траса взвилась на дыбы, сбросив седока.

Как по волшебству в руках у крестьян появились вилы, молоты, ножи, мелькнуло несколько мечей. Кто-то попытался ударить Стужу. Она даже не заметила, что это было за оружие, просто поставила блок и пропорола нападавшего внутренности. Кровь брызнула на ее тунику.

Трас Суртиан был уже на ногах и сражался. Деревянные орудия не могли пробить доспехи, но его голова оставалась незащищенной, ведь шлем был приторочен к седлу. Для пьяных крестьян жители деревни сражались отлично, даже удары меча их не пугали, они жестоко атаковали старого капитана.

Позади Стужи раздался пронзительный крик. Она бросила в ту сторону быстрый взгляд, ожидая увидеть там обагренный кровью витой рог Ашура. Но нет! От удара в спину ее спас меч незнакомца. В неровном свете костров она не смогла разглядеть человека, прибывшего на подмогу. Он прокладывал себе путь, чтобы оказаться рядом с ней.

— Старуха там! — услышала она сквозь шум битвы. Незнакомец указал на гостиницу. Ему в голову полетели грабли. Он легко поймал их свободной рукой, затем со всего размаху ткнул ими бросавшего. Незнакомец обращался с граблями так, словно это была пика. — Идем, — сказал он, ударив еще одного нападавшего в лицо.

— Трас! — позвала Стужа, и троица проложила себе кровавую дорогу к гостинице. Однако крестьяне продолжали нападать с безумным ожесточением. — Ашур!

Единорог встал на дыбы, его глаза пылали ярче, чем костры вокруг. Он ринулся в толпу, топчa людей на своем пути. Люди с криками кинулись врассыпную. Зверь вновь поднялся на дыбы, проломив блестящим копытом череп одному из крестьян.

— Я пойду за Уной, — обратилась Стужа к своим спутникам, когда они добрались до двери. — Задержите их. — Трас Суртиан и незнакомец ошеломленно смотрели на улицу, по которой носился Ашур. Люди разбежались кто куда, спеша укрыться за какой-нибудь дверью. Однако далеко не всем это удалось.

Стужа толкнула дверь, держа меч наготове, но гостиница была пуста. На столах остались стоять бутылки и кружки с пивом. Видимо, посетители ринулись на улицу, увидев, что начинается драка. «Теперь они, вероятно, об этом сожалеют», — подумала Стужа. Она поднялась по лестнице на второй этаж. Первые две комнаты, в которые она заглянула, были пусты. Она оказалась в третьей.

Ее руки были грубо скручены веревкой, глаза завязаны, во рту — кляп. Очевидно, для того чтобы она не произносила проклятий и заклинаний и не могла никого сглазить. Стужа презрительно сплюнула. Подобные примитивные предосторожности не остановили бы настоящую ведьму. Она вспомнила, как ее собственный ненавистный братец связал ее однажды таким же образом — тогда она чуть не обрушила на него отцовский замок.

Стужа сорвала повязку с глаз знахарки и вынула кляп. От нее не скрылось, что Уну избили. Под глазами старухи чернели синяки, щеки опухли и были в кровоподтеках, губы кровоточили. Уна застонала, когда увидела свою спасительницу, и тут же закрыла глаза.

— Очнись! — сказала Стужа, развязывая мудреные узлы на ее кистях. Стужа боялась, что если она неосторожно дернет, то сломает старухе пальцы. — Очнись! — повторила она, но Уна не двигалась.

Стужа вздрогнула, боясь, что ее подруга умерла. Но, прижав ухо к груди старухи, убедилась, что ошиблась. Она развязала последний узел и подняла все еще бесчувственное тело на руки. Стужа медленно спускалась по лестнице, то и дело останавливаясь. Ее ноша с каждой секундой становилась все тяжелее.

— Трас! — позвала девушка. — Трас! Помоги мне!

Трас примчался, сунул меч в ножны и взял Уну на руки.

— Надо поторапливаться, — сказал он. — Твой зверюга разогнал всех по домам. Но нам лучше выбраться отсюда, пока кто-нибудь не нашел лук и не начал стрелять из окна.

У входа в гостиницу все еще дежурил незнакомец. Ашур носился вверх и вниз по улице, храпя и вздымая копытами землю. На зов Стужи он мгновенно примчался.

— Как ты научила его этому? — изумленным шепотом спросил незнакомец. — Никогда не видел ничего подобного.

Стужа не ответила на вопрос.

— Как только мы уедем, они оправятся от испуга и пустятся за нами в погоню. — Она огляделась вокруг. — Если только у них не найдется дела поважнее.

— Какого, например? — нахмурился Трас Суртиан.

Она осторожно, опасаясь неожиданного нападения, подошла к ближайшему костру. Вытащила оттуда две горящие ветки и швырнула их в строение, рядом с которым находилась, одну в открытое окно, другую на крышу.

Незнакомец побежал на другой конец улицы, где горел еще один костер, и поджег лавку кузнеца и конюшню. Двое мужчин и женщина с криками вылетели из конюшни, шархнулись от незнакомца и, увидев Стужу, стоящую еще с двумя пылающими сучьями, кинулись в другой дом.

Трас Суртиан наблюдал за этой сценой через плечо, прижимая старушку к своей широкой груди. Когда полыхали уже семь домов, Стужа с незнакомцем подошли к нему.

— Они будут слишком заняты. Им сейчас не до нас, — мрачно произнесла она.

— Может, им и удастся вытащить кое-какие пожитки, — заметил незнакомец. — Но деревню они едва ли спасут. — Он пожал плечами, не отрывая взгляда от вздымавшегося к небу пламени. — Теперь я такой же преступник, как и ты, убийца королевы.

Он произнес это тихо, посмотрев Стуже в глаза. В зареве пожара они показались Стуже двумя небесно-голубыми льдинками.

— Ты спас меня, — напомнила она. — Почему? Ради вознаграждения?

Он сплюнул в пыль, и их взгляды снова встретились.

Не время сейчас выяснять причины, решила она. Огонь быстро распространялся, жители деревушки высыпали на улицу, к тому же нужно было позаботиться об Уне.

— Мы поговорим об этом позже, — сказала она незнакомцу. — У тебя есть лошадь?

Он кивнул, побежал на другой конец улицы и скрылся между двумя строениями, до которых пламя еще не успело добраться.

— Кажется, он тебя знает, — сказал Трас. — Что мы будем с ним делать?

Стужа прикусила губу:

— Пока ничего, вначале нужно помочь Уне. А потом посмотрим...

Она вскочила на Ашура, и Трас Суртиан передал Стуже знахарку. Ашур мог запросто скакать с двумя всадниками, а им нужно было торопиться. Конь Траса Суртиана стоял там же, где его хозяин бросил поводья, не обращая внимания на огонь и крики. Незнакомец присоединился к ним.

Вместе они выехали на дорогу, оставив горящую Шадаму позади.

— Куда? — выкрикнул незнакомец.

— В мою хижину! — ответила Уна, которая уже пришла в себя. Голос старушки был так слаб, что только Стужа могла слышать ее слова. Но она собралась с силами и продолжила: — Там есть кое-какие вещи, которые я не могу оставить.

Стужа кивнула и повернула Ашура в нужном направлении. Они прискакали, запыхавшись. Лошади были в пене. Уна соскользнула на землю. Оправившись от потрясения и побоев, она двигалась с изрядным проворством.

— Мой сад! — простонала Уна.

Стужа спешила и приблизилась к ней. Крестьяне вытоптали нежные ростки и сровняли с землей грядки. Уна лишь воздела руки к небу, вздохнула и вошла внутрь.

— Мне нужен свет, — сказала она, шаря в темноте, поднимая с пола вещи, ощупывая их и снова бросая.

Войдя в хижину, вслед за Уной, Стужа сняла передник знахарки с гвоздя, на котором тот всегда висел, обернула его вокруг отломанной ножки табурета и вышла во двор через заднюю дверь. Угольки в кострище еще тлели. Стужа принялась раздувать их, пока не смогла поджечь свой импровизированный факел.

Двое мужчин стояли у передней двери, наблюдая за Уной. Трас покачал головой и пожал плечами. Стужа тоже пожала плечами, но подняла факел повыше.

Крестьяне поработали на славу. Не оставили ни одной целой табуретки, ни единой неразбитой склянки.

— Посвети здесь, — попросила Уна.

Стужа подошла ближе и чуть не упала, споткнувшись об обломки стола.

— Вот черт! — выругалась она, пнув старые доски.

Уна молча взяла факел и нагнулась над тем, что осталось от ее сундука. Он был покорежен, так что крышка не открывалась.

— Мне с ним не справиться, — наконец сказала Уна. Незнакомец поспешил ей на помощь, поправил петли. Крышка со скрипом накренилась, прищемив Уне пальцы. Она отдернула руку, даже не охнув.

Старуха пошарила под перекошенной крышкой и вытащила плоский узенький ящичек.

— Вот мое сокровище, — призналась она.

Там лежал кинжал, который подарила ей Стужа. Уна аккуратно отложила его в сторону. Золотой браслет она надела на запястье. Затем вытащила несколько малюсеньких пузырьков с разноцветными порошками. В ящичке теперь оставался только темно-красный драгоценный камень, сверкавший в свете факела. Уна протянула его своей молодой подруге.

— Красивый, — восхищенно произнесла Стужа. — У него есть имя?

Уна усмехнулась.

— У жителей Коркиры нет обычая давать имена неодушевленным вещам. Главное то, как он действует, а не то, как его называют. — Старая знахарка с трудом поднялась с колен.

— И как же? — Незнакомец с любопытством смотрел на камень. Даже Трас Суртиан нагнулся, чтобы лучше его разглядеть.

Уна сжала пальцы Стужи вокруг камня, так что он оказался у нее в кулаке.

— Держи его так, и он защитит тебя от злых порождений четырех стихий, созданий, возникающих из земли, воздуха, огня и воды, — наставляла ее Уна.

— Талисман, — пробормотала Стужа.

— Магия. — Трас Суртиан словно выплюнул это слово. — Не бери его.

Уна продолжала сжимать руку Стужи с камнем внутри.

— Самидар, детка, ты поделилась со мной своими опасениями. Ты сказала, что Аки похитили с помощью колдовства. — Рука старушки дрожала. — Мы вместе раскладывали карты. Помнишь врата разрушения? — Стужа кивнула. — Эта карта означает гиблое место. А три звезды?

— Тайнственные силы, — перебила она. — И невидимых врагов.

— И демона, — добавила Уна. — Опасность для смертных! Возьми этот камень, прошу

тебя. Это только защита от злых сил, но иногда и одной защиты бывает довольно. — Она сердито взглянула на Траса Суртиана. — И вели этому старому дурню помалкивать. Храни камень!

Стужа вызывающе посмотрела на Траса, засунув камень в висевший на поясе кошелек. Коркирский капитан, повернувшись на каблуках, вышел из хижины на ночной воздух.

— Я лучше составлю ему компанию, — сказал незнакомец и тоже удалился.

Уна подобрала валявшуюся в углу шаль, которую Стужа привезла ей из Кардалы, отряхнула ее от пыли и осколков и накинула себе на плечи.

— Больше мне здесь нечего делать, — объявила она и направилась к двери.

Стужа схватила ее за руку.

— Мне очень жаль, что мальчик умер, — сказала она упавшим голосом. — Я знаю, что ты сделала все, что могла, но лихорадка...

Голова Уны поникла, из груди вырвался горестный вздох. Когда она снова взглянула на Стужу, в ее глазах стояли слезы.

— Ты должна постараться спасти ребёнка, Самидар. — Она протянула морщинистую руку, чтобы погладить молодую женщину по щеке. Затем крепко обняла ее. На этот раз Стужа не почувствовала никакого раздражения, и от всего сердца обняла Уну в ответ. — Теперь иди, — наконец произнесла Уна. — Твои друзья заждались.

Стужа выпрямилась.

— Но ты ведь поедешь с нами, — сказала она. — Мы найдем тебе по дороге тихий городок.

Уна отрицательно покачала головой:

— Избегайте городов, скачите по прямой, и как можно быстрее, пока не отыщете девочку.

— Но что же будет с тобой? — запротестовала Стужа.

— У меня приготовлено убежище в горах, там есть все необходимое, чтобы я могла несколько недель отдохнуть. А потом я отправлюсь на восток к границе Шондо, буду идти пока не выберу местечко, чтобы построить новый дом. Лекари всегда нужны. Но не таким тупицам и мракобесам, как эта свора из Шадамы. — Она пожала плечами. — Я уже много лет назад поняла, что поселиться здесь было ошибкой.

Стужа вспомнила про изумруды в своем кошельке.

— Возьми это, — сказала она. — Тебе понадобятся деньги.

Уна отвела ее руку.

— В моем горном укрытии есть все, что нужно. Я всегда знала, что рано или поздно мне придется отсюда уйти. Я к этому приготовилась. — Затем, нахмурившись и закусив губу, она все же взяла камни. — С другой стороны, эти изумруды мне не помешают.

Стужа улыбнулась:

— К тому же я взяла взамен твой рубин.

Они вышли из хижины рука об руку. Уна притянула к себе Стужу и поцеловала ее.

— Береги себя, детка, и помни, что я люблю тебя. — Затем она повернулась и, подобрав юбки, направилась к холмам.

Стужа смотрела ей вслед, пока та не скрылась в ночи. На щеках девушки блеснули слезы. Она с трудом сдержалась, чтобы не расплакаться. «Почему она сказала это? Почему?»

У нее сохранились детские воспоминания о матери, которая звала ее Самидар, обнимала и целовала перед сном. Но Стужа помнила и о том, что случилось с их семьей позже, эти кошмары до сих пор продолжали терзать девушку. Теперь ее мать мертва, как впрочем и вся родня. С последним вздохом мать прокляла свою дочь.

Стужа мотнула головой, прогоняя воспоминание. Оно вернется, она это знала. Оно всегда возвращалось в кошмарах, мучивших ее по ночам.

Девушка глубоко вздохнула и вскочила в седло.

— Она назвала тебя Самидар, — заметил Трас Суртиан, когда они тронулись в путь. — Почему?

— Меня зовут Стужа, — произнесла она ледяным тоном, не добавив больше ни слова, лишь прищипорила Ашура, который пустился вскачь.

Глава 6

— Ты не сказал, как тебя зовут.

Стужа сидела на краю уступа, любуясь полной луной, и жевала сушеные фрукты из запасов незнакомца. Ее спина болела от долгой скачки, она чувствовала себя усталой и разбитой, но заснуть не могла. Заржала лошадь, вероятно, Траса Суртиана. Коркирец ушел, чтобы стреножить ее, и пока не вернулся. Ашур и конь незнакомца бродили без привязи.

— Кимон, — ответил он и принялся за свой ужин.

Девушка откинулась на седло и стала разглядывать стройного незнакомца. Он сидел, задрав одну ногу, в совершенно непринужденной позе. Она видела его только в сумеречном свете, но от него веяло самоуверенностью и нагловатым безразличием, что так свойственны наемникам. К тому же в Шадаме он действовал довольно умело.

— Ты ведь не из Коркиры. — Стужа поняла это по акценту, но откуда он родом, определить не могла.

— Я из многих мест, — ответил он. — Из Трафибана, Келед-Зарема, Шагеи, Эммидара...

— А какое из них ты зовешь домом? — перебила она.

Он медленно прожевал и проглотил кусочек.

— Сколько корней мы пускаем в этот глупый мир, — сказал Кимон. — Мой дом там, где моя лошадь. — Затем показал на меч, лежавший рядом с седлом и добавил: — И где мое оружие.

Трас Суртиан вынырнул из темноты с охапкой хвороста, чего удивительного, что его так долго не было. Он бросил свою ношу на землю и потянулся за огнивом, висевшим на поясе.

Стужа резко поднялась.

— Нет! — вскрикнула она. — Никакого костра, с такой высоты его будет видно на много миль вокруг.

— Нас никто не преследовал, — возразил Трас Суртиан. И уже приготовился высечь искру.

— Готовить нам все равно нечего, и к тому же довольно тепло, — запротестовала Стужа. — К чему этот риск?

Посыпавшиеся искры осветили лицо старика, сверкнули на его оружии и доспехах. Но хворост не разгорелся.

— Жители Шадамы заняты похоронами своих покойников. — Трас приготовился снова высечь огонь.

— Ты что, ждешь своей очереди? — съязвила Стужа.

Он бросил на нее сердитый взгляд; даже в темноте было видно, как сверкнули его глаза. И на мгновение девушка испугалась, что перешла черту дозволенного. Слишком часто в прошлом она оказывалась в дурацких ситуациях из-за своего острого языка. Но Трас Суртиан выпрямился, повесил огниво на пояс и пошел к своему седлу. Он растянулся на жесткой земле, положил руки под голову и стал смотреть на звезды.

— Почему ты не снимешь доспехи? — спросила Стужа, стараясь его задобрить. — Будет гораздо удобнее.

Он не обратил внимания на ее слова.

Кимон, громко чавкая, словно хотел напомнить о своем существовании, дожевывал последний кусок.

— Как, ты говорила, зовут капитана? — спросил он, улыбаясь с невинным видом.

До сих пор имени Траса никто не называл, но так как упрямый старый солдат не расставался со своей формой, ни для кого не оставалось секретом, что он начальник дворцовой стражи. Эмблема на его куртке и красный плащ оповещали об этом весь мир.

Услышав ответ Стужи Кимон кивнул и с любопытством взглянул на неподвижный силуэт мгновенно заснувшего капитана.

— Менестрели часто поют о нем песни в тавернах Марашаи. То об одном его приключении, то о другом, куплетов бесконечное множество. — Мужчина потер подбородок и откинулся назад. — В молодости он, наверное, был грозным противником.

Стужа развязала тесьму, стягивавшую ее длинные волосы. Они рассыпались по плечам. — Он и сейчас грозный противник, — ответила она. — Это не морщины на его лице, а метки, означающие, что человек не жалеет о своих поступках. Время оставило их, чтобы всякие глупцы держались от него подальше.

Кимон скрестил ноги и смотрел на девушку поверх носков своих сапог. Прошло несколько минут, прежде чем он снова заговорил.

— Что заставило женщину взяться за меч?

Она прекратила расчесывать волосы, глядя в темноту перед собой. Сколь многие уже спрашивали ее об этом? И что она отвечала? В Коркире — ничего, лишь Уна знала ее тайну. И даже Аки, которая успокаивала Стужу по ночам, когда та просыпалась в холодном поту от мучивших ее кошмаров, дрожа и судорожно глотая воздух, даже Аки ничего не было известно.

Стужа долго молчала. Ей всегда было трудно стряхнуть с себя воспоминания. Она посмотрела на небо, тонкий лунный серп медленно таял. Она могла различить лишь силуэт Кимона, но чувствовала на себе его взгляд.

— А что заставило это сделать тебя? — ответила она вопросом на вопрос.

— Деньги, — просто ответил он. — Решил искать свою удачу. Но я слишком непоседливый для фермера, слишком бестолковый для купца и недостаточно набожный для священника. — Он хлопнул себя по бедрам. — И вот я здесь.

— Ну и как, нашел? Свою удачу?

— Находил, — ответил он. — И снова терял. И бог весть сколько раз еще найду и потеряю. В конечном счете, я ведь еще молод. — Он потер руки. — Но ты не ответила на мой вопрос.

Стужа снова задумалась. Почему бы не рассказать ему? Этот чужеземец ничем не может ей навредить. Многие знали ее историю, и в Эсгарии, и в Роларофе, и в Шондо. Молва шлейфом тянулась за ней, куда бы она ни направилась. Когда-нибудь об этом станет известно и в Коркире. Так почему бы не рассказать все как было без преувеличений и украшательств, которые так любят менестрели... и враги.

— Из-за денег, — соврала она. — Как и ты. Я наемник.

— Не наемный убийца?

Внезапный порыв ветра разметал ее волосы. Когда он стих, она ответила.

— Я не убивала Аки.

— Я знаю.

Она резко повернулась.

— Что?..

— Да почти все в Коркире знают, что ее убил Тогрин Синтелл. Во всяком случае, в Марашаи. Они просто не говорят об этом вслух. Это, видишь ли, задевает честь этих кичливых дуралеев. Они не могут допустить мысли, что члены их королевской семьи такие же грязные, алчные и продажные, как и простые смертные.

Убедившись, что Трас Суртиан спит, Стужа прошептала:

— Он перерезал бы тебе горло, если бы услышал твои слова.

Кимон пожал плечами:

— Я только не могу понять, что вы делаете здесь вдвоем. Даже если ты не совершала преступления, капитан дворцовой стражи обязан арестовать тебя и привести в Марашаи. Ведь тебя уже судили и признали виновной.

Кажется, незнакомцу было не слишком многое известно об убийстве Тогрина. И Стужа решила оставить его в неведении. Весть о том, что коркирский трон снова свободен, и так быстро распространится.

— У нас договор, — уклончиво ответила девушка. — Я вернусь с ним в Марашаи через месяц, когда закончу одно дело.

Он зевнул:

— Найдешь Аки?

Услышав это, Стужа резко села. Меч в ножнах лежал на расстоянии вытянутой руки. Девушка взглянула на клинок, затем на незнакомца:

— Ты чертовски неплохо осведомлен для бродяги.

Кимон снова зевнул.

— Сама подумай. — Он вытянулся на земле и повернулся на бок. — Любой дурак догадается. Ты была телохранителем Аки, Трас Суртиан ее доверенным офицером. Вы надеетесь, что она жива и разыскиваете ее. Что еще это может означать?

Стужа отвела глаза:

— Это может означать, что мы собираемся отомстить за нее.

— Кому?

Стужа не ответила. Она сама точно не знала.

— Может, мне остаться, чтобы выяснить? — сказал Кимон после продолжительного молчания.

Она взглянула на его темный силуэт:

— Ты не понимаешь, во что ввязываешься.

— Когда это меня останавливало? — ответил он. — Неведение — лучший дар богов.

— Значит, ты безрассудный осел, друг. — Она не хотела оскорблять его, но он предлагал свой меч, не спрашивая, чем рискует. Резкие слова или оскорбления были несправедливой платой за предлагаемую Кимоном помощь. Стужа сама немало путешествовала, и ей было хорошо известно, как много значит встретить в пути друга, с которым можно разделить ужин, поговорить, а иногда и спеть.

— Прости, — сказала девушка. — Скажи с нами сколько захочешь, уйдешь когда пожелаешь, и больше никаких вопросов. Мы разделим с тобой все тяготы пути, но предупреждаю, никто не знает, что ждет нас в конце.

Кимон сделал едва заметный жест.

— Все дороги одинаковы, и мы оба знаем, куда они ведут. — Стужа услышала лязг и увидела наполовину обнаженный меч. — Вот наша плата за проезд. — Он снова лег на спину и мгновенно уснул.

Девушка вытянулась, скрестила ноги, положила под голову руки и зевнула, но сон все не шел к ней. Она считала звезды, плывшие по черному небу. Наконец села и стала смотреть на дорогу, по которой они приехали. Ей казалось, что она различает полыхающие дома сожженной деревни, слышит детский плач. Стужа закрыла глаза, видение не рассеивалось. Она была виновницей их несчастий. Ее руки превратились в факелы, в Руки Славы, которые

испепеляли все, к чему бы ни прикасались. «Спит ли Уна? — спросила себя Стужа. — Может ли она спать?»

* * *

Небо на востоке порозовело. Начинало светать. Утренний воздух был свежим и теплым и предвещал знойный день. Стужа подошла к Ашуру, надела на него седло и подтянула подпругу.

— Мне не нравится этот бродяга, — проворчал Трас Суртиан.

— Мало ли что тебе не нравится, — раздраженно ответила девушка, затем посмотрела вокруг. Лошадь Кимона паслась где-то вдалеке, и юноша пошел за ней.

Утро преподнесло ей сюрприз. В солнечном свете она увидела, что Кимон был совсем молод, во всяком случае не старше нее. Однако возраст мало что значит для мужчин, напомнила она себе. Он говорил, а главное, действовал так, будто был много взрослее.

— Он нам не нужен, — продолжал настаивать Трас Суртиан. — Он бродяга, ему нельзя верить. Какое ему дело до убийц Аки?

— У него есть меч, — возразила Стужа.

Кимон направлялся к ним, ведя свою лошадь под уздцы.

— Знаешь, я не стану спорить. В Шадаме он доказал, что может быть полезен. Этого для меня достаточно. К тому же он разделил с нами свои припасы. Он может ехать со мной столько, сколько захочет.

Кимон был уже достаточно близко, чтобы расслышать последние слова девушки. Он посмотрел сначала на нее, затем на Траса:

— Какие-то проблемы из-за меня?

— Нет, — солгала Стужа и метнула на Траса Суртиана взгляд, грозивший войной в том случае, если капитан осмелится возражать. — Надо трогаться. До Кефалении несколько недель езды, к тому же мы не знаем, сколько потребуется времени, чтобы найти человека, которого мы ищем. — Она облизала губы. — Кроме всего прочего, я голодна и хочу мяса. Надо будет поохотиться по дороге.

— С чем? — буркнул Трас Суртиан, не поднимая на нее глаз.

Девушка вздохнула. Кожа скрипнула, когда она садилась в седло.

— Ты сегодня, верно, встал не с той ноги. — Она улыбнулась, сверкнув зубами. — Если бы ты был маленьким, я бы тебя отшлепала, Трас. Но в нашем случае придется потерпеть, может, мне удастся научить старого пса новым фокусам.

Кимон приторочил к седлу свою сумку, затем спальный мешок.

— Вероятно, Трас был начальником дворцовой стражи слишком долго, — подмигнул он Стуже.

— А ты придержи свой язык, — рявкнула она, прежде чем старый коркирец смог за себя заступиться. — Про тебя еще никто не слагает песен в тавернах.

Кимон имел довольно смущенный вид, когда уселся в седло.

— Извините, — произнес он и больше не сказал ни слова.

Трас Суртиан взобрался на лошадь последним. Стужа задумчиво посмотрела на обоих. Может, все же не стоило брать с собой незнакомца. У нее хватало проблем и без этих глупых ссор. Кимон был остер на язык, а Трас не отличался терпением. Если она не будет за ними приглядывать, драки не избежать. С другой стороны, Кимон отличный спутник.

Стужа потеряла глаза. Все как-нибудь уладится, или она свернет шеи им обоим.

Дорога шла вниз по крутому склону холма к широкой плодородной равнине. Первые несколько часов они ехали молча. Потом Кимон затянул песню. Сила его голоса потрясла Стужу. Звуки песни наполнили воздух, разнеслись по равнине. Слова были древние, мелодия еще древнее, в песне пелось о начале истории, о походе против бесчисленных вражеских полчищ, о борьбе и величии.

Она наблюдала за ним, пока он пел. В солнечном свете его лицо казалось красивым —

загорелое, чисто выбритое. Он отлично держался в седле, широкоплечий, с прямой спиной, чуть наклонившись вперед. Его иссиня-черные волосы закрывали ворот. Стужа была одета во все серое, а он — в черный шелк. Кожаные сапоги и перчатки тоже были черными. Нет, этот странник не был бродягой. Девушка смотрела на его мускулистую шею, пока он пел. Несмотря на стройное, даже поджарое тело, в нем чувствовалась недюжинная сила.

Песня закончилась, и Кимон затянул другую. Роларофский мотив, Стужа знала отдельные куплеты и стала подпевать. Юноша улыбнулся, когда их голоса гармонично слились, и она улыбнулась в ответ. Только Трас Суртиан продолжал ехать молча. Он хмуро взглянул на них с Кимоном, и это обеспокоило Стужу. Она хотела, чтобы он тоже радовался и наслаждался жизнью, пока была такая возможность. Но музыка словно звучала в ней, поднимая настроение. Трас обретет душевный покой в свое время, надеялась она.

— Ты был в Роларофе? — спросила Стужа Кимона, когда тот замолчал.

— Эта баллада...

— Баллада?

— Да. Я обошел все Календское море, был даже в Эсгарии. Судя по твоему акценту, ты из тех мест.

Девушка вздрогнула, но решила не поддаваться мрачным мыслям. Утро было слишком славным, и песня ободрила ее. Никаких жутких воспоминаний, пообещала она себе. Перед ней снова лежала дорога, на небе светило солнце, воздух был свежим, а компания приятной.

Следующий вопрос слетел с ее губ сам собой.

— Как тебе понравилось в Эсгарии? — Она невольно прижала руку ко рту.

Но Кимон не заметил этого ее жеста.

— Народ дружелюбный. Очень живописно. Леса просто фантастические, я нигде таких не видел. — Он потер подбородок. — Однако там странные обычаи. — Он обернулся, чтобы взглянуть на собеседницу. Во второй раз она обратила внимание на небесную голубизну его глаз с черными, как грозовые тучи, зрачками. — Мне казалось, эсгарийским женщинам запрещено носить оружие. Я слышал, что за это их предают смерти. Но ты, верно, тренировалась с детства, твое мастерство впечатляет.

«Скажи ему, — велел ей внутренний голос. — Расскажи ему и покончи с этим. Очисти себя одной искренней исповедью, даже если он станет презирать тебя после этого. Когда ты откроешь кому-нибудь свои грехи, может быть, ты сможешь спать по ночам».

Стужа отвернулась, тряхнув головой. «Уна знает правду, но кошмары продолжают меня преследовать».

— Я тренировалась тайно, под руководством лучшего наставника на моей родине.

По крайней мере это была правда. Девушка решила не вдаваться в дальнейшие подробности.

— Повзрослев, я покинула Эсгарию.

Кимон посмотрел на нее с сомнением:

— Почему?

— Меня ничто не держало, — ответила Стужа и переменила тему разговора. — Трас, как насчет песни? Спой нам какую-нибудь коркирскую балладу.

Но Трас был как всегда хмур.

— Не время для песен, — буркнул он. — Королева пропала, король убит, в стране нет правителя... — Он замолчал. — К тому же, я так голоден, что съел бы собственную лошадь, если бы нам не надо было ехать дальше.

Стужа не стала заострять внимания на подтексте, которым капитан наделил слово «убит», лишь внимательно посмотрела на выражение лица Кимона. Хорошо, она объяснит ему, что случилось за последние дни, но позже. Сейчас же она выискивала глазами речку или озеро. Она и раньше об этом думала, пока песня не отвлекла ее. Густая высокая трава и темная влажная почва подсказывали ей, что вода где-то близко. А вода означала хорошую охоту.

— Я тоже голодна, — подхватила слова Траса Стужа, стараясь развеять мрачное

настроение друга. — Что ж, давайте поедим.

Трас вовсе не разделял ее энтузиазма.

— Что? Коренья, кору или листья? Я думал, ты хочешь мяса!

Она не смогла сдержать усмешку. Было что-то забавное в ворчании этого правильного до мозга костей старого служаки. Во дворце он был совсем другим, в любой ситуации Трас в одно мгновение принимал верное решение и всегда требовал исполнения своих приказов, гордый и дисциплинированный солдат в лучшем смысле этого слова. Теперь же он казался потерянным. Стужа невольно подумала, что замечание Кимона было верным. Вероятно, он слишком привык к размеренной дворцовой жизни.

— Просто следуй за мной, старый пес, — сказала она, поддразнивая его. — Обещаю научить тебя новым фокусам, и первый урок начинается прямо сейчас. — Она прищипорила Ашура и направилась к маячившему вдалеке перелеску. Кимон поскакал за ней. Обернувшись, Стужа с радостью заметила, что Трас Суртиан в развевающемся алом плаще догоняет их.

Она улыбнулась. Начало путешествия было явно неплохим.

Лесок оказался небольшим, но густо заросшим кустарником. Она подъехала к опушке. Товарищи Стужи скакали с обеих сторон от нее. Лицо Кимона сияло. Этот юнец, похоже, умел находить повод для веселья во всем, даже в быстрой скачке. Трас Суртиан был по-прежнему хмур. Девушка насупила брови, передразнивая старого капитана, сердито вращавшего глазами.

— И что теперь? — спросил он. — Моя лошадь вся в мыле, а я все еще голоден.

Стужа прищелкнула языком и соскочила на землю.

— Смотри внимательно, чтобы запомнить на будущее. — Она достала из седельной сумки свои мятый плащ и покрыла им круп единорога. — Вы видите это? — спросила она, демонстрируя спутникам кайму на своем плаще. — Вот здесь, как вы можете заметить, утолщение. Девушка просунула ноготь в отверстие, зацепила и вытянула приличный кусок тетивы. — Эсгарийская предусмотрительность, — сообщила она. — Кайма, конечно, испорчена, зато тетива всегда под рукой.

— Дай-ка я догадаюсь, — язвительно сказал Трас. — Ты вытянешь лук из сапога? Или он материализуется из воздуха?

Стужа снова вздохнула:

— Принеси-ка свой меч, Трас. Мозги у тебя сегодня работают неважно, так что лучше мы проверим твои мускулы.

Пока мужчины привязывали коней к деревьям, Стужа отпустила Ашура пастись на свободе, а сама направилась к зарослям кустарника и вскоре нашла отличный лук: крепкое молодое деревце, прямое и упругое.

— Сруби его под самый корень, — сказала она Трасу Суртиану. — И очисти от веток. — Он достал меч. Стужа тем временем повернулась к Кимону. — Пойдем срежем себе стрел.

— А как насчет наконечников? — спросил юноша.

— Они нам не понадобятся, — ответила Стужа. — Мы будем охотиться на мелкую дичь. Просто заточи концы, и можно оставить немного листьев вместо оперенья.

Они принялись за работу. Вскоре на земле уже лежало девять острых стрел; Стужа взяла у Кимона кинжал и сделала углубления на луке, чтобы закрепить тетиву. Трас Суртиан изогнул деревце, проверяя его на прочность. Стужа протянула ему тетиву и показала, как вязать узлы, чтобы она не соскочила, когда лук будет натянут, затем проверила его работу.

Кимон осмотрел стрелы:

— Мы можем обжечь концы, чтобы сделать их тверже, — предложил он.

Но Стужа лишь покачала головой:

— Мы разведем костер, когда нам будет что на нем готовить.

— А как насчет перьев? — спросил Трас.

— Я могу потратить всю неделю на изготовление идеальных стрел, но мне хочется есть

сейчас. Думаю, тебе тоже? — По выражению глаз капитана, девушка поняла, что дразнить его больше не стоит. Она поднялась на цыпочки и поцеловала старика в щеку. Этот импульсивный жест изумил ее саму не меньше, чем его. Она взяла лук. — Разожги хороший костер, а я принесу кролика. К тому же я только охочусь, а не свежую дичь. — Она изобразила дрожь, подмигнула и была вознаграждена улыбкой коркирца. — Пойдем, Кимон.

Они скрылись в лесу, оставив Траса Суртиана собирать хворост. В воздухе ощущался запах влаги. По сырой чавкающей почве Стужа поняла, что их цель близка. Десятки птиц испуганно вспорхнули, когда Кимон со Стужей стали пробираться через кусты. То тут, то там им попадались небольшие полянки, поросшие лесными цветами. Однако ветви высоких деревьев образовывали такое густое переплетение, что в лесу царил полумрак.

— Тебе часто приходилось охотиться? — поинтересовался Кимон, когда они прошли уже довольно большое расстояние, не обнаружив никакой подходящей дичи.

Стужа внимательно вглядывалась в густую поросль.

— Я в жизни не охотилась, — призналась она. — Но я научилась обращаться с луком во время войны с Алеппо. Так что стреляю я неплохо.

Юноша остановился:

— Тогда лучше дай лук мне, стрелять в убегающее животное и целиться в наступающую вражескую армию не одно и то же.

Она слегка улыбнулась, его тон начал ее раздражать, но она не показала и виду. Ей было не привыкать — многие мужчины делали такую же ошибку, недооценивая ее способности. И всех их она хорошенько проучила. Это она, Стужа, смастерила лук и стрелы, а не этот юный искатель приключений и не умудренный в битвах Трас. Если бы не она, они и дальше ехали бы голодными.

Кимон словно прочел ее мысли.

— Я не хотел тебя обидеть, — уверил он ее. — Но охота отличается от войны. Ведь лучше поскорее продолжить поиски убийц Аки, чем потратить весь день, гоняясь за добычей?

Ее передернуло оттого, с какой легкостью он смирился со смертью маленькой королевы. Может, Аки и была мертва, но у Стужи все же оставалась надежда. Хотя уверенность Траса Суртиана и Кимона в обратном делали ее совсем слабой. Стужа словно перестала ощущать голод; ей хотелось как можно скорее продолжить путь.

И все же они должны поесть, подсказывал девушке здравый смысл. Стужа передала Кимону лук и связку стрел.

— Хорошо, — проговорила она. — Твой выстрел первый. — Она откинула волосы назад. — Но если ты промахнешься, обещаю, засмеюсь так громко, что услышит Трас Суртиан.

Кимон взял лук.

— Если ты это сделаешь, то распугаешь всю дичь. — Он тряхнул головой и улыбнулся. — Тогда, боюсь, мы останемся голодными.

Он двинулся вперед, велел Стуже следовать за ним. Она жалела, что не оставила себе ни одной стрелы, чтобы кольнуть его в зад. Озорная улыбка тронула ее губы, когда она подумала об этом. К тому же этот зад был весьма симпатичным. По телу девушки разлилось тепло. Она наблюдала за движениями Кимона, восхищаясь тем, как грациозно и бесшумно пробирается юноша между зарослей, зорко смотрит по сторонам, как вкладывает стрелу и натягивает лук. Да, многое в Кимоне пленяло ее.

Наконец они дошли до широкого тихого ручья. Вдоль поросшего травой берега росли грибы. Стужа нагнулась, чтобы хорошенько рассмотреть их. Съедобные, но червивые. В любом случае ей хотелось мяса. Если им не попадется никакой дичи, они вернутся сюда за грибами.

— Следы, — объявил Кимон. — Сюда на водопой приходили разные животные. — Он посмотрел на небо, стараясь разглядеть солнце сквозь зеленый шатер ветвей. — Не очень удачное время для охоты, но давай спрячемся в кустах, вон там, — сказал он, указывая на

густые заросли, — и подождем, может, кто-нибудь и придет к ручью.

Они затаились в кустах и стали ждать, держа лук наготове. Кимон положил стрелы на землю рядом с собой, чтобы до них можно было легко дотянуться. Отсюда Кимону и Стуже было отлично видно место водопоя, где они обнаружили звериные следы.

Время шло. У Стужи начали затекать ноги. Хуже того, в ручье журчала вода и очень скоро Стужа поняла, что безумно хочет пить. Она облизала губы. По ее руке полз муравей. Она стряхнула его. Мухи жужжали у самого носа. Стужа старалась сидеть тихо, но ей страшно досаждали все эти насекомые! Она попыталась принять другую позу, чтобы размять затекшие ноги. Но под ее ступней хрустнула ветка.

— Тише! — шепнул Кимон. Стужа поднялась.

— С меня хватит, — объявила она. — Мы понапрасну теряем время. Пока что мы наловили только мух. Ни я, ни Трас их не едим. Мне жарко, я вся измазалась в грязи и хочу пить. И не собираюсь сидеть целую вечность в этих кустах. — Она раздвинула ветки и направилась к ручью, чтобы утолить жажду прохладной водой.

— Ну еще немного, — попросил Кимон.

— Забудь об охоте.

Она опустила на колени и сделала несколько больших глотков, прочищая горло от пыли. Даже если им и не удастся раздобыть ничего съестного, вода по крайней мере ненадолго уймёт урчание в животе. Кимон опустился рядом с ней и тоже принялся пить. Стужа оторвалась от воды и стала наблюдать за ним.

Выставив зад, юноша склонился над водой. Внезапно Стужа вспомнила о своем озорном желании. На лице мелькнула улыбка. Лук и стрелы лежали рядом. Девушка подняла одну стрелу и проверила пальцем острие.

Кимон вскрикнул, схватился за ягодицу, попытался встать, но потерял равновесие на скользком берегу и плюхнулся в воду. Стужа расхохоталась и принялась весело хлопать в ладоши.

— Какого черта? — сердито крикнул Кимон, оказавшись по пояс в воде.

— Не будешь впредь таким самодовольным, — ответила девушка, смеясь. — К тому же тебе нужна была ванна. В тех кустах невозможно было сидеть по двум причинам: из-за мух и из-за твоей вони. Наверное, ты провел в дороге не одну неделю, прежде чем мы тебя встретили!

— Да и ты не роза из королевского сада! — Кимон обрызгал девушку с головы до ног, выбираясь из ручья.

— Ты прав, нам обоим необходимо искупаться.

Стужа отстегнула меч, затем сняла ремень, на котором висели серебряные ножны кинжала, и аккуратно положила их на траву. Кимон тоже снял свою португезу. Затем стянул промокшую тунику, выжал ее и бросил на ветви.

Стужа собиралась искупаться нагишом. На траву полетела ее одежда. Сверкнули маленькие крепкие груди. Многие женщины желали бы иметь более пышный бюст, но Стужу очень устраивала ее грудь, особенно когда ей случалось переодеваться в мужское платье. Она сняла сапоги, штаны и нырнула. Холодная вода обожгла ей кожу, по телу пробежал озноб. Девушка задрожала. Но какое это было блаженство!

Кимон повернулся, когда услышал всплеск. Он добрал уже до середины ручья. Ручья? Скорее это была маленькая речушка. Вода доходила ему до плеч, но Стужа знала, что он касается дна. Она обхватила себя руками, чтобы согреться, и встретила с ним глазами. Вновь дрожь пробежала по ее телу, но на этот раз не от холода. Он подошел ближе. Она отступила.

— Стужа, — мягко произнес Кимон. Ветер колыхал ветви наверху. Солнечный луч упал на его лицо, в его темных волосах засверкали капли. Вода вокруг мерцала и переливалась, словно бриллиант. Девушка задержала дыхание, закусив губу.

Никогда раньше она не хотела мужчину! Как-то не было времени, она переезжала из города в город, ей постоянно приходилось искать пропитание и ночлег и просто стараться

выжить. Многие мужчины пытались добиться ее расположения, но она либо презирала их, либо дралась с ними.

Стужа понимала, что означает этот взгляд Кимона, она сама распалила его своим бесстыдством. Неважно, что вода доходила ей до плеч. Он знал, что она обнажена, видел ее одежду на берегу. Девушка почувствовала, как пылают ее щеки. Мышцы были напряжены, готовы к борьбе или бегству.

Но черт побери, она желала Кимона! Несмотря на все свое смущение и замешательство, ей хотелось прикоснуться к нему.

Его небесно-голубые глаза смягчились, когда он обнял ее. Все усилия унять дрожь ни к чему не привели. Он прижал ее к себе, и она почувствовала тепло его сильного тела. Стужа склонила голову ему на грудь.

— Я боюсь, — произнесла она, словно разговаривая сама с собой.

Это была правда. Она считала, что победила страх, ему на смену постепенно пришел своего рода фатализм. Ничего страшнее смерти с ней случиться не может, в конце концов, уверила она себя.

Но это было другое, и она боялась этого.

Так уж сложилось в ее жизни. Она вошла в образ холодной, невозмутимой валькирии, отчужденной от всех и вся. Окружающие полагали, что она на самом деле такая, какой кажется, о ней слагали песни. Ее звали Стужа. Но затем некоторые люди проникали сквозь эти стены в ее сердце, разрушали защиту, создававшуюся годами. Аки, Трас Суртиан, Уна — все они были ей небезразличны, как бы она ни закрывалась от них. А теперь еще и Кимон. Он целовал ее волосы, она ощутила, как его грудь прижалась к ее груди.

Внезапно в каком-то уголке ее мозга вспыхнул гнев. Стужа открывалась этим людям, и все они чего-то требовали от нее! Аки нужно было спасти; Трас Суртиан навязал ей договор, который может стоить ей жизни. Даже Уну пришлось выручать. Об этом никогда не говорилось вслух, но узы, которые связывали Стужу с этими людьми, не давали ей поступать иначе. И теперь, если она позволит себе привязаться к этому юноше, чего потребует от нее он?

Стужа застонала от желания. Это не имеет значения, чего бы он ни потребовал, все равно. Губы Кимона нашли ее рот. Она ответила на поцелуй, неумело, боязливо. Стужа приказывала себе остановиться, но знала, что это не в ее силах.

Кимон поднял девушку на руки и понес на берег, бережно положил на ворох одежды, затем поднялся, чтобы стянуть с себя оставшуюся одежду. Стуже уже приходилось видеть обнаженных мужчин, избежать этого на поле битвы было невозможно. Но она не помнила никого, кто был бы столь же хорош, как казался в это мгновение Кимон, освещенный лучами солнца, пробивавшимися сквозь листву, когда его мужественная красота подчеркивалась игрой света и тени. Он нагнулся, заключил ее в объятия, покрывая поцелуями, пока она не задрожала от желания. Ее руки сжали его ягодицы. Но, почувствовав прикосновение его члена, она замерла. Вновь в ней поднялся страх, и Стужа еще раз спросила себя: если она разделит с Кимоном ложе, чем обернется это для нее? Но она прогнала эту мысль. Ее страхи — порождение ночных кошмаров. Она закрыла глаза и изогнулась, принимая его в себя.

* * *

Кимон пошел к ручью, чтобы омыться. Странная теплота разливалась по телу, но его брови были нахмурены. Он отвернулся от женщины, которая сидела на берегу, наблюдая за ним.

Он думал о кошельке, набитом золотыми роларофскими монетами, лежавшем в его седельной сумке. Плата, напомнил он себе. Кимон был наемным убийцей, а женщина — его жертвой. Он упустил ее однажды в Марашаи, и затем она исчезла. Однако интуиция подсказала Кимону следовать за начальником дворцовой стражи после убийства Тогрина Синтелла.

У него была не одна возможность завершить свое дело. Но в Стуже было нечто такое, что восхищало, нет, волновало его. Он никогда раньше не встречал женщину, владевшую мечом, она вступила с ним в схватку в темной комнате. Он не знал, что побудило его прийти ей на помощь в Шадаме и затем завоевать ее доверие. Все так просто — вначале подружиться с ней, а затем прикончить ее, когда она ни о чем не будет подозревать, рассудил он тогда.

Но он обманывал себя. То, что казалось хитроумным планом, переросло в нечто другое. Да, он завоевал ее доверие. И ее дружбу, и даже больше.

Он плеснул воду себе на грудь, рассеяно глядя по сторонам и не замечая ничего, кроме бликов, игравших на поверхности реки.

Раньше он покупал шлюх, но никто не любил его так страстно. Он мог бы убить ее во время любовных игр и отработать плату роларофца, но он сгорал от желания, не думая ни о чем. Даже теперь он ощущал возбуждение.

Доверие, дружба, любовь.

Разве кто-нибудь предлагал ему так много? Он покачал головой.

Кто ему лорд Рольф? Он просто нанял его и ничего больше. Трус, который платит, чтобы другие делали за него грязную работу. А что, если раз в жизни он откажется?

Кимон взглянул на девушку, сидевшую на берегу, стал наблюдать за тем, как она одевается и улыбается ему. Может ли вся вода этого ручья отмыть его руки?

Боги, она заставляла его кровь кипеть!

* * *

Когда они подходили к тому месту, где Трас Суртиан должен был их поджидать, Стужа ощутила в воздухе приятный запах. У нее потекли слюнки, и она ускорила шаг. Кимон тоже не отставал. Никто ни словом не обмолвился о том, что произошло.

Трас Суртиан сидел под деревом. Костер у его ног весело потрескивал, когда он подбрасывал туда хворост. Коркирец просто сиял от удовольствия. Половина кролика примирила его с жизнью.

— Угощайтесь, сказал он, указывая на кусочки мяса, нанизанные на прут. — Немного пережарилось, но вы, видно, не очень-то торопились.

Стужа с Кимоном переглянулись. Оба посмотрели на лук и стрелы, которые были у них в руках, потом перевели взгляд на ловушку Траса. Они пришли с пустыми руками.

— Идите сюда, охотнички, — усмехнулся старый солдат. — Я ждал, пока мой желудок не пригрозил выбраться наружу и отправиться охотиться в одиночку, и тогда я взял веревку и сделал петлю. — Он кивнул Кимону, направлявшемуся к своей седельной сумке. — Я позаимствовал немного твоих сушеных фруктов для приманки. — Затем махнул рукой. — Налетайте, это самый жирный кролик, какого я только видел.

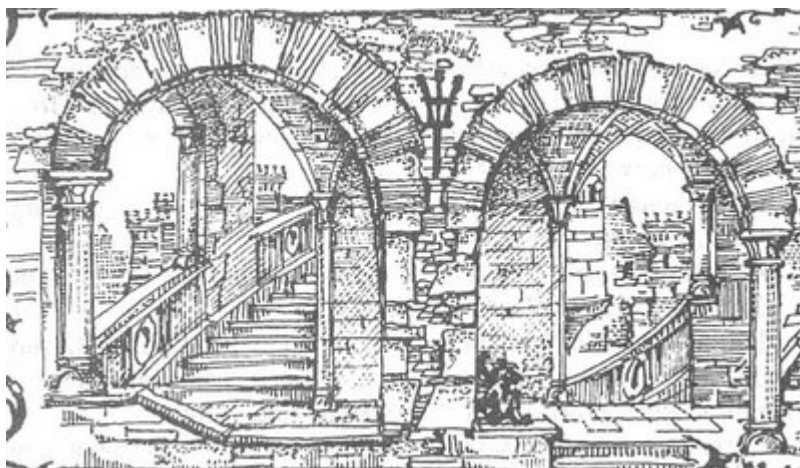
Стужа подошла к костру. Внезапно Кимон замахнулся и забросил что-то далеко в лес. Послышался шум листьев, что — сверкнуло на солнце.

— Что это было?

Кимон пожал плечами и направился к кролику, привязывая к поясу опустевший кошелек.

— Ничего, — ответил он. — Мне это больше не нужно.

Глава 7

Солнце клонилось к закату. Стужа бросила в дымящиеся угли последнюю горсть земли. Они потеряли слишком много времени у реки, и она корила себя за это. Значит, им придется скакать до поздней ночи. Но было ли это на самом деле потерей времени? Стужа ощущала такую внутреннюю гармонию, какой не знала прежде. Она медленно поднялась.

Кимон снял тетиву с самодельного лука, несколько раз свернул ее и надел Стуже на шею, спрятав под туникой.

— Никогда не знаешь, в какой момент она понадобится снова, — сказал он. Но его руки, лежавшие на плечах девушки, сказали гораздо больше. Кимон и Стужа ласкали друг друга глазами.

— Никогда не знаешь, в какой момент она понадобится, — эхом повторила Стужа слова юноши.

Он лишь улыбнулся в ответ. Она обвила руками его шею. Как приятно было вновь ощутить его тепло! Все стены рухнули в одночасье. Какова бы ни была цена, она готова заплатить. Как она жила в одиночестве так долго, закрываясь от всех радостей и страстей, которыми живут другие? Кимон погладил ее по Щеке. Стужа прижалась к его ладони губами.

И тут она заметила Траса Суртиана. Он стоял, наблюдая за ними поверх седла, собираясь вскочить на лошадь. Девушка торопливо отступила от Кимона. «Не смотри на меня так, — Молча умоляла она капитана. — Я не сделала ничего дурного, меня не за что винить». Но она прочла в глазах старого друга сомнение, внезапно вспыхнувшую подозрительность и гнев. Кимон тоже увидел их на лице Траса, но открыто попытался снова дотронуться до Стужи.

Она поймала его руку и сделала шаг назад. Может, все же не все стены рухнули. Какая ей разница, что подумает Трас Суртиан? Она знала ответ на этот вопрос еще прежде, чем задала его. Трас ее друг; их многое связывает. А для Стужи не было ничего важнее дружбы.

Но ее также многое связывает и с Кимоном. И это тоже было важно.

Трас промолчал и взобрался в седло. Он продолжал смотреть Стуже в глаза, и этот взгляд был красноречивее слов. Затем он повернул лошадь и медленно отъехал в сторону.

Кимон дотронулся до ее плеча.

— Забудь о нем, — шепнул он, склонившись к девушке, глядевшей капитану вслед. — Давай уедем вместе. Куда-нибудь подальше от Коркиры и всех этих мертвых королей и королев и бессмысленных путешествий. Нам хорошо вдвоем, и будет еще лучше.

Она покачала головой, подошла к Ашуру и взяла поводья.

— Я не могу, — сказала она печально.

— Почему нет? Кто тебе этот старик? — Он приблизился к ней сзади и снова обхватил за плечи. Она позволила себе на какой-то миг прижаться к его груди. Но затем выпрямилась.

— Друг. — В ее голосе звучала боль. — Я дала обещание и не могу его нарушить.

— Просто друг? — Его тон словно резанул ей по сердцу. — А кто я?

Она повернулась к Кимону, прежде чем тот успел продолжить, и зажала ему рот рукой.

— Друг, — поспешно ответила она. — Будь моим другом. Любовники — это временное понятие. Мы были любовниками у реки, и я искренне надеюсь, что не последний раз. Но я не брошу Траса Суртиана и не оставлю Аки. Она тоже мой друг. И я обязана им за их дружбу. Разве ты не знаешь, что за все нужно платить?

Он молча смотрел на нее. В его глазах боль смешалась с гневом или горечью, а может с тем и другим. Стужа отвела взгляд. Вдали она еще могла различить силуэт Траса Суртиана.

— Они мои друзья! — повторила Стужа.

Кимон поскреб щеку, смахнул пот со лба. Его губы сжались в тонкую полоску. Затем он произнес:

— Едем, пока он не ускакал слишком далеко.

Девушка чуть не задушила его в объятиях.

— Спасибо! — Она поцеловала его долгим страстным поцелуем, он сам недавно научил ее этому.

Кимон отпрянул.

— Так ты собираешься ехать за ним или нет?

Он снова улыбался. Стужа уже успела полюбить эту его улыбку.

Она вставила ногу в стремя и вскочила в седло, прежде чем Кимон успел пошевелиться.

— Ну что же ты медлишь, ты ведь такой шустрый, — бросила она ему, смеясь. Ашур поскакал вперед, поднимая пыль.

Трас Суртиан продолжал смотреть на дорогу, когда Стужа подъехала к нему. Сзади до нее доносился стук копыт лошади Кимона. Через несколько секунд юноша догнал их.

— Мы снова с тобой, старый пес, — сказала девушка коркирцу. Трас ничего не ответил, только кивнул, поджав губы.

Кимон затянул песню.

Когда сгустились сумерки, путники были уже в Далабе, обширной холмистой местности. Они проскакали больше, чем Стужа могла надеяться, но теперь необходимо было остановиться и отдохнуть. Если они продолжают путь в темноте, то лошади непременно переломают ноги. Дорога была усеяна камнями и изрыта ямами.

Кимон первым спешил, потирая спину. Затем, звеня оружием, на землю прыгнул Трас Суртиан. Стужа поднялась на стременах, выпрямилась, но, казалось, и не собиралась слезать с Ашура.

— Нужна помощь? — спросил Кимон, предлагая руку.

Она покачала головой:

— Я не устала. Проеду немного вперед.

Трас Суртиан постелил на землю свой плащ.

— До Кефалении еще далеко, — сказал он. — Эти холмы тянутся на мили вперед. Тут нет ничего, кроме зверей, насекомых да пары хижин лесников.

— Не уезжай, — тихо попросил Кимон. — Слишком темно.

— Со мной все будет в порядке, — уверила Стужа юношу. Но его забота тронула девушку.

— Я беспокоюсь за твоего коня. Он может повредить ногу. — Стужа улыбнулась маленькой лжи Кимона. Кто-то, а уж Ашур сам мог прекрасно о себе позаботиться. Тьма была нипочем его пылающим глазам.

— Все будет нормально. — Она наклонилась, чтобы дотронуться до щеки юноши. — Не волнуйся. Трас, позаботься о нем. Мне все больше и больше нравится эта кудрявая голова.

— Я заметил, — ответил коркирец, усмехнувшись. — И думаю, что не только голова.

Кимон сжал ее руку:

— Я поеду с тобой.

Стужа приставила ногу к его груди. Этим жестом все было сказано. Она привыкла справляться сама. Какими бы ни были ее чувства к Кимону, она не нуждалась в его защите.

Сейчас ей было необходимо время, чтобы собраться с мыслями и спокойно все обдумать.

— Просто разожгите костер, чтобы я смогла найти дорогу назад, — велела она. И не потому, что это было ей действительно необходимо. Ашур бы не заблудился и так. Но Кимону, вероятно, от этого будет спокойнее, решила она.

Трас тронул Кимона за плечо.

— Тебе еще многое предстоит узнать о женщинах, особенно об этой, — сказал он. А затем обратился к Стуже: — Езжай, я знаю, что у тебя на душе. Отдохни от нашей компании.

— Разведите огонь, — еще раз попросила девушка. — Я скоро вернусь.

Стужа двинулась вниз по пологому склону холма, в небольшую ложину. Деревья поднимались по обе стороны тропы. Несмотря на ночную прохладу, Стужа скинула плащ, подставляя ветру лицо и шею. Насекомые стрекотали в блестящей от росы траве, неожиданно прямо перед девушкой пролетела сова. Стужа резко пригнулась, Ашур же продолжал двигаться очень уверенно, аккуратно ступая между корней, ям и камней. Его глаза горели, словно янтарные озера, освещая единорогу путь.

Девушка свернула с тропы и отпустила поводья. Оглянувшись, Стужа различила вдали маленький огонек. Ветер растрепал ее волосы.

Она соскочила на землю и пошла пешком. Ашур следовал за ней по пятам. Его длинный черный рог едва не касался ее спины. «Так тихо, — думала Стужа. — Песни Кимона развлекают в дороге, но тишина тоже прекрасна».

На востоке низко над горизонтом она заметила бледную луну, висевшую над вершиной холма, словно слеза. Скоро должно наступить полнолуние. Ей вспомнилась другая ночь, когда она любовалась луной. В ту ночь пропала Аки.

«Только бы она была жива, — молила Стужа богов. — Так, покровитель ведьм, спаси и сохрани ее! Скраал, бог отмщения, приведи ко мне ее убийцу, если она мертва!»

Стужа закрыла глаза, подождала, пока в груди утихнет волнение. Если бы все было так просто — помолиться и получить то, о чем просишь. Но боги никогда не помогают людям, которые не стараются помочь себе сами. А если ты все делаешь сама, то зачем тебе боги. Тогда молитвы — пустая трата времени.

Ей нужен был план, но она ничего не могла придумать. Оставалось лишь одно — ехать в Кефалению, разыскать там человека по имени Онократос и выбить из него правду любой ценой. Но где в Кефалении она его найдет? Стужа опустилась на траву. Вскоре ее штаны были уже насквозь мокрыми от росы, но она не обращала на это внимания. Звезды плыли над темными контурами далеких холмов. Некоторые люди утверждают, что звезды могут дать ответы на любые волнующие вас вопросы. Стужа сидела и наблюдала за звездами — красивыми, но холодными и безгласными. Если им и известны ответы, они никогда не откроют их ей. Стужа вздохнула.

Внезапно яркий зеленый шар пролетел по ночному небу, оставляя за собой сверкающий золотисто-зеленый огненный хвост. Стужа поднялась и обернулась, чтобы как можно дольше наблюдать это небесное явление. Наконец шар скрылся за горизонтом.

Красиво! За всю свою жизнь она не видела ничего подобного! Наверняка это было знамение. Возможно, звезды все-таки могут дать ответы. Но что означала эта необычная комета? Знамение может быть и хорошим, и плохим. Предвещало оно успех или поражение?

Стужа стала размышлять об этом, но потом пожала плечами. Есть ли ответы у звезд или нет, какая разница? Она все равно не знает их языка.

Ашур ткнулся мордой в плечо хозяйки, его рог коснулся ее щеки, выводя Стужу из задумчивости. Она потянулась и зевнула. Пора было возвращаться в лагерь, чтобы мужчины не начали волноваться. Стужа протянула руку и почесала единорогу нос, Ашур спокойно вытерпел это.

— Я люблю тебя, — шепнула она. — И еще я люблю Кимона, Траса Суртиана и Аки. — Она отступила на шаг, скорчив гримасу, оглядела зверя и повторила свои признания. — Почему, когда я произношу эти слова вслух, они звучат так глупо? — Задумавшись, девушка подобрала поводья, вскочила в седло и тронулась в обратный путь.

Пока она ехала через лощину, внезапный порыв теплого ветра всколыхнул листву. Стужа взглянула на небо. Еще один горящий шар, гораздо ярче первого, пронесся по небу очень низко над землей. Она наблюдала за ним, пока шар не скрылся из виду. Затем потерла подбородок, откинула волосы со лба и продолжила путь.

Однако волосы у нее на шее встали дыбом, когда Стужа увидела третью комету. Девушка наблюдала за ней сквозь переплетение ветвей. Траектория горящего шара снова изменилась. Первая комета пролетела с запада на восток, вторая — с севера на юг. Эта же — с северо-запада на юго-восток.

Вне всяких сомнений, без колдовства тут не обошлось. Была ли мишенью она, Стужа, или кто-то другой? Когда Стужа в первый раз взглянула на Онокротоса в приемном зале Тогрина Синтелла, она подумала, что старик, должно быть, колдун. Тогда она почувствовала это всем своим существом, и теперь ощутила, что кометы — это предупреждение, знак. Стужа прищипорила Ашура. Единорог скакал в темноте, огибая деревья и невидимые препятствия, о которые обыкновенная лошадь непременно повредила бы себе ноги. Стужа, крепко сжимая поводья, пригнулась к шее Ашура, опасаясь удариться о какой-нибудь сук. Ей необходимо было как можно скорее добраться до Кимона и Траса Суртиана: они ничего не понимали в магии и потому им грозила опасность. Только Стужа была в состоянии защитить их.

Но без своей ведьмовской силы что могла она сделать?

Ашур ворвался в лагерь; комья грязи, летевшие из-под его копыт, чуть не затушили небольшой костер. Стужа спрыгнула на землю. Трас Суртиан поспешил к ней, но тут же устался на небо. Кимона нигде не было видно.

— Невероятно! — воскликнул старый солдат.

— Где Кимон? — спросила она.

— Ушел в лес по своим делам. Интересно, видел ли он кометы? А ты? — взволнованно спросил он.

— Видела. — Но Стужа явно не разделяла его восторгов. Она хотела потушить костер, но не знала, сможет ли Кимон найти их в темноте. Она приставила ладони к губам. — Кимон! — крикнула Стужа. — Кимон, возвращайся!

Трас Суртиан обернулся к ней. Костер отбрасывал на его озадаченное лицо тени и красные блики.

— Мы под прицелом, — сказала Стужа, прежде чем Трас успел задать вопрос. — Я не знаю, как это работает, но догадываюсь, кто за этим стоит. Я бы поставила последний зуб моей прабабки, что это проделки Онокротоса. Сколько комет ты видел?

— Только одну, — ответил капитан. Правая его рука потянулась к рукояти меча.

— Я видела три, и все они летели в разных направлениях.

— Что нам делать?

— О чем это вы? — Услышав крик Стужи Кимон поспешил к лагерю и как раз в этот момент появился из тени. — Вы видели эти штуковины на небе?

— Видели! — хором ответили они.

Стужа торопливо забросала костер землей. Угли зашипели, и дымок поднялся к ветвям.

— Эй, разжечь его было не так просто!

— Помолчи! — приказал Трас Суртиан. — Она знает, что делает.

— Тихо! — шепнула Стужа. Она напряженно прислушивалась, глядя на звездное небо.

— Посмотрите! — Трас указал наверх.

До них донесся свистящий шум. Сильный порыв ветра пригнул деревья к земле. Стужа, Трас и Кимон еле устояли на ногах. По траве прошла волна, и над ними, прорезая темноту и касаясь верхушек деревьев, пролетел еще один огненный шар, излучая лазурное сияние и оставляя за собой сверкающий хвост. Шар взмыл вверх, затем стал стремительно снижаться. Трас, Стужа и Кимон застыли на месте, прикрывая руками глаза. Стужа призывала своих богов, уже приготовившись к смерти. Она потянулась к Кимону, ее пальцы вцепились в его шелковый рукав.

Но ничего страшного не последовало. Огненный шар завис над землей светясь, но не обжигая. Не веря своим глазам, Стужа оглянулась по сторонам. Ни деревья, ни трава не обгорели.

Внутри шара был явственно виден темный силуэт человека. Черт его лица Стужа не рассмотрела, но ощутила на себе его бесстрастный взгляд.

Затем она услышала в голове звон, который постепенно превратился в зуд. Девушка сжала голову руками, помассировала виски. Зуд не проходил. Она видела, что Трас Суртиан и Кимон испытывают в этот миг такие же ощущения.

В ее голове начали складываться слова.

Ты ищешь королеву-ребенка. Ты уже близка. Поторопись, ты еще можешь спасти ее душу.

Стужа пересилила боль и взглянула на шар и существо внутри. Вокруг разливался волшебный аромат. За спиной девушки переступал с ноги на ногу и храпел Ашур. Глаза единорога пылали особенно ярко, отбрасывая отсветы на его морду.

Это не мог быть Онократос. Стужа почувствовала его силу, когда их взгляды встретились в приемном зале, и знала, какого она рода. Девушка сосредоточилась, посылая свои мысли существу, стоявшему перед ними.

— Кто ты? — спрашивала она. — Как ты нашел Аки?

Боль, сопровождавшая мысленное общение, усиливалась. Стуже казалось, что ее глаза вот-вот вылезут из орбит. Начало сводить мышцы шеи.

По вечерам на закате смотри на запад. Я буду вести тебя каждую ночь до рассвета.

Шар затрещал и поднялся в небо.

— Подожди! — крикнула Стужа.

Но шар уже взмыл над верхушками деревьев и теперь стремительно удалялся. Она пыталась проследить за ним, но листва над головой была слишком густая. Однако сквозь просветы периодически мелькала изумрудная светящаяся сфера, постепенно превратившаяся в яркую звезду, мерцавшую над горизонтом.

— Он зовет нас следовать за ним, — объяснил Трас Суртиан. Старый капитан был потрясен, но его голос звучал твердо. Он бы пошел куда угодно и отважился бы на что угодно ради своей юной королевы.

— Что это было? — спросил Кимон. Он обошел лагерь, пытаясь найти точку, с которой лучше всего было бы видно небо.

— Не знаю, — ответила Стужа. — Но если этот кто-то может привести нас к Аки, мы будем следовать за ним.

Она подошла к Ашуру. Глаза единорога все еще горели, как всегда в присутствии сверхъестественного; она поражалась, как друзья могли не видеть его настоящего обличия. Стужа вновь взглянула на звезду, поставила ногу в стремя и вскочила в седло.

— Это похоже на ловушку, — предупредил Кимон. — И очень пахнет колдовством.

Трас Суртиан направился к своей лошади.

— Тогда отправляйся домой, Кимон, — сказал он. — Без подсказки мы могли бы потратить на поиски недели и так и не обнаружить Аки. Кефаления обширный край. — Он указал на звезду, с которой не сводила глаз Стужа. — Теперь у нас есть даже больше чем подсказка, у нас есть проводник. — Капитан положил руку на колено Стуже и посмотрел на нее снизу вверх. — Нам было сказано, что мы можем спасти Аки. Значит, она жива. — Трас Суртиан склонил голову и обратился к Стуже: — Я освобождаю тебя от клятвы, которую ты дала на холмах Китри, прими мои искренние извинения.

Девушка улыбнулась и кивнула, затем вновь взглянула на звезду, которая отныне поведет их. «Можем ли мы ей верить?» — думала она. Но не стала лишать Траса Суртиана надежды.

— Еще человек в шаре сказал, что надо торопиться. Так что, Кимон, скорее садись в седло. И будьте осторожны — если в темноте чья-то лошадь сломает ногу, это будет

означать лишь то, что он не сможет продолжить путь.

* * *

Они ехали в течение двух ночей. Холмы остались позади, перед ними простиралась равнина, так что они могли видеть на много миль вперед. Днем они спали под открытым небом до самого заката. Охотиться было не на кого и запасы сухих фруктов в сумке Кимона быстро таяли, в то время как желудки путников требовали настоящей пищи. К счастью, у них были наполнены фляги.

— Этот твой зверь никогда не устает? — однажды спросил Кимон. Его лошадь трусила из последних сил, низко опустив голову. Стужа только пожала плечами и поскакала дальше.

Каждый день с наступлением сумерек, они ждали, сидя верхом, когда исчезнут последние лучи солнца и на землю спустится тьма. Тогда в небе появлялась мерцающая зеленая точка, которая светила ярче прочих звезд. И в отличие от остальных светил, которые плыли по ночному небу, зеленая звезда оставалась на одном и том же месте.

Наутро третьего дня путники выехали на берег широкой реки. Их небесный путеводитель исчез с рассветом, но они продолжали двигаться в том направлении, которое им было указано. Стужа почуяла воду, услышала ее шум и вспомнила о голоде.

— Кто-нибудь из вас умеет удить рыбу? — спросила она. — Я голодна как волк.

Трас Суртиан ничего не ответил, только поднялся в стременах и огляделся.

— Эта река, должно быть, Скаманди, — сообщил он. — По другую сторону простираются земли Эндимии.

— Это все владения Тогрина Синтелла? — поинтересовалась Стужа.

Старик кивнул:

— Да, они тянутся на несколько дней пути.

— Здесь, должно быть, есть города и деревни, где мы сможем найти еду и ночлег, — оживился Кимон.

— Сегодня ночью мы останемся спать у реки, — сказала Стужа. — Но днем ты сможешь разыскать какую-нибудь деревушку и привезти нам провизии.

— Почему я один? — подозрительно спросил Кимон.

— И почему не я? — вступил в разговор Трас Суртиан. — Я не слишком хорошо знаю этот край, но тут есть мои люди. Они с уважением относятся к королевской форме.

Стужа соскользнула с седла.

— Мы ведь ищем убийцу Аки. А так как путь был неблизким, слуги Тогрина в Эндимии скорее всего уже узнали, что их господин убит. У них наверняка есть мое описание, по крайней мере после исчезновения королевы. — Она подмигнула Трасу Суртиану. — А ты слишком известен по всему королевству, мой друг. Если кто-то увидит тебя в этих местах, то решит, что ты преследуешь меня. Лучше, если никто не будет даже догадываться о моем местонахождении. В конце концов, это может повредить Аки.

— Тогда давайте продолжать путь, держась подальше от деревень и городов, — предложил Трас Суртиан.

Девушка отрицательно покачала головой.

— Я очень голодна. Хорошо бы, Кимон привез нам еды и может, еще вина. Меня уже тошнит от воды. — Она вытерла пот со лба. — Насколько я помню, Эндимия не слишком большая страна.

— Владения Тогрина тянутся в длину, а не в ширину, — подтвердил Трас. — Мы доберемся до Кефалении завтра ночью.

Стужа вздохнула.

— Давайте немного поспим. Я так устала, что больше не чувствую разницы между седлом и мозолями на заднице, которые я натерла. — Она хлопнула себя по ягодицам.

— Зато я чувствую, — усмехнулся Кимон, спешиваясь.

Они расседлали лошадей. Мужчины достали из седельных сумок путы и стреножили

своих скакунов. Вокруг было много свежей травы, и Стужа оставила Ашура свободно пастись.

Они раскатали одеяла и улеглись в тени деревьев, росших по берегу Скаманди. Трас Суртиан мгновенно заснул. Стужа растянулась на спине и закрыла глаза, ощущая на веках приятное солнечное тепло. Но она никогда не засыпала легко, и этот раз не был исключением. Наконец она открыла один глаз, с радостью заметив, что Кимон тоже не спит. Девушка перекаtilась к нему, и он обнял ее. Тело юноши было мускулистым и теплым, как солнечные лучи. В его объятиях она чувствовала себя в безопасности. Было так приятно лежать рядом с ним.

Они долго молчали. Затем Кимон заговорил тихим голосом, чтобы не разбудить товарища.

— Скажи, почему та старуха назвала тебя Самидар? — Его пальцы медленно поднимались по позвоночнику Стужи, она ощущала на щеке тепло его дыхания.

Девушка напряглась, но его близость, уют, который она чувствовала в его объятиях, нежность, звучавшая в голосе Кимона, заставили ее расслабиться. Она посмотрела в его глаза, такие синие, что, казалось, в них можно утонуть.

— Потому что это мое имя, — призналась она шепотом. Стужа снова закрыла глаза. Она знала его только потому, что ей невозможно было лгать, ведь она обладала истинным видением. Теперь это стало известно и Кимону. Стужа не произносила своего имени уже очень давно. *Самидар*... Так назвал ее отец. Ей всегда нравилось, как оно звучит.

— Я думал, тебя зовут Стужа.

Как много она может ему рассказать? Не станет ли он ее презирать, когда узнает о ее прошлом, о том, что она совершила? Впрочем, возможно, она уже достаточно наказана. Было бы хорошо поделиться этой тайной с кем-то, кто ей дорог. Она знала правду и не отвергла Стужу. Но Она была стара и одинока и умела прощать людям их грехи. А Кимон был горд и мог бросить ее, узнав постыдный секрет девушки.

— Ты прав, — сказала Стужа после долгого молчания. Она закрыла глаза, чтобы сдержать слезы. — Меня зовут Стужа.

— Но ведь так было не всегда?

Девушка повернулась на бок, спиной к нему. Он обхватил ее груди, и она почувствовала на шее его дыхание.

— Не самое подходящее время, чтобы рассказывать истории, — задумчиво произнесла она. — Сейчас я хочу спать.

Кимон поцеловал Стужу в затылок и прижался к ней еще теснее. Вскоре он начал похрапывать. Только теперь Стужа дала волю душившим ее слезам.

* * *

Она проснулась с криком и схватилась за меч.

— Опять кошмары? — спросил Трас Суртиан, глядя на девушку. Он сидел неподалеку, прислонившись к дереву, и водил по краю меча точильным камнем, который всегда возил с собой в седельной сумке. В первый раз за много дней он снял с себя доспехи.

— Где Кимон?

— Ты так сильно его любишь?

Она приподнялась на локтях.

— Не знаю, — честно призналась она. — Что вообще я знаю о любви?

Старый воин пожал плечами:

— Он отправился на поиски какой-нибудь деревни. Мы решили не будить тебя: ты казалась усталой.

Она нетерпеливо прервала его:

— Надеюсь, он долго не задержится, я так голодна!

Трас Суртиан посмотрел на солнце:

— Сейчас только полдень. Думаю, вернется он не скоро. Неизвестно, сколько ему придется проехать. Но Эндимия — густонаселенный край. Кимон обязательно что-нибудь найдет.

Стужа поднялась на ноги и потянулась. Ее кожа была покрыта испариной, она всегда обливалась холодным потом во время кошмарных сновидений. В волосах было полно дорожной пыли. К тому же она чувствовала запах собственного немытого тела.

— Я спущусь к реке, — объявила девушка. — Ты можешь наточить и мой меч?

Трас кивнул. И тогда Стужа расстегнула ремень и передала ему клинок в ножнах.

— Вода холодная, — предупредил ее Трас; судя по капелькам в бороде, уже успевшей искупаться. С этими словами он вновь принялся за работу. Мелкая серая пыль покрыла его руки, когда он провел точилом по лезвию меча.

Стужа спустилась к воде. Стянула сапоги, затем разделась. Песок обжигал ей пальцы и ступни. Легкий ветерок развеивал волосы, ласкал кожу. Она зашла по колено в реку.

Как и предупреждал Трас, вода оказалась ледяной. Наверняка в реке били подземные источники. Течение было очень быстрым, вода закрутилась вокруг ее ног. Девушка задрожала, несмотря на солнце, гревшее ей плечи, но сжала зубы и двинулась дальше. Зайдя в воду по пояс, Стужа остановилась. Вместо песка под ногами теперь был ил. Она чувствовала силу течения — глубже заходить было опасно.

Девушка стала быстро мыться, она терла кожу, пока та не покраснела. Волосы облепили плечи, словно мокрые веревки, кожа блестела от сверкавших на солнце капель.

Крик, донесшийся с берега, заставил Стужу обернуться. Она улыбнулась. Другие люди могли принять его за конское ржание, но она-то знала правду.

Ашур наблюдал за ней с берега.

— Иди сюда, трусишка! — позвала его Стужа.

Единорог мотнул головой и стал спускаться к реке, вошел по колено в воду и начал осторожно пить. Его густая грива плавала на поверхности. Дальше он решил не заходить.

— Трусишка! — повторила она и обдала его фонтаном брызг. Животное посторонилось, затем встало на прежнее место и спокойно продолжило пить.

Стужа с улыбкой смотрела на него, девушку переполняли гордость и восхищение. Она почти приблизилась к Ашуру, когда его рог погрузился в воду и взмыл вверх. Но это была жалкая попытка обрызгать ее — на Стужу попало лишь несколько капель.

— Если это все, на что годится твой рог, давай лучше спилим его и сделаем из тебя обыкновенного жеребца, — поддразнивала она своего друга. — А может, лучше мерина. Как тебе такая перспектива?

Ашур радостно вскинул голову, когда хозяйка подошла к нему.

— Как бы тебе это понравилось? — Стужа протянула руку, чтобы обнять Ашура за шею, но единорог сделал шаг в сторону и внезапно мотнул головой, так что шлепнул Стужу своей мокрой гривой.

Она отскочила с открытым ртом.

— Ты у меня за это получишь! — воскликнула она. Но Ашур тут же выскочил на берег и скрылся из виду. — Раньше или позже, — добавила она смеясь.

Стужа вышла из воды, стряхнула песок с одежды и натянула ее прямо на мокрое тело. К ее возвращению Трас Суртиан уже начистил до блеска оба меча. Теперь он полировал их масляной ветошью, в его работе чувствовалось уважение к хорошему оружию. Он взвесил меч Стужи в руке. Сталь сверкала на солнце.

— Такой же тяжелый, как и мой, — сказал Трас, одобрительно кивнув.

Стужа нашла в своей седельной сумке кожаный шнурок и подвязала волосы. Диадема с лунным камнем лежала на самом дне. Она достала ее и надела на голову, чтобы длинные волосы не падали на глаза.

— Я тренировалась и с более тяжелым, — ответила девушка, вспоминая долгие ночи в темных подвалах отцовского замка и человека, который был ей не менее дорог, чем самые близкие родичи. — Мой наставник научил меня драться обеими руками — здесь такой

техникой мало кто владеет — и хорошей реакции, которая восполняет недостаток силы. — Она прикусила губу. Теперь ее учитель был мертв. — Незадолго до смерти он выковал для меня этот меч.

Трас Суртиан опустил клинок и посмотрел на нее:

— Ты вот-вот заплачешь.

— Ерунда! — Стужа вымучила улыбку и запрокинула голову. На синем небе не было ни облачка. — Слишком хороший день, чтобы плакать. — Она постаралась отогнать воспоминания, при свете дня это было не так сложно. Если бы она могла с такой же легкостью избавляться и от ночных кошмаров!

Но Трас Суртиан был настойчивым.

— Что случилось с твоим учителем? — продолжал он расспрашивать.

— Я не хочу об этом говорить. — Она повернулась, чтобы уйти, но он схватил ее руку и заставил сесть рядом с ним.

— Я вел себя как старый брюзга, верно? — спросил капитан, сменив тему.

Она озадаченно посмотрела на него, потом улыбнулась, дав понять, что тоже так считает.

— Я боялся, — признался он и приставил палец к ее губам, прежде чем она успела что-нибудь ответить. — Я слишком долго был капитаном дворцовой стражи и боялся, что не гожусь для настоящей битвы. — Трас горько улыбнулся. — Может, это и правда, ничего ведь еще не доказано. Я стар. Я могу очистить от ржавчины меч, но не свои кости.

Обняв колени, Стужа уперлась в них подбородком.

— Ты стоишь десяти, — уверила она своего друга.

— Ты просто льстишь мне, — ответил он. — Правда в том, что я не знаю, на что теперь годен. Но этим утром я, наконец, решил отложить свой страх. — Трас указал на свои вещи. — Он лежит там, вместе с моими доспехами.

Трас замолчал, не мигая глядя в одну точку. Стужа облизала губы:

— Ты пытаешься мне что-то сказать?

— Сбрось свои доспехи и ты, — кивнул он.

Девушка поняла, что Трас имеет в виду. Стужа хотела кому-нибудь открыться. Она чуть не поделилась своей тайной с Кимоном, но не смогла. Почему не с Трасом Суртианом?! Старый вояка всегда был добр, называл ее другом и присматривал за ней как отец. Он и правда во многом напоминал ей отца, даже внешне.

Стужа распахнула дверь своим воспоминаниям, выпуская их одно за другим. Каждое причиняло страдания, вызывало чувство вины. Их невозможно было спокойно оценить. Они набросились на нее, образы из ее ночных кошмаров, видения, которые преследовали девушку каждую секунду. Стужа пыталась их контролировать, но сегодня это было выше сил, тогда она попробовала прогнать их, как делала раньше. Однако на этот раз они не рассеивались. Стужу начала бить дрожь, воздух уже не казался ей теплым.

Сможет ли она когда-нибудь рассказать о них? Сможет ли описать свои видения и кошмары? Или язык сгниет у нее во рту и вывалится прежде, чем она найдет нужные слова?

Трас не сводил с нее глаз. Она видела в них понимание и любовь. Она знала, что может доверить ему даже больше, чем Кимону, который любил ее по неведению, не предполагая, что она совершила в прошлом! Он сбежит от нее, узнав правду. Стужа снова вздрогнула. В висках пульсировала кровь, сердце бешено колотилось.

Трас был с ней откровенен. Он признался, что ему было страшно. Если она не откроет ему своей тайны, это будет нечестно. Несмотря на свое прошлое, Стужа обрела в Коркире дом, тепло и друзей и не хотела потерять их. Внезапно собственная тайна показалась Стуже непреодолимой стеной, отделяющей ее от всего, что было девушке дорого.

Трас скинул доспехи и предложил ей сделать то же самое. Стуже было стыдно за то, что она дрожит и Трас видит это.

— Что еще ты знаешь обо мне? — она ненавидела себя за плаксивую интонацию. Но слова вырвались сами собой. Она стала грызть ноготь. Может, Трас промолчит и беседа

прервется сама собой.

— Ты называешь себя Стужей, — ответил он. — Но твое имя Самидар. Ты приехала из Эсгарии. Ты благородного происхождения.

Она испуганно посмотрела на него:

— Откуда ты все это узнал?

— Старуха назвала тебя по имени. Твой акцент выдает, откуда ты родом, и ты владеешь многими языками. Простолюдины не получают такого образования. К тому же ты упомянула учителя боевых искусств, следовательно, можно предположить, что у твоего отца был собственный гарнизон, как у многих знатных людей в Эсгарии.

Стужа облизала пересохшие губы:

— Что еще тебе известно?

— Ты покинула родину. — Трас приготовился загибать пальцы. — Ты ведьма или была ей. У тебя есть бесчисленное количество врагов, которые подсылают к тебе наемных убийц. — Он перечислил очевидные факты и затем загнул еще один палец. — И мне кажется, я знаю, что мучает тебя по ночам. — Старый капитан говорил медленно, словно спрашивая разрешения продолжить.

Она обхватила себя руками, ее обуял ужас. Мог ли он все знать? Что именно было известно тем, с кем она провела столько времени? О чем догадывалась Аки? Ее советники? Солдаты дворцовой стражи?

Трас Суртиан принял молчание девушки за согласие. Он сглотнул и продолжил:

— Ты убила своих близких. Или стала причиной их гибели.

Стужа вскочила на ноги, потянулась к рукояти меча, которого не было. Кровь стучала в ушах, глаза затуманились. Она не могла сделать вдох. Трас поймал ее руку, но девушка освободилась и с ужасом уставилась на человека, произнесшего ее имя, на обвинителя, которому была известна ее самая страшная тайна.

— Нет! — вырвалось у Стужи из груди. У нее начиналась истерика. Девушка боролась с собой, пытаясь взять себя в руки, но битва, казалось, была проиграна. — Как ты узнал?

— Это не секрет, Самидар, — тихо сказал он. — И никогда не было секретом для тех, кто знал, что ты из Эсгарии и кому известны обычаи твоей страны. — Он спокойно выдержал ее взгляд. — Законы Эсгарии запрещают женщине прикасаться к мужскому оружию, и если она это сделает, близкие должны покарать ее смертью. Что-то ужасное, темное мучило тебя с первого дня, как ты стала служить в войсках Коркиры. Я видел это в твоих глазах, солдаты в казармах слышали по ночам твои крики, способные разбудить и мертвецов. Только повинувшись приказу Аки, мы позволили тебе спать в ее спальне, когда она назначила тебя своим телохранителем. — Трас некоторое время колебался, перед тем как продолжить. — Я видел, как ты владеешь мечом, женщина. Твоя техника необычна и совершенна. Тебя было бы непросто убить, ты умеешь постоять за себя. — Он оглядел Стужу с ног до головы. — Это был твой отец?

Ледяной холод пополз по спине девушки. Она стояла не шевелясь, дрожа всем телом, перед ее мысленным взором проплывали видения. Голоса звали ее, обвиняя, мерзкие голоса, выкрикивавшие проклятия. Она не могла заставить их замолчать. На этот раз они поднялись, чтобы заклеить ее. Позволить мертвым забрать ее — и покончить с этим!

Но Стужа знала, что не умрет. Видения не убивают, они просто мучают, преследуют, сводят с ума.

— Вначале мой брат. — Слова полились сами собой. Девушка уже не могла остановиться. — Он увидел, как я тренируюсь в подвале, и попытался убить меня. По закону он имел на это право. Мы никогда не любили друг друга. Я не почувствовала раскаяния, когда мой меч вошел ему под ребра и пронзил его завистливое сердце. — Перед мысленным взором Стужи пронеслась эта сцена: она стоит в мрачных катакомбах замка над телом брата, с меча стекает кровь, запачкавшая ее рукав. — На шум прибежал мой отец. Потом и мать. — Стужа закрыла глаза, видение не исчезало. Ее голос звучал монотонно, без эмоций. Она больше не сопротивлялась. — Я была любимым ребенком своего отца. Я должна была склонить

голову под его мечом и не пытаться защищаться, ведь я любила его. — Она потеряла сухие глаза. — Он не мог нарушить закон, не мог не отомстить за сына, не мог не убить свою дочь. Потому от стыда или от горя он бросился на свой меч на моих глазах. Горе матери было безысходным. Я помню боль и ненависть в ее глазах, когда она проклинала меня. Я лишила ее сына и мужа. Она же лишила меня силы ведьмы и имени.

— Твоя мать тоже была ведьмой? — перебил девушку Трас Суртиан.

— Колдуньей, — уточнила Стужа. — Самой могущественной в стране, где только женщины обучаются магическим искусствам.

— И потом ты убежала.

Первые слезы потекли по ее щекам.

— Нет, был еще один, — ответила она. — Мой учитель. Он тренировал меня втайне, нарушая закон, потому что любил меня и потому, что я хотела учиться. Но он был и другом моего отца. Он винил во всем себя. — Стужа опустила на колени. Слезы теперь свободно текли по ее лицу. Тело сотрясало от рыданий. — Я не хотела драться с ним! Я пыталась избежать этого. Но он не отступал, и что-то нашло на меня тогда!

Она бросилась в объятия Траса Суртиана. Прижалась лицом к его груди. Старик крепко держал ее, гладил по волосам и тунике.

— Это воля к жизни, — сказал он. — Мы все хотим жить.

— Для меня это была просто игра, как спорт, чтобы скоротать время! — всхлипывала Стужа. — Я никого не собиралась убивать!

Трас ничего не ответил, лишь крепче сжал девушку в своих объятиях.

Наконец ее плач стих. Стужа вытерла лицо. В том месте, где когда-то гнездились ее кошмары, теперь образовалась пустота.

— Прости, — едва слышно пробормотала она.

— Мы все иногда плачем, — сказал Трас Суртиан. — Слезы такая же наша часть, как и кровь.

— Даже у старых солдат? — спросила она, заставив себя улыбнуться.

— Особенно у старых солдат.

Девушка обняла капитана за шею и положила голову ему на плечо — так она обычно обнимала отца.

— Думаю, доспехи сняты, — прошептала она.

— Я тоже так думаю, — согласился Трас. — А теперь лучше отойди от меня. Если Кимон ревнивец, у него может сложиться неправильное впечатление о нас с тобой.

Трас указал куда-то вдаль, и вскоре Стужа увидела скачущего прямо к ним Кимона. К спине его лошади был привязан большущий мешок. Туника юноши была распахнута до пояса, ветер развеивал темные волосы. Стужа почувствовала внезапный прилив тепла; озноб, сопровождавший ее исповедь, прекратился. Она была рада видеть Кимона.

— Еда! — радостно воскликнул юноша, кидая ей сумку. — Сыр, колбаса, хлеб и вино.

— Ты нашел деревню? — спросил Трас Суртиан.

— Ферму, — ответил Кимон. — Хозяин просто обогатился на нас, он получил вдвое больше, чем все это стоит, но я был голоден, поэтому не торговался. Вот только не нашел сушеных фруктов.

— Какая жалость, — со смехом сказала Стужа. Развязав мешок, она достала из него большую сырную голову. — Стреножь лошадь, но не расседывай. Займемся этим, когда поедем.

Кимон спрыгнул на землю, пока она раскладывала содержимое мешка на плаще Траса Суртиана. Стреножив лошадь, юноша подсел к ней и нахмурился:

— Ты плакала.

Стужа посмотрела на Траса Суртиана, потом перевела взгляд на Кимона.

— Не будем сейчас об этом говорить, — ответила она. — Когда-нибудь я все тебе расскажу.

Кимон выпрямился и посмотрел сначала на Траса, затем на Стужу.

— Я обещаю, — добавила девушка, сжав его руку. — А теперь садись. Ты можешь нарезать сыр. А ты, Трас, нарежь колбасу.

Еда еще никогда не казалась такой вкусной. Они ели с наслаждением, облизывая пальцы. В конце трапезы осталось лишь немного хлеба да маленький кусок сыра. Кувшин вина, разделенный на троих, быстро опустел. Трас откинулся на спину, поглаживая живот.

— Этому фермеру неплохо заплатили, лучшие повара в Марашаи позавидовали бы ему, — сообщил Трас Суртиан.

— Тогда, может, ты покроешь часть моих расходов, раз поделил со мной трапезу, — усмехнулся Кимон.

Коркирец бросил ему воображаемую монетку. Кимон сделал вид, что поймал ее, и сунул в карман.

— Премного благодарен, — сказал он, и Трас кивнул.

— А вы, леди, — добавил Кимон, поворачиваясь к Стуже. — Чем вы заплатите?

— А чего бы вы хотели? — подмигнула она.

Кимон потер подбородок:

— Давай прогуляемся по берегу и обсудим это.

Стужа засмеялась и встала:

— Придется отложить нашу прогулку на другой раз, сейчас нам пора трогаться в путь.

— Но еще не стемнело, — запротестовал Кимон.

— Не важно, — ответила девушка, погладив его по щеке. — Мы можем пересечь Эндимию еще до наступления ночи. Мы направляемся в Кефалению, до границы можно добраться и без путеводной звезды.

— Но...

Она подняла указательный палец:

— Никаких но... и никакой платы.

Трас Суртиан поднялся, взял седло, перекинул его через плечо.

— Лучше сразу сдавайся, приятель, — посоветовал он. — Еще никому не удавалось ее переспорить. — Его лошадь паслась в некотором отдалении, и Трас направился к ней.

Стуже не нужно было искать Ашура, она просто приставила руки ко рту и позвала. В ту же секунду она услышала крик единорога. Он скакал к ней во весь опор, сверкая глазами и разрезая воздух черным рогом.

— Отличная лошадь, — восхищенно произнес Кимон. — Никогда не видел ничего подобного.

«Это уж точно», — подумала Стужа, улыбнувшись про себя. Она взяла Кимона за руки. Он тоже был особенным, она не встречала никого похожего.

— Посмотри на Ашура внимательно и скажи, что ты видишь.

Юноша удивленно пожал плечами.

— Красивый, сильный конь, — ответил он. — Резвый, хорошо выезженный...

Стужа вздохнула. Ашур остановился рядом с ней, взрывая копытами землю. Грива была спутана, и Стужа попыталась расчесать ее. Затем погладила единорога по широкому лбу, между красивых сверкающих глаз. Пламя коснулось ее кожи, но не обожгло, потому что было холодным.

Если бы только Кимон мог видеть его истинное обличие и знать, что за дивное создание был на самом деле Ашур! Конь! Это все равно, что сравнить звезды с тлеющими угольками в потухшем очаге.

Глава 8

К полуночи они подъехали к опушке большого леса. Луна освещала дорогу и верхушки деревьев, шумели листья. Из темной чаши доносился стрекот сверчков. Тени путешественников вытянулись далеко перед ними, словно желали поскорее войти в лес.

Вечером поднялся порывистый ветер. Волосы Стужи хлестали ей по лицу. Она плотнее завернулась в плащ и взглянул: на небо. Зеленая звезда, казалось, изменила свое местоположение, хотя Стужа и не видела, как она двигалась.

— Но дорога ведет туда, — запротестовал Кимон, когда тоже заметил перемещение. Они остановили лошадей. Ветер пронзительно завывал вокруг.

— Поедем по дороге, — наконец решила Стужа. — Я не собираюсь лезть в эту чащобу в темноте. Только боги знают, что мы там обнаружим.

— Или что обнаружит нас, — добавил Трас Суртиан.

— Может, стоит подождать до утра? — предложил Кимон. Девушка пришпорила Ашура.

— Нет, — ответила она. — Если я правильно помню карты, этот лес разделяет Эндимию и Кефалению.

— Да, что-то вроде ничьей земли, — кивнул Трас. — По старинному соглашению, она не относится ни к одной провинции. С каждым годом этот лес разрастается все больше и больше.

— Лес наступает на окрестные земли, — заметил Кимон. — Рано или поздно это все равно приведет к войне.

— В Коркире не бывает внутренних конфликтов, — убежденно ответил Трас Суртиан. Кимон вздохнул:

— А когда родич убивает родича в борьбе за трон, это как назвать?

Стужа вмешалась в разговор, пока не завязался спор. Настроение Траса заметно улучшилось после их полуденного разговора. Но острый язык Кимона мог задеть ее старого друга за живое и заставить снова уйти в себя. Она больше не хотела никаких ссор.

— У этого места есть название, — сказала девушка. — Но я не могу его вспомнить.

Трас Суртиан не стал отвечать на колкость Кимона. Он подумал и сказал:

— Келлвуд, если мне не изменяет память.

Ветер продолжал стонать в ветвях деревьев, развевая плащи всадников. Деревья сгибались под его порывами, листва напоминала бушующее море. В свете низко висевшей на западе луны деревья отбрасывали причудливые тени, которые, казалось, тянут к путникам узловатые пальцы. Молодые деревья и кусты поднимались из земли, словно руки. Огромные, поросшие мхом стволы казались изогнутыми конечностями.

Лошадь Кимона жалобно заржала и рванулась в сторону.

— Проклятье!

Стужа натянула поводья и обернулась в седле, наполовину вытащив меч из ножен.

— Что случилось? — спросила она тревожным шепотом.

— Ничего, — спокойно ответил Трас Суртиан. — Плащ зацепился за ежевичные кусты,

а я подумал, что меня кто-то схватил!

Девушка услышала треск рвущейся материи, когда Трас пришпорил лошадь.

Они двинулись дальше. Стрекот насекомых то и дело заглушали порывы ветра, шумевшего в ветвях у них над головами. Стужа стряхнула с шеи что-то шуршащее — сухой лист. Сверху на нее уставились горящие глаза совы, но птица сидела тихо. Лунные лучи пробились сквозь густой шатер листвы и осветили узкую дорогу и заросли по обе стороны от нее. Стужа заметила полянку лесных цветов, пробежавшего ночного грызуна, Змею, переползавшую через дорогу.

Только зеленая звезда, казалось, сохранила цвет в этом серо-черном ночном мире. Каким-то непостижимым образом, даже за деревьями, она никогда надолго не исчезала из виду, словно настойчиво призывала путников вернуться на указанный маршрут.

Но Стужа и не собиралась пробираться через чащобу в кромешной темноте. Она упорно ехала по дороге, так как была убеждена, что выбрала наиболее безопасный путь. Переплетение ветвей у них над головами стало еще гуще, почти закрыв небо. Затем дорога сделала неожиданный поворот, деревья расступились, звезда снова была ясно видна; ярко сияя, она звала их следовать за собой.

— Мне было бы спокойнее, если бы я знал, что это, черт возьми, такое, — сказал Кимон.

— И куда оно нас ведет. — Трас плотнее завернулся в плащ.

Стужа молчала. Гадать не имело смысла. У нее были кое-какие подозрения насчет таинственного существа, которое направляло их, но Трас Суртиан, как и большинство коркирцев, испытывал перед всем сверхъестественным суеверный страх.

И все же одно она знала точно. Существо внутри огненной сферы не было ни волшебником, ни колдуном, ни ведьмой. Оно обладало куда большим могуществом. Раньше Стуже уже приходилось иметь дело с богами, и она знала, что высшим богам поклоняются низшие боги, существует строгая иерархия. Вероятно, это существо было богом. Но она не могла понять его целей.

Он утверждал, что может привести их к Аки. Этого было достаточно, чтобы Стужа последовала за ним, но недостаточно, чтобы она ему доверяла. Все встанет на свои места, когда будет названа плата.

От долгой езды спина Стужи начинала болеть. Девушка откинулась в седле, стараясь выпрямиться:

— Трас, как далеко мы заехали?

Седло капитана скрипнуло, когда он переместил свой вес.

— Не знаю, — признался Трас. — В этой чертовой темноте кажется, будто лес тянется бесконечно. Но надеюсь, мы должны скоро выехать отсюда.

Стужа задержала дыхание, когда что-то пристало к ее лицу. Это оказалась свисавшая с ветки паутина. Девушка с омерзением стряхнула ее, ругаясь про себя и дрожа. Даже уверившись, что она стряхнула с себя последние нити, Стужа продолжала тереть лицо. — Проклятье! — Девушку не покидало ощущение, что паутина все еще облепляет лоб и щеки. Стужа знала, что это нервы, но ничего не могла с собой поделать, ей чудилось, будто кто-то ползает по ее коже, и она то и дело терла шею.

— Исчезла!

Стужа, встревоженная криком Кимона, стала оглядываться по сторонам и не заметила низко росшую над дорогой ветку, которая хлестнула ее по лицу, вызвав еще один поток проклятий.

— Что...

И тут она увидела.

Зеленой звезды простыл и след. Она исчезла с небосвода. Другие звезды по-прежнему загадочно подмигивали ей с черного бархата.

Всадники снова остановились.

— Что это значит? — спросил Кимон.

Стужа закусил губу.

— Существо внутри сферы обещало привести нас к Аки, — сказала она Кимону. Стужа всмотрелась в темноту. — А здесь я ее не вижу. Едем дальше.

— Может, звезда еще появится, — предположил Трас Суртиан.

Стужа прищипорила Ашура. Ей хотелось как можно скорее выбраться из леса. Деревья давили на нее с обеих сторон, словно стены в тесной комнатке. Аромат сырости и лесных цветов дурманил, в ушах звенел стрекот невидимых насекомых и шум листвы. Волоски на шее вставали дыбом. Ей хотелось дневного света.

— Думаю, нам стоит подождать, — настаивал Трас Суртиан.

— Ждите, если хотите, — ответила она. — Дорога ясно видна, встретимся на опушке леса.

Оба мужчины последовали за ней.

— С тобой все в порядке? — встревожено спросил Кимон, когда их кони поравнялись.

Она вымученно улыбнулась, но улыбка вскоре исчезла с ее лица.

— Я никогда раньше не боялась леса, — ответила она. — Боги свидетели, в Эсгарии леса еще больше. Но от этого места у меня мурашки бегут по коже.

Он посмотрел по сторонам и согласился:

— Я тебя понимаю.

Исчезновение зеленой звезды очень удивило и обеспокоило Стужу.

Езда по извилистой дороге заняла больше времени, чем они предполагали. Может, звезда пыталась указать им короткий путь и в конце концов отступилась? Или они доехали до того места, куда она вела их? Ответы, Стуже нужны были ответы. Но вместо них девушка слышала лишь пение насекомых да шум листьев.

Наконец лес начал редеть. Старые деревья уступили место молодой поросли, которую затем сменил кустарник. Когда путники выехали из леса и Келлвуд превратился лишь в тень у них за спинами, у Стужи вырвался вздох облегчения.

— Теперь лучше? — спросил Кимон.

Стужа видела его улыбку.

— Намного, — честно призналась она.

Трас Суртиан устало слез с коня.

— Пусть лошади отдохнут, — сказал он, наматывая поводья на руку. Стужа и Кимон тоже спешили. Ашуру, может быть, отдых был и не нужен. Но ноги Стужи затекли и ужасно ныли, так что нелишне было размяться.

Девушка напряженно всматривалась в темноту. Перед ними лежала обширная равнина. Лишь несколько звездочек сияло над горизонтом, позволяя различить границу земли и неба.

— Мы можем разбить лагерь, — предложил Трас Суртиан. — Луна уже зашла, до рассвета осталось всего несколько часов.

Кимон изучал ночное небо:

— Интересно, куда подевалась наша звезда?

— Меня не столько удивляет куда, сколько почему, — сказала Стужа. — Звезда должна была оставаться видимой до восхода. — Стужа еще раз обвела взглядом небосвод, пожала плечами и пошла рядом с Ашуром. Она продолжала двигаться вперед, пока ходьба, наконец, не успокоила ее.

Внезапно Кимон выкрикнул:

— Посмотри!

Новое светило быстро поднималось над горизонтом — ярко-красная звезда, такая же великолепная и таинственная, как и зеленая.

— Она движется прямо на нас! — воскликнул Трас Суртиан. Его лошадь испугалась. Трас обеими руками схватился за поводья, лошадь стала рыть копытами землю, заржала и поднялась на дыбы. Конь Кимона тоже встревожился. Даже Ашур начал храпеть. Огонь, который излучали его глаза, стал особенно ярким.

Алое сияние осветило землю. Стужа вытащила меч, пытаясь справиться со своим

страхом. Кимон и Трас Суртиан тоже схватились за оружие. Ночная тень рассеялась, землю залило кровавое зарево. Стужа сжала зубы и обхватила себя руками, глядя на горящее ядро. Внезапно ей пришла в голову идея. Она дернула за веревки своего кошелька.

Шар вспыхнул еще ярче, ослепив ее. Стужа услышала краткий вскрик своих товарищей и звук падающих тел. Теперь только она продолжала бороться. Вдруг одно колено девушки подогнулось, и она упала. Меч отлетел в сторону. Однако рука была уже в кошельке.

Стужа коснулись подаренного Уной рубина.

Новая вспышка света словно ударила ее, Стужа закричала от боли. Казалось, что в плоть вонзаются тысячи иголок, а кости сжигает неведомый внутренний жар. Но он не убил ее. Туман, застилавший ей глаза, начал рассеиваться. Стужа ясно увидела, что все небо превратилось в один сплошной сияющий огненный шар. Девушка чувствовала его губительную силу, сознательно направленную против нее. Если она не сможет пошевелить пальцами, эта сила ее раздавит.

Стужа сунула руку глубже в кошелек. Сколько денег! Она зажала содержимое в кулаке и вытащила наружу. Посыпались золотые и серебряные монеты, но камень остался в руке!

И вот кулак Стужи тоже начал излучать алое сияние. Стали отчетливо видны вены и кости девушки. В первую секунду Стужа решила, то это влияние огненного шара, но тело не ломилось от боли, а жар постепенно спал.

Вновь сверкнула вспышка. Стужа инстинктивно вытянула вперед руку. К ее изумлению, луч задрожал, разделился и потух, так и не коснувшись ее. Огненный шар атаковал снова, затем в третий раз — с таким же результатом.

— Убирайся! — приказала Стужа, держа перед собой кулак, словно щит, и сама поразилась громкости своего голоса. — Отправляйся обратно в ад и оставь нас! — Она огляделась в поисках своих друзей. Трас и Кимон лежали на земле бок о бок, точно мертвые, но Стужа все же надеялась, что они живы. По-прежнему держа кулак между собой и огненным шаром, она поползла к ним. Кимон был физически слабее Траса Суртиана. Девушка схватила его за плечо свободной рукой и подтащила поближе к капитану. Лица Траса и Кимона были перекошены от боли, их глаза, полные ужаса, смотрели вдаль. Стужа встала между ними на колени и подняла руку с камнем выше.

— Боги предадут тебя проклятию, — выкрикнула она. — Убирайся!

Огненный шар медленно поднялся в небо. Затем завис, словно в нерешительности, и поплыл в том же направлении, откуда прилетел, вспыхнув в последний раз, но эта вспышка была уже неопасна. Стужа не спускала с шара глаз, пока тот не скрылся из виду.

Алая аура, образовавшаяся вокруг ее руки, стала бледнеть, а затем и вовсе исчезла.

Девушка нагнулась над Кимоном. Ночь снова окутала все в черный цвет, но Стужа видела, каким мертвенно-бледным было лицо юноши. Она попыталась закрыть ему глаза, но веки не слушались ее пальцев. Его плоть была холодной, он словно окоченел. С Трасом Суртианом случилось то же самое. Никогда коркирец не увидит снова свою маленькую королеву.

Стужа обвила руками неподвижное тело Кимона, прижала его к себе и внезапно ощутила в душе пустоту. Одна, опять одна, после такой короткой, но такой сладкой близости. «Спой для меня, — взмолилась она, глядя пальцами его холодные губы. — Мне так хочется послушать, как ты поешь». Но его глаза, в которых застыл ужас, даже не моргнули. «Обними меня, — просила она. — Пожалуйста, обними». Но его руки висели, словно плети.

Стужа вытянулась рядом с ним, прижалась губами к его губам. Горячие слезы потекли по ее щекам, окропляя мраморное лицо юноши. «Не плакать, — приказала она себе. — Никогда не плакать». Но она не могла сдержать своего горя.

Внезапно губы Кимона дрогнули. Девушка зажмурилась, не веря своим глазам. Тело возлюбленного было по-прежнему холодным и безжизненным. Но вот губы юноши дрогнули снова, показался кончик языка, слизнувший ее слезинку. Рука Кимона сжала бедро Стужи. Вот юноша увидел Стужу, маска ужаса на его лице сменилась слабой улыбкой.

Стужа отшатнулась. Кимон был мертв, она знала это наверняка. Кем, как не демоном, пришедшим, чтобы погубить ее, может быть это существо внутри его тела? Однако вместо того чтобы угрожать, этот демон в облике Кимона просто лежал на земле, не в силах подняться. Только его глаза следили за девушкой. Но чьи это были глаза? Кимона?..

— Кимон?

Юноша моргнул в ответ, у него не хватало сил говорить. Стужа опустилась на колени рядом с ним, потрогав его лицо. Кожа начала теплеть. Стужа приподняла его голову с земли, поцеловала юношу в глаза и прижала к своей груди, шепча благодарственные молитвы всем богам.

Тут Стужа вспомнила о Трасе Суртиане. Старый коркирец оставался недвижим. Но почему? Почему Кимон жив, а Трас мертв? Почему? Кимон воскрес не благодаря богам. Стужа стала мысленно прокручивать все свои действия.

Вначале шевельнулись губы Кимона, увлажненные ее слезами. Он слизнул соленую жидкость. Могло ли это помочь? Ее друзей убило волшебство, но Стужа никогда не слышала, что человеческие слезы имеют какую-то колдовскую силу.

Однако размышлять было некогда. Стужа больше не плакала, так счастлива она была, что Кимон воскрес. Девушка потрогала свои щеки, они все еще были мокрыми, затем приложила кончики пальцев к губам Траса Суртиана. Время шло, но ни чего не происходило — она начала бояться, что ее догадки оказались неверными. Стужа подняла Кимона, из которого словно вся сила ушла, и стала качать его у себя на коленях. Баюкая его, словно ребенка, она наблюдала за вторым другом, молясь и выжидая.

Заметив неподалеку свой меч, Стужа потянулась, чтобы взять его. Несмотря на то что меч был бессилен против колдовства, она все же положила его на грудь Кимону так она чувствовала себя увереннее.

Трас Суртиан очнулся внезапно, просто повернул голову и встретился с девушкой глазами. Он ничего не говорил. Как и Кимон, Трас был совершенно обессилен. Стужа переменила положение, так что могла держать за руки обоих мужчин. Ей хотелось влить в них тепло собственного тела.

Она просидела так до самого рассвета. С первыми лучами солнца Трас с Кимоном смогли произнести первые слова. Казалось, солнце вернуло им жизненную энергию. Чем светлее становилось, тем больше набирались они сил. Когда солнечный свет залил вершины холмов, друзья Стужи уже смогли подняться на ноги.

Стужа нежно обняла Кимона, положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Кимон обнял ее в ответ. Пустота, которую она ощутила, когда решила, что юноша мертв, исчезла. На глаза Стуже навернулись слезы. Но она сдержала их. Теперь нужно было радоваться, а не плакать.

— Я думал, что умер, — прошептал Кимон. — Я и вправду был мертв. — Он смотрел Стуже в глаза, пытаясь найти в них ответы.

— Ничего, — ласково утешала его она. — Не думай об этом, — Девушка высвободилась из его объятий, подошла к Трасу Суртиану и тронула капитана за рукав. — Как ты, Трас?

Тот отошел в сторону, увидел в траве свой меч и сунул его в ножны. Внезапно он задрожал:

— Я не знаю... я не могу. — Он закрыл руками лицо. — Я был... в аду!

Стужа обняла друга за плечи.

— Все в порядке, — убеждала она его. — Ты не должен об этом говорить.

— Но я хочу! — воскликнул Кимон. На его лице застыла маска изумления и ужаса. — Я был мертв, а сейчас снова жив!

Стужа жестом заставила его замолчать.

— Перестань! — строго сказала она. — Ничего больше не говори! Это могла быть какая-то иллюзия. Трас не хочет об этом рассказывать, и тебе не советую. Если же это было не видение, а настоящий ад, тем более молчи. Никому не стоит знать, что там, раньше срока.

Мы все будем там, и довольно скоро.

Трас Суртиан высвободился, когда она хотела взять его за руку. Стужа чувствовала замешательство в душе старого друга. Его коркирский бог ничего не говорил об аде, он обещал хорошим людям рай, а всем остальным забвение. Вера капитана была поколеблена.

— Пойду, поищу лошадей, — сказал он. — Твой-то зверь не убежал, — указал он на Ашура. — Хотел бы я, чтобы и наши лошади были такими же бесстрашными.

Когда старый капитан ушел, Кимон положил руки девушке на плечи. Она прижалась к нему, с радостью ощущая его тепло.

— Спасибо тебе, — пробормотал юноша. — Он уткнулся носом ей в ухо, и Стужа ощутила на своей шее его дыхание. Она посмотрела на далекий горизонт, на синее утреннее небо, по которому плыл золотой солнечный шар.

Они не знали, где искать Онократоса. Но Онократос нашел их. Он не мог напасть на них сам; ей не верилось, чтобы смертный обладал такой силой. Вероятно, один из его прислужников — могущественный демон, которым он управляет. Если этот колдун может повелевать такими созданиями, Стуже и ее спутникам не на что рассчитывать!

— Что это? — спросил Кимон, подмяв правую руку девушки.

Стужа сжимала камень всю ночь, и он словно прирос к ее ладони, так что она успела о нем забыть. Стужа разжала пальцы и показала Кимону камень.

— Прощальный подарок Уны, — произнес он, узнав драгоценность. — Старуха сказала, что рубин защитит тебя. — Лицо юноши снова помрачнело. — Я же умер. Ничего не могу понять.

Стужа задержала дыхание и закусил губу. Она и сама ничего не понимала. И хотя когда-то была ведьмой и имела дело с таинственными вещами, ночная схватка потрясла и напугала Стужу, больше, чем она хотела признать.

— Ты можешь не продолжать поиски. — Голос Стужи прозвучал словно откуда-то издалека. — Ты ничем не обязан Аки.

Кимон запустил руку в волосы девушки, откинул назад ее голову. Его губы коснулись губ Стужи. Когда поцелуй закончился, Кимон отстранил девушку на длину вытянутых рук и удивительно нежно посмотрел на подругу. Затем снова прижал к себе.

— Я никогда тебя не оставлю, Самидар. Я ведь тебя люблю.

Он прижал ее голову к своему плечу, ставшему для Стужи таким знакомым и уютным. Девушка знала, что должна ответить, но не могла говорить. Слова просто застревали в горле. Стужа обняла Кимона, дав тем самым вместо себя ответить своему телу. Может, любимый поймет ее без слов.

— Стужа! — раздался голос Траса Суртиана.

Девушка легонько оттолкнула Кимона. Она не слышала, как подошел Трас.

— Что у тебя за конь? — Старик, не обращая внимания на объятия влюбленных, указывал на единорога. Ашур брел за ним следом и вел пропавших лошадей. — Я с ног сбил, разыскивая эти бесполезные мешки с сеном, но их и след простыл. Я уже успел было отчаяться. Вдруг смотрю, он ведет их, ну прямо пастух!

Ашур издал необычный высокий крик.

Стужа не могла сдержать улыбки. Даже крик единорога ее друзья принимали за обычное конское ржание.

— Он особенный, — гордо ответила девушка, откинув назад несколько прядей, выбившихся из узла, в который она завязала волосы. «Это место потеряло свою колдовскую силу», — решила Стужа, в последний раз осмотревшись. — Давайте выбираться отсюда.

Далеко они не уехали. К полудню всадники добрались до высокой каменистой гряды. Зеленая трава превратилась в сухие редкие кусты. А черная плодородная почва сменилась песком. По обе стороны дороги попадались сухие низкорослые деревья.

У подножия гряды виднелась древняя усадьба. За ней тянулись поля, на которых там и сям можно было разглядеть навесы, служившие когда-то зернохранилищами. Крыши у многих из них провалились, стены были в дырах. Среди полуразрушенных построек

возвышался двухэтажный хозяйский дом из серого камня, с двумя флигелями, очевидно, пристроенными позже, без всякой предварительной планировки.

Стужа начала спускаться по длинному склону, опасаясь увидеть в этих развалинах признаки жизни. Кимон и Трас Суртиан ехали по обе стороны от нее, осторожно направляя лошадей по изъеденной эрозией почве. Трас, тревожно оглядываясь, нервно сжимал рукоять меча.

Они проехали мимо заросшей пыльной травой изгороди. Доски скрипнули, одна, не удержавшись на ржавом гвозде, упала на землю. Путники замерли, сердцебиение у всех участилось, пока они не поняли, что это рухнуло всего-навсего утыканное гвоздями бревно. Дорога вела через поля прямо к главным воротам усадьбы, окруженной каменной стеной. Стена была покрыта зеленым мхом и лишайниками, вокруг гудели пчелы, устроившие в трещинах свои ульи. Ворота висели на ржавых петлях, дубовые створы потрескались от времени и непогоды.

Дороги дальше не было. Стужа спешила.

— Кажется, усадьба заброшена, — произнес Трас Суртиан скорее с надеждой, чем с уверенностью.

Стужа не ответила. Что-то в этом месте угнетало ее, требовало тишины. Может, древность. Девушка пошла вперед, стараясь ступать как можно тише по усыпанной гравием дорожке. Зеленая звезда указывала им дорогу, которая вела именно к этой двери. Стужа не могла отделаться от этой мысли. Однако в усадьбе не наблюдалось никаких признаков жизни, скорее всего дом пустовал уже много лет.

Главная дверь была высокой, покрытой замысловатой резьбой, когда-то красиво раскрашенной. От краски остались лишь жалкие ошметки. Стужа потянулась к дверному молотку — медной бычьей голове с продернутым в ноздри кольцом. Заколебавшись, девушка оглянулась на своих товарищей. Кимон остался стоять у ворот. Трас Суртиан подъехал к закрытому ставнями окну и попытался заглянуть внутрь сквозь щели.

Стужа подняла молоток, стукнула раз, затем другой. Звук отдался эхом в пустом доме. Она подождала, постучала опять. Наконец она услышала тихий шорох. Может быть, крысы? Зброшенный дом посреди полей должен кишеть грызунами. Она взялась за медное кольцо обеими руками и потянула. Дверь легко отворилась.

Из темноты раздался крик. Из дома вылетела какая-то тень, ударила Стужу в живот, повалила на землю. Когти расцарапали лицо. Стужа подняла руки, чтобы защитить глаза. На нее посыпался град ударов. Кожа была разодрана в кровь. Стужа откатилась в сторону, пытаясь освободиться, но существо не выпускало ее, оно царапалось, таскало девушку за волосы, кусалось. Наконец Стужа не выдержала и закричала.

Внезапно удары прекратились; девушка освободилась от непонятного существа, но его вопли продолжали звенеть у нее в ушах. Кимон нагнулся над Стужей, он был встревожен. Краем плаща он аккуратно стер кровь с ее лица. Она села, ее сердце по-прежнему учащенно билось. Одежда защитила ее от когтей неведомого существа, но мышцы и кости болели от яростных ударов.

Воздух снова огласился криками, шипением и хрипом, становившимися все громче. Она в первый раз взглянула на существо, набросившееся на нее:

— Ребенок, девочка!

Трас Суртиан подмял нападавшую под себя. Острые грязные коленки изо всех сил колотили капитана по спине, но безрезультатно. Девочка осыпала коркирца проклятиями, плевала в него, пока тот пытался схватить обе ее ручки в свой кулак. Ребенок был абсолютно голым. Лицо скрывала копна взлохмаченных темных волос, оставив неприкрытыми маленькие неразвитые груди.

— Адская кошка, если, конечно, они там водятся! — прорычал Трас Суртиан. Пара черных бездонных глаз следила за ним сквозь грязные патлы. Девочка снова плюнула ему в лицо. На этот раз свободной рукой он отвесил ей хорошую оплеуху. От этого она принялась вопить еще громче. — Сумасшедшая маленькая дикарка!

— Она еще ребенок, — напомнила ему Стужа. — Не причини ей вреда!

— Иди, сама держи ее, — рявкнул в ответ Трас Суртиан. — Она чуть не разодрала мне горло, пока я оттаскивал ее от тебя.

— Я сказала — не порань ее. — Стужа опустилась на колени и попыталась погладить потный лобик. Девочка, казалось, успокоилась на какую-то секунду, но затем ее глаза сверкнули бешеной яростью. Стужа отдернула руку как раз вовремя: ей едва удалось избежать укуса. — Они, должно быть, ровесницы с Аки, — заметила Стужа. — А она прехорошенькая, если ее отмыть.

— Что с ней стало? — процедил Трас Суртиан сквозь зубы.

— Как нам быть с девчонкой? — спросил Кимон.

— Вы ничего с ней не сделаете! — громыхнул голос за спинами путников. — Иди сюда, дочка, иди, моя дикарка!

Стужа обернулась, наполовину вытащив меч из ножен. Клинок сверкнул на солнце. Кимон мгновенно выхватил кинжал, висевший у него на поясе. Но прежде чем они успели что-то сказать или сделать, послышались громкий «ох» и смачное ругательство. Трас Суртиан, потянувшись, как и остальные, за оружием, на секунду ослабил хватку и тут же получил удар в пах. Девчонка вывернулась и отбежала в сторону, затем повернулась к ним лицом. Низкий жалобный вой сорвался с ее губ. Затем она кинулась к полю и скрылась в высокой траве.

— Остановите ее! — закричал старик, появившийся в дверном проеме. — Калинда! Вернись! — Но было слишком поздно. Девочка исчезла.

Стужа сунула меч обратно в ножны. Старик не представлял для них угрозы. В его глазах, на частично скрытом седой бородой лице застыла мука, когда он тщетно вглядывался в даль, надеясь увидеть дочь. На ресницах повисли слезы, он в отчаянии заламывал руки.

— Кто вы, господин? — спросила Стужа. — Вы хозяин этого поместья? — Девушка старалась быть вежливой из почтения к его возрасту, к тому же она сочувствовала его горю.

Стужа окинула хозяина усадьбы внимательным взглядом. Его лохмотья едва прикрывали наготу. Если он и в самом деле был владельцем этого дома, значит, старик опустился до самого жалкого состояния. Стужа повторила свой вопрос.

Горе старика сменилось яростью. Его глаза сверкнули, рот искривился в беззвучном проклятии. Он сжал кулаки и занес руку для удара.

— Это ваша вина! — взорвался он, вновь обретя голос. — Она убежала, и в этом виноваты вы! — С поразительной скоростью он бросился к Стуже и впился ей в горло.

Девушка стала задыхаться и ударила старика кулаком в живот. Он охнул, но продолжал душить ее. Однако его хватка ослабла. Стужа ударила его по рукам и отбросила назад. Трас Суртиан подхватил его прежде, чем тот упал, стиснул в своих железных объятиях и приподнял над землей.

Стужа потеряла горло.

— Смотри осторожней с ним, он же старик, — прохрипела она.

Кимон демонстративно вынул кинжал:

— И если он хочет дожить до еще более преклонных лет, он не должен забывать о хороших манерах.

Старик прекратил сопротивление.

— Вы дали Калинде убежать, — гневно сказал он. — С ней может что-нибудь случиться. — Он закрыл глаза и снова открыл их. — Почему бы вам просто не оставить нас в покое! Я не желаю никому из вас зла!

Трас Суртиан слегка тряхнул свою жертву:

— На твоём месте я бы не беспокоился за нас.

Но что-то в выражении лица старика, в его интонации и неожиданном спокойствии насторожило Стужу, так что мурашки поползли у нее по спине.

— Трас...

— Ты такой же сумасшедший, как и твоя чертовка-дочь, добавил коркирец и еще раз

тряхнул старика.

— Я правда никому не хочу причинить вреда! — повторил старик. — Но я должен найти свою дочь. Я не могу позволить вам задержать меня. — Внезапно его глаза закатились, веки сомкнулись. Тело старика напряглось, так что стали отчетливо видны мышцы и вены на его шее и голых руках. Губы приоткрылись, обнажив зубы.

— Что за чертовщина... — начал Кимон.

— Трас, отпусти его, — приказала Стужа.

Глаза старика внезапно открылись. Он прохрипел единственное слово:

— Гел!

Ветер вырвался из недр дома, сорвав деревянную дверь с петель. Ее угол ударил Траса Суртиана по голове. Он застонал и, отпустив своего пленника, рухнул на землю как подкошенный.

Поднялся ураган. Стужа с трудом удерживалась на ногах. Кимон издал крик. Она увидела, как его уносит в поле. Он катился, перекувыркиваясь через голову с раскинутыми руками. Трас Суртиан летел за ним, он все еще был без сознания. Одежда Стужи громко хлопала, казалось, ветер вот-вот сорвет ее. В воздух поднялись пыль, трава и мелкие камешки, которые безжалостно хлестали девушку по лицу. Она подняла руку, чтобы прикрыть глаза. Стужа попыталась сделать шаг назад, но в тот момент, когда она перенесла вес на одну ногу, ветер сбил ее и поволок по земле. Перед закрытыми глазами Стужи проносились яркие блики, воздух со свистом вырывался из легких. Она хотела зацепиться за траву, чтобы удержаться на месте, но тщетно.

Упершись в ограду, Стужа наконец остановилась. Все тело болело, словно ее поколотили. Кто-то тянул ее за руку; голос настойчиво что-то кричал в ухо.

— Вставай, Стужа, — требовал голос. — Еще не все! Вставай! — Голос принадлежал Кимону, но что именно тот говорил? Шум, звеневший в ушах, был слишком громким. Почему он дергает ее за руку, которая и без того страшно болит? Если бы только зрение прояснилось!

Внезапно звон в ушах сменился оглушительным ревом, перекрывшим все прочие звуки. Стужа почувствовала, как сотрясаются ее кости, она знала, что если не поднимется сейчас, то скорее всего не поднимется уже никогда. Кимон сомкнул руки вокруг ее талии и рывком поставил на ноги. Стужа снова чуть не упала. Но юноша поддержал ее. Его губы двигались, но Стужа ничего не слышала из-за страшного шума. Наконец ее зрение стало проясняться. Только они втроем, вместе с Кимоном и Трасом Суртианом, оставались на месте, весь мир же стремительно уносился у них из-под ног.

Они очутились в самом центре вихря. Камни, пыль и солома с полей кружились вокруг них с возрастающей скоростью, сужая кольцо. За пределами этого смерча Стужа ясно видела дом. Старик по-прежнему стоял в дверях. Рядом с ним темнела какая-то похожая на человеческую фигура.

Стужа вдруг поняла, кем был этот старик. Ее губы зашевелились, она пыталась произнести имя, но не могла издать ни звука. Легкие Стужи горели. Она хотела сделать глубокий вдох. Но воздух не поступал в легкие. «Я не могу дышать», — поняла она. «Нужно справиться с паникой и предупредить Кимона», — говорила себе Стужа. Но, взглянув на него, осознала, что юноша уже и так все знал.

Яркий цвет его глаз было последнее, что девушка видела перед тем, как потеряла сознание. «Голубые, — заметила она с удивительной ясностью, — голубые, как у старика».

Глава 9

Когда Стужа очнулась, ее первым ощущением была боль. Все тело ломило. Она лежала на чем-то грубом и жестком. В воздухе стоял густой аромат благовоний, свет еле мерцал. Стужа смежила веки и провалилась в черноту.

Шум снова привел ее в сознание. Она открыла глаза, свет стал ярче, но ненамного. Стужа моргнула. Подождала, пока сфокусируется зрение. В комнате кто-то был. Пол скрипел, она слышала шаркающие шаги. Что-то звякнуло — вероятно, бутылки. Свет мерцал. До нее донеслось шипение, запах благовоний усилился.

Стужа потихоньку пошарила рукой. Меча на поясе не было. Стужа сделала еще одно движение и похолодела. Кинжал тоже исчез! Она прикусила губу, заставила себя притвориться спящей. Нервы были на пределе, ей хотелось вскочить и кинуться на поиски Жала Демона.

В комнате снова все стихло. Но девушка ощутила на себе чей-то взгляд. Стужа задержала дыхание, ожидая, пока этот кто-то отвернется. Но интуиция подсказывала ей, что он продолжает наблюдать. В конце концов она выдохнула и попыталась потихоньку сесть, преодолевая боль.

Комнату заливал красноватый свет от горящей жаровни, в которой курились благовония. На стенах дрожали черные тени. Стужа смогла рассмотреть кое-какую мебель и несколько полок. В дальнем углу темная фигура склонилась над столом. Человек смотрел на нее, прикрывая рукой свечу. Мерцающее пламя отбрасывало причудливые отсветы на его лицо.

— Онократос?

Человек кивнул, нахмурившись, и отложил книгу, которую читал.

— Я боялся, что свет разбудит тебя, — сказал он. — Рад, что ты не сильно пострадала.

Боль и синяки свидетельствовали об обратном. «С другой стороны, я жива», — подумала Стужа.

— Ты не совсем такой, каким я тебя представляла, — заметила она, свешивая ноги с деревянной кровати.

— А я тебя именно такой и запомнил, — ответил он с едва заметной улыбкой. — Тогда, в тронном зале в Марашаи. Ты славно разделалась с Тогрином Синтеллом. Я видел его смерть во сне. Ведь это ты его убила?

— Ты убил Аки, чтобы посадить его на трон? — перебила его Стужа.

Колдун не ответил на ее вопрос.

— Разумеется, ты. — Онократос словно продолжал размышлять вслух. — У тебя был мотив, и ты знаешь дворец достаточно хорошо, чтобы проникнуть туда незамеченной. — Он потер подбородок и кивнул. — Я предвидел такой исход еще в первую нашу встречу, мне сразу стало ясно, что ты очень находчива и с тобой придется считаться. Я прочел это по твоей ауре. — Колдун заложил страницу и закрыл книгу. — И я не ошибся. Это хорошо.

Его слова сбили Стужу с толку. Она не ожидала услышать от врага комплименты.

Стужа поднялась на ноги, но боль в спине заставила ее вновь сесть на кровать.

— Хорошо? — переспросила она. — Да, это я убила Тогрина Синтелла, и ты отлично знаешь, что я пришла, чтобы прикончить тебя или, по крайней мере, выбить из тебя ответы на кое-какие вопросы, предатель.

Онократос небрежно махнул рукой:

— Тогрин Синтелл никогда не был мне другом. Я не оплакиваю его и не собираюсь мстить. Я просто использовал его для своих целей.

«Это не безобидный старичок», — напомнила девушка себе. Он наверняка попытается усыпить ее бдительность с помощью колдовства. Онократос могущественный маг. Она уже прочувствовала на себе его силу. А теперь оказалась перед ним безоружной.

— Где мои товарищи?

— Они в безопасности, — уверил колдун Стужу. — Старый солдат довольно сильно ударился головой, боюсь, он еще спит. Второй уже пришел в себя и сейчас ужинает. У него просто волчий аппетит.

Девушка снова закусила губу. Состояние Траса Суртиана, который до сих пор был без сознания, внушало ей опасения. Она понятия не имела, сколько времени прошло с тех пор, как вихрь закружил их во дворе, но чувствовала, что немало. Тогда был день. Если бы сейчас все еще было светло, Онократос читал бы у окна, а не при свечах. Трас Суртиан был хорошим воином, но годы брали свое. Может, с ним что-то серьезное.

— Я бы хотела увидеться с ними.

— Давай вначале побеседуем о моей дочери.

Онократос подошел к полке, взял связку новых свечей и зажег их от той, что уже горела. Затем расставил их в разных концах комнаты.

— Лучше видеть глаза собеседника, когда собираешься говорить начистоту, — сказал он, ставя последнюю свечу в лужицу накапавшего с нее воска.

Калинда, вспомнила Стужа имя девочки. Стужа была рада, что в комнате стало светлее. Теперь здесь не было так жутко; красноватое сияние и тени, напоминавшие ей сказки о девятом круге ада, исчезли. Она огляделась и увидела множество полок с книгами и склянками, наполненными различными порошками. Кровать, на которой она лежала, была украшена изысканной резьбой. Но матраса не было. Стужа знала, что некоторые маги презирают комфорт, и решила, что Онократос из их числа. Она вновь взглянула на старика:

— Вы нашли ребенка?

Старик кивнул.

— Она снова в безопасности, — ответил он. — Я не запираю ее, ведь она не животное, и позволяю ей бегать по дому. Я наложил специальное заклинание на двери и окна, чтобы она не могла их открыть. Вы лишили его силы, когда отворили переднюю дверь.

Стужа пожала плечами:

— Мне жаль.

Хотя на самом деле она не чувствовала за собой вины.

— Это мое упущение, — признал Онократос. — Однако теперь это не важно. Гел нашел ее.

Стужа и раньше слышала это слово и решила вначале, что это часть заклинания. А оказалось, это имя.

— Кто такой Гел?

Онократос положил руку на книгу, которую только что читал.

— Ты увидишь его завтра, — пообещал он.

Она сжала губы. Это был уклончивый ответ, таинственность тревожила ее.

— Но с твоей дочерью все в порядке?

При свете многочисленных свечей было легко следить за выражением его лица. На нем застыла боль, в глазах блеснули слезы, плечи опустились, словно на них внезапно лег тяжкий груз. Его руки скрылись в широких рукавах, когда он обхватил себя.

— Нет, с ней не все в порядке, — ответил он. — И я не знаю, как этому помочь,

несмотря на мое могущество. — Онокротос взглянул на девушку, задержал дыхание и выпрямился, взяв себя в руки. — Вы пришли сюда в поисках девочки-королевы. — Старик встал. — Я отведу тебя к ней прямо сейчас.

Он взял две свечи и передал одну Стуже. Затем открыл дверь и повел ее по темному коридору. Дом внутри был столь же ветхим, как и снаружи. С потолка свисала длинная паутина. При свете свечи Стужа разглядела ее обитателя. Онокротос тоже заметил его. Быстро нагнувшись, он снял тапок и приклепнул им паука. Свободной рукой сорвал паутину. С отвращением взглянув на останки насекомого, он разразился богохульными проклятиями.

Стужа, молча наблюдавшая за этой сценой, вздрогнула.

Они подошли к лестнице. Девушка не имела представления, где они находились. Она подняла свечу и последовала за своим непредсказуемым проводником. Его свеча излучала в темноте янтарное сияние, но Стужа не видела конца пролета. Она сделала первый шаг, нащупывая перила, но сразу же отдернула руку. Перила были покрыты толстым слоем пыли. Она вытерла ладонь о тунику и сглотнула.

Они спускались и спускались, а конца лестницы по-прежнему не было видно. Винтовая лестница спускалась все глубже. Воздух стал холодным и затхлым. Онокротос шел впереди, опустив голову. Девушка видела только его спину и руку, в которой он держал свечу. Она потянулась к рукояти меча и вспомнила, что его нет.

— Онокротос?

Ей ответило только эхо. Они спускались в очень глубокое подземелье. «Словно башня, построенная наоборот», — подумала Стужа.

Из черноты внизу донеслось низкое рычание. Кровь застыла в жилах Стужи. Девушка остановилась. Рычание раздалось снова, так что у нее побежали по спине мурашки. Стужа перегнулась через перила и заглянула в темноту пропасти, которую не могла развеять ее свеча. Тогда она посмотрела вверх, откуда они пришли — там тоже царил непроницаемый мрак. Онокротос не останавливался; расстояние между огоньками их свечей все увеличивалось, и Стужа поспешила за магом.

Рычание доносилось до них с небольшими перерывами. Затем раздался душераздирающий крик, и Стужа чуть не выронила свечу. Горячий воск пролился на ее руку, так она дрожала. В какую-то жуткую секунду ей показалось, что кто-то вытащил из ножен Жало Демона. Но звук снова превратился в звериное сопение. На лбу и ладонях у Стужи выступил пот. Она вытерла руки.

— Я полагала, ты ведешь меня к Аки, — вымолвила она. Ее слова эхом отдались в глубине пролета. Девушка подождала, пока оно стихнет. — Ты говорил, что ведешь меня к Аки, — повторила она. Но Онокротос молча шел, до Стужи доносилось лишь рычание снизу.

Вскоре она почувствовала в воздухе запах грязи и мочи. Он становился все сильнее, и Стуже пришлось прикрыть нос. Ступеньки кончились. Онокротос со Стужей прошли немного по узкому коридору и остановились. Свет выхватил из темноты единственную дверь.

Из-за нее раздавались звериные крики. Вонь стала невыносимой, у Стужи запершило в горле. Она вглядывалась в лицо старика, решив, что это ловушка. Девушка уже видела подобные двери с закрытыми окошками в тюрьмах и подземельях. В ее сердце начал разгораться гнев.

— Это здесь ты держишь ребенка? — спросила она ледяным тоном. — В грязной камере?

Он бесстрастно посмотрел на нее, нащупал деревянную ручку, открыл окошко и жестом пригласил Стужу заглянуть внутрь.

Она с криком отступила.

— О, боги! — простонала девушка, и прислонилась к стене, чтобы не упасть. — Ты животное, дьявол! — Стужа закрыла глаза, но видение не исчезало. Усилием воли она заставила себя снова взглянуть в окошко.

Эта была Аки, ее едва можно было узнать, но это, без сомнений, была она. Ее блестящие шелковые волосы превратились в грязные патлы. Девочка была совершенно голой, ее тело было перепачкано собственными нечистотами. Глаза, когда-то такие умные и веселые, горели звериной яростью. Ее пальчики были изодраны в кровь от бросания на дверь и стены. В одной руке Аки сжимала наполовину обглоданную крысу. Не узнавая, она взглянула из угла камеры на своего телохранителя, затем губы девочки приоткрылись, обнажив зубы, и она издала звериное рычание. Когда звук стих, Аки поднесла крысу ко рту и отодрала кусок. Кровь потекла по ее подбородку.

Стужа отвернулась, схватила Онократоса за одежду и стукнула о дверь камеры.

— Дьявол! — процедила она сквозь зубы. Стужа ударила колдуна по голове, так что тот осел на пол. — Что ты сделал? — Стужа занесла кулак, готовясь нанести следующий удар.

Старик вывернулся и поднял вверх палец, на котором сверкнуло кольцо.

— Остановись! — прошептал он.

Девушка нагнулась над ним, желая всем сердцем и душой размазать его по стенке, погрузить пальцы в дряблое горло, вырвать черное сердце и сжимать его в руке до тех пор, пока оно не перестанет биться. Но она видела его силу, знала, на что Онократос способен. Она не сможет помочь Аки, если превратится в пепел. Ей надо выжидать, улучшить подходящий момент, чтобы найти способ освободить маленькую королеву.

Онократос поднялся на дрожавшие ноги.

— Она не хуже и не лучше, чем моя дочь, — сказал он. Только я не могу позволить ей свободно бегать по дому. Они будут драться друг с другом, как животные, в которых они превратились.

Стужа попыталась вновь овладеть собой.

— Почему не запереть их обеих наверху?

Презрительная усмешка сменила на его лице маску бесстрастия.

— Калинда — моя дочь, моя плоть и кровь, — сказал он. — Неужели я стану запираť ее в собственном доме? А она, — он указал на дверь камеры, — для меня лишь оружие.

Стужа чуть не ударила его снова. Такая бессердечность по отношению к ребенку привела ее в ярость. Позже она заставит этого человека дорого заплатить за подобную жестокость. Но сейчас она прикусила язык.

Онократос резко повернулся и двинулся вверх по бесконечной лестнице. Вонь осталась позади, как и звериные крики. Сердце Стужи ныло от тоски, когда она покидала маленькую королеву, но разум подсказывал ей, что необходимо все предварительно взвесить.

— Твоя дочь не нападет на нас, раз она свободно ходит по дому?

Старик покачал головой.

— Я защищен, — ответил он. — Но поскольку вы мои гости, я закрыл ее в западном флигеле. Она не причинит вам вреда.

«Скорее, ты сделал это, чтобы я не наподдавала ей. Аки моя подопечная, до твоей же дочери мне нет дела», — подумала Стужа.

Наконец они вернулись в комнату, в которой Стужа очнулась. Онократос выбросил свечные огарки. Остальные свечи продолжали гореть, но ни их свет, ни тепло от жаровни не могли унять озноб девушки. Это пройдет не скоро, думала она, вспоминая, как Аки впиалась зубами в крыс.

Стужа направилась к кровати, но была слишком взволнована, чтобы лежать или сидеть. Она мерила шагами комнату, сжимая руками голову. Онократос наблюдал за ней, сидя за столом. Стужа чувствовала его взгляд. В руках он покачивал книгу, которую читал прежде.

— Что произошло? — спросила Стужа, когда поняла, что маг не собирается ничего объяснять.

— Калинда как-то упала во время игры...

Стужа нетерпеливо взмахнула рукой:

— Я хочу знать, что с Аки. Проблемы твоей дочери меня не касаются.

Онократос отложил книгу:

— Вторая история — продолжение первой, так что тебе придется ее выслушать.

Девушка метнула на него сердитый взгляд, затем сделала глубокий вдох и заставила себя сесть на жесткую кровать. Приготовившись слушать длинный рассказ и устроившись поудобнее, она кивнула старику, чтобы тот начинал.

— Мы не из этих мест, Калинда и я.

Стужа вздохнула. Старик, видно, собирался поведать ей целую историю, в то время как ее интересовали лишь факты. По акценту Онократоса она уже давно поняла, что колдун — не земляк Траса Суртиана.

— Наша родина — Келед-Зарем, это далеко на востоке.

— Я знаю эту страну, — оборвала Стужа Онократоса, надеясь ускорить его рассказ.

— Когда мать Калинды умерла, я больше не мог оставаться там. Каждое деревце, каждый холм напоминали мне о ней. Каждая птаха и белочка. В каждом облаке мне виделось ее лицо. Поэтому я продал мое маленькое дело, взял свою дочь и отправился странствовать. Калинда была для меня светом в окошке, она родилась, когда я и ее мать были уже в преклонных летах и потеряли всякую надежду иметь ребенка. Она была для нас словно дар богов. — Его глаза увлажнились, когда он посмотрел куда-то вдаль. — И даже когда ее матери не стало, этот дар не стал для меня менее ценным. Я знал, что мы не сможем странствовать вечно, старик и ребенок. Калинде нужны были дом и спокойная обстановка. Со временем мое горе утихло, и заботы о дочери стали главным делом жизни. Когда мы нашли это заброшенное поместье, нам казалось, что оно ниспослано нам свыше. Я думал, что, усердно трудясь, мы снова вдохнем жизнь в эти опустевшие поля. Но мы прожили здесь меньше месяца, когда Калинда... — Онократос словно стал задыхаться, не в силах говорить дальше. Он сгорбился и поник. Две слезы стекли по его морщинистым щекам. — Она играла в поле. Там был старый колодец, о существовании которого мы не знали, и моя дочь упала в него.

Стужа подалась вперед, проявляя искренний интерес к рассказу старика, несмотря на свое нетерпение:

— Она ударилась головой, потеряла рассудок?

— Подожди, — попросил он, поднимая руку, чтобы остановить ее расспросы. — Это очень тяжело для отца.

Стужа смотрела на него в растерянности. Она собиралась сразиться со злодеем, со вторым Тогрином Синтеллом, когда отправилась на поиски похитителя Аки. Она думала, что встретит бессердечное существо и ей легко будет отомстить.

А увидела перед собой несчастного старика, у которого разрывается сердце от сострадания к своей дочери. Из любви к своим близким люди часто совершают странные поступки. История ее собственной семьи — наглядный тому пример. Теперь Стуже уже очень хотелось дослушать историю Онократоса.

— Колодец был сухим и неглубоким. Она почти не ударилась, упав в него, но... — Он весь затрясся и обхватил себя руками. — Там были пауки, великое множество этих жирных кровопийц!

Холодная рука сжала сердце Стужи, она вспомнила реакцию старика, когда тот увидел в коридоре несчастного хозяина паутины. Она и сама никогда не любила этих мерзких тварей. Когда она была маленькой, они ужасно пугали ее. Став взрослой, Стужа научилась справляться со своим страхом, но он не пропал совсем, лишь затаился где-то в темном уголке ее сознания.

Онократос утер рукавом залитое слезами лицо.

— Они искусили Калинду, так что ее парализовало от их яда. — Он снова умолк и всхлипнул, словно потерявшийся ребенок. Его старческое тело сотрясилось от рыданий. — Калинда кричала, но колодец был далеко, а мои ноги стары. К тому времени, когда я добрался до нее, уже ничего нельзя было поделать.

Стужа задержала дыхание:

— Так она потеряла рассудок от яда?

Он поднял голову. Его лицо было искажено гневом.

— Бесчувственная эсгарийская шлюха! Я пытаюсь сказать тебе, что она умерла! Умерла!

Стужа вскочила на ноги, в три прыжка пересекла комнату и схватила старика за грудки. Их лица разделяли лишь несколько дюймов, когда девушка закричала на Онократоса.

— Она жива, старый стервятник! Я видела ее собственными глазами. Посмотри, как она расцарапала мне лицо! — Стужа указала на багровый след на щеке. — Какую игру ты затеял со мной? Для чего понадобилось тебе плести такую чудовищную ложь?

Он оттолкнул ее и поднялся:

— Она умерла, говорю я тебе! Но я призвал Гата, владыку хаоса, покровителя пауков, и упрямился вернуть мне ее. Я молился этому чудовищу, надеясь вернуть душу моей любимой девочки!

Стужа застыла на месте.

— Паучьему богу? — Она не могла поверить, что кто-либо, в каком бы отчаянии он ни был, осмелится призвать это жуткое божество. Какое безумство! Гат — это воплощение хаоса, а Вселенная просто мушка в его искусной паутине. Даже боги, равные ему по силе, боятся его.

— Ради Калинды, да! — Онократос ударил кулаком по деревянному столу, обходя его. — Ради нее я пошел даже на это! — Внезапно его гнев остыл, их со Стужей взгляды пересеклись. — Но лживый бог обманул меня, — признался маг, и в его голосе послышалось отчаяние.

— Глупец! — воскликнула Стужа. — А чего ты ожидал? Ты думал, такая сила посчитается с тобой?

Он повернулся к ней спиной, не в силах вынести ее укоризненного взгляда:

— Когда я заключал сделку, я верил в это. Я только хотел видеть, как Калинда вновь играет, смеется и поет, видеть ее счастливой! Я хотел баюкать ее на руках, слышать ее милый голосок, чтобы она по-прежнему по утрам приносила мне цветы и целовала меня, как она это делала прежде.

Его слезы капали на стол и на книгу, которую он держал в руках.

— Гат ответил на твою молитву? — Стужа попыталась успокоиться и побудила его продолжить рассказ: — Но не так, как ты ожидал?

Онократос покачал головой.

— Не сразу, — ответил он. — Вначале Гат потребовал платы.

Стужа кивнула и прошептала:

— Когда имеешь дело с богами, всегда приходится платить.

Онократос рассказал ей о сне, который видел в ту ночь, когда умерла Калинда. Повелитель хаоса и ночи, которого называют тысячей имен, явился и говорил с ним. Темный, внушающий ужас в своей жуткой красоте; его голос был голосом земли и воздуха, он грохотал и шептал одновременно. Выкуп за жизнь Калинды будет невелик: одна чистая, непорочная душа должна занять место его дочери, но не в мире мертвых, а в бездне хаоса, которая и была его владениями. Если он принесет в жертву такую душу, то Калинда вновь будет ходить по земле. Так обещал паучий бог. Видение растаяло, уступив место ночным кошмарам смертного человека.

— Но это была правда, — настаивал Онократос. — Он пришел из-за пределов мироздания. Чтобы заплатить выкуп Гату, было недостаточно знаний, которыми обладал простой купец. Он должен был научиться премудрости, содержащейся в нескольких редчайших книгах, в которую его могли посвятить лишь избранные. Он отправился странствовать в одиночку, расспрашивая мудрецов и старейшин. Некоторые видели, что он лжет, пытаясь выпытать их секреты. Другие же принимали его как ученика, поверяли ему тайны Стихий и Вечности. Он быстро учился, покидал своих наставников, когда они передавали ему все свои знания, и двигался дальше. Каждый вечер он смотрел в сторону

Коркиры и вспоминал свою дочь.

Шли годы. Онократос проштудировал древние библиотеки, прочитал редкие книги всех цивилизованных народов, постигая тайны магии и эзотерики. Его не остановило даже проклятие, грозившее его душе.

— Кто мог сказать мне, что я зашел слишком далеко? — Он замолчал, задумчиво взглянул на Стужу и вздохнул. — Я одновременно и плакал и смеялся, когда после всех моих скитаний мне стало известно о существовании большой частной библиотеки в Эндимии, совсем недалеко от этого поместья. — Конечно, я, и раньше знал о Тогрине Синтелле и о том, что он королевского рода, но ничего не слышал о его собрании.

Итак, Онократос отправился в Эндимию, в замок Тогрина Синтелла и представился обычным фокусником. Тогрин Синтелл жил один со своими слугами. Любой новый человек был ему любопытен, и он пригласил Онократоса пожить у него в качестве гостя. С течением времени магу удалось завоевать дружбу благородного господина, облегчив себе задачу с помощью нескольких несложных заклинаний.

И хотя библиотека производила впечатление, Онократос не нашел в ней знаний, которых так жаждал. Однако путешествие не было напрасным. Это Тогрин Синтелл убедил его, что самая чистая и непорочная душа во всем королевстве у юной властительницы Коркиры. Ведь монарх правит по божественному соизволению. А значит, в душе Аки должна гореть божественная искра. То, что Аки и Калинда родились в один год и месяц, не могло быть случайным совпадением. Она могла стать выкупом, который потребовал Гат. Это было очевидно.

— Мы составили план, Тогрин Синтелл и я. Тогрин оказался прирожденным интриганом. С его помощью я вызвал демона по имени Гел и приказал ему похитить маленькую королеву. — Старик поднял взгляд на Стужу, и их глаза встретились. Его горе, казалось, прошло, гнев утих, теперь лицо колдуна стало спокойным. — Когда Аки была у нас в руках, я привез ее в поместье, к тому самому месту, где была похоронена Калинда. Я призвал паучьего бога, он явился и вырвал дух из живого тела Аки, оставив лишь оболочку и звериное естество.

Стужа ошиблась. Горе не оставило старика. Она видела боль, затаенную в его глазах. Стужа поняла, что на самом деле он выбирал слова и швырял их в нее, словно камни, чтобы поразить ее, заставить почувствовать отголоски его страданий.

И она почувствовала. Сознание того, что душа Аки дрожит в холодных объятиях повелителя хаоса, было для нее мучительнее всего. Ей вновь захотелось убить сгорбленного человечка, стоявшего перед ней, невзирая на его возраст. Это была его вина; звериные крики Аки все еще раздавались у нее в ушах, ноздри наполняло отвратительное зловоние темницы.

Стужа выдохнула сквозь сжатые зубы.

— И за все свои старания ты получил назад не дочь, а еще одно животное. — Она сдвинула брови. — Я еще раз назову тебя глупцом! Черный обманщик в точности сдержал свое обещание, которое он дал тебе во сне. Калинда вновь рядом с отцом, она ходит по земле! Но только теперь это бездушное тело. Ее дух по-прежнему во власти Гата. А без души тело повинуется лишь примитивным инстинктам. Теперь они с Аки близнецы: человеческой у них осталась только плоть.

— Гат обманул меня! — яростно воскликнул Онократос.

— Полоумный старик! — взорвалась Стужа. Она стукнула кулаками по столу, затем взяла старика за грудки, вlepила две пощечины и с силой швырнула на стул, так что тот чуть не перевернулся. — Ты думаешь, что боги похожи на торговцев, с которыми можно заключать сделки? Они двигают нас, словно пешки на шахматной доске, ради прихотей или забавы. — Девушка плюнула на пол. — Ты думал, что ты игрок, а ты всего лишь жалкая фишка.

Лицо Онократоса покраснело от пощечин.

— Надумала учить меня! А сама даже не знаешь, с кем водишь дружбу! Посмотри сюда, прежде чем обзывать меня глупцом! — Он указал на лежавший на полу сверток. —

Посмотри, если осмелишься!

Стужа легонько пнула сверток носком сапога. Она узнала спальный мешок Кимона. Края одеяла были обшиты узорчатой каймой, так что Стужа не могла ошибиться. Она подозрительно взглянула на хозяина. Он хочет провести ее? Глаза старика горели гневным огнем, когда он выпрямился и вновь указал на сверток.

Стужа нагнулась и стала осторожно развязывать кожаные тесемки спального мешка. Она почувствовала, что внутри спрятано что-то твердое. Стужа развернула одеяло, пламя свечи блеснуло на лезвии искусно сделанного короткого меча.

— Он чуть не пронзил твое сердце, — произнес Онократос, глухо засмеявшись. — Наверняка ждет удобного случая, чтобы убить маленькую королеву.

Стужа открыла рот от изумления. Наемник, с которым она дралась в спальне Аки, пользовался точно таким же оружием. Только в одном Онократос ошибался. Тогда он приходил не для того, чтобы убить Аки.

— Лжец! — закричала Стужа. — Все ее чувства закружились в безумном вихре. Она отдала Кимону свое тело, доверие, может, даже любовь. У него была дюжина возможностей расправиться с ней, если он и в самом деле наемный убийца. — Только не Кимон!

Онократос безжалостно смеялся, когда она склонилась над лезвием.

— Именно Кимон. — Он потряс кулаками. — Я собственноручно снял это с его лошади, вместе с прочими орудиями его презренного ремесла. — Если ты обладаешь хоть каплей чувствительности ведьмы, почему ты не слышишь предсмертных криков всех тех, кто пал от этого меча? — Он бросил на нее злобный взгляд, в его глазах полыхало отраженное пламя свечей. — Кимон пытался убить ребенка, твою подопечную, а ты привела его прямо к ней. И ты еще смеешь обвинять меня в том, что я хочу спасти свою дочь? Посмотри на себя!

Стужа подняла меч, провела пальцем по лезвию. Если бы она все еще была ведьмой, то одного прикосновения ей было бы достаточно, чтобы узнать историю этого клинка. Но теперь она лишилась своих способностей. И меч молчал в ее руках.

— Лжец! — прошипела она. — Онократос только усмехался. — Лжец! — снова выкрикнула она, поднимая меч. Старик подался назад, но его губы по-прежнему кривились в издевательской ухмылке. Стужа сжимала рукоять, пока костяшки пальцев не побелели. Она пыталась вернуть самообладание. — Я не верю тебе. И никогда не поверю! — Она ударила мечом по перевернутому столу, щепки полетели в разные стороны. Онократос мог остановить ее, он обладал достаточной силой для этого. Но ей было все равно. Она вновь подняла меч.

Но лезвие сверкнуло, отразив мерцание свечей, и эта вспышка заставила ее вспомнить события той роковой ночи в Марашаи. Этот клинок также сверкал в лунном свете, когда она уводила его обладателя от постели Аки. Стужа заколебалась, глядя на оружие в своей руке. Может ли она вновь покинуть Аки, рискуя своей жизнью в схватке с колдуном? О боги Эсгарии, что ей делать?

— Убирайся! — приказала она и отвела холодное острие меча от сердца Онократоса, вместо этого вонзив его в дверь. — Убирайся, или я убью тебя, клянусь! Оставь меня одну!

Колдун поднялся, его мышцы были напряжены, словно он собирался ответить на ее вызов. Затем жестокая усмешка искривила его губы и он двинулся к выходу, ни на секунду не спуская с девушки глаз.

— Хорошо, — согласился он наконец. — Нам обоим есть о чем подумать. — Онократос указал на деревянное ложе. — Это самое удобное из того, что я могу предложить. Я разбуду тебя утром. — Он взял одну из свечей и вышел, тихо притворив за собой дверь.

Стужа бросилась к двери, опасаясь, что он запер ее, и рванула за ручку. Дверь распахнулась, старик уже прошел некоторое расстояние по коридору, держа свечу словно щит между собой и мраком; он свернул в один из боковых проходов и исчез. Стужа закрыла дверь.

Ее била дрожь, руки тряслись. Стужа прикусила губу, чтобы не стучали зубы. Она

дрожала не столько от страха, сколько от ярости и растерянности.

Ее взгляд упал на сверкавшее лезвие. Кимон появился ниоткуда и спас ее от верной смерти в Шадаме. Он помог ей выручить Уну. А затем отправился в путь вместе с ней, поделился своими запасами. Почему она должна верить Онократосу, чудовищу, обрекшему невинное дитя на адские муки?

Она внимательно осмотрела меч, взвесила его в руке. Прекрасно выкованное профессиональное оружие. Вполне вероятно, что Кимон был профессиональным наемником. Она видела, как превосходно он дрался в Шадаме. Но был ли он убийцей? Она пнула валявшееся на полу одеяло. Да, это был спальник Кимона. Но кому принадлежало оружие? Онократос мог лгать, преследуя какую-то цель. Но какую? Чтобы посеять сомнения? Но опять же зачем? Той ночью в комнате Аки было темно. Нападавший казался ей просто тенью. Стужа попыталась сосредоточиться на своих воспоминаниях. Телосложение и рост совпадали, но...

Из ее горла вырвался крик, она изо всех сил метнула меч в противоположную стену. Несколько секунд лезвие, глубоко вонзившись в дерево, продолжало вибрировать, издавая свистящий звук.

Горячие слезы потекли по ее лицу. Она повалилась на жесткую кровать и обхватила себя руками. Доски скрипели от сотрясавших ее рыданий.

Когда слезы высохли, она стала молить богов, чтобы они дали ей забыться сном. Но сон все не шел к ней. Снедаемая сомнениями, она поднялась с кровати.

Книга, которую читал Онократос, валялась на полу. Несмотря на то что большая часть свечей превратилась в еле тлевшие огарки, в комнате было достаточно светло, чтобы читать. Стужа открыла книгу, пролиستала несколько страниц и усмехнулась. Сборник заклинаний, самых примитивных, к тому же весьма неточных. Она читала ее, сидя на коленях у матери. Копию или, скорее, этот же самый том.

Стужа опустилась на единственный стул и вздохнула. Колдун и волшебник. Онократос освоил огромный объем знаний за слишком короткое время. Он обладал могуществом, но не мудростью, мужеством, но не благоразумием. Заключить сделку с хаосом...

Девушка снова вздохнула.

Как же ей быть с Кимоном?

Глава 10

Стужа проснулась оттого, что кто-то тихонько тряс ее за плечо. Шея болела, спина затекла. Рука, на которой лежала голова, занемела. Она медленно открыла глаза и прямо перед собой увидела лицо Онократоса.

Стужа не моргнула и не отвела взгляд. У нее было время подумать, сон успокоил ее. Глаза — зеркало души, учила ее мать. И сейчас девушка всматривалась в старческие глаза, стараясь разглядеть в них душу этого странного человека, если, конечно, она у него была. Но

он смотрел на нее по-отцовски ласково, и это только приводило ее в замешательство.

— Я не верю тому, что ты говорил о Кимоне, — сказала Стужа.

— Прошлой ночью во мне говорил гнев, — ответил Онократос. — Теперь это не важно. — Он повернулся к столу; должно быть, старик поднял его, пока Стужа спала. На нем стояли бутылъ и две глиняные кружки. Онократос разлил вино. — Наверное, не очень-то удобно спать на стуле. — Он улыбнулся и протянул ей кружку. — Я должен извиниться за столь аскетическую обстановку — Мне никогда раньше не приходилось принимать здесь гостей.

Стужа медленно поднялась с жесткого стула, потянулась, размяла мышцы. Постепенно ее конечности вновь обрели чувствительность. Если бы только шея перестала болеть...

— Я хочу увидеть своих друзей.

— Кимона и старого солдата? — Онократос взглянул на нее поверх своей кружки. — Разумеется, они ждут завтрака. — Улыбка снова мелькнула на его лице. — Вы здесь не пленники.

Стужа отхлебнула предложенного ей вина. Оно было сладким и очень хорошим, не то что коркирская кислятина. Правда, Стужа не могла определить, откуда оно. Упоминание о завтраке заставило девушку осознать, как она голодна. Но ее хозяин, очевидно, никуда не торопился. Он поднял бутылъ, чтобы вновь наполнить кружку Стужи.

— Кто же мы, если не пленники?

— Гости, как я уже говорил, — ответил он, отставляя бутылъ. — У ворот я действовал так, только чтобы защитить себя. По понятным причинам вы были разгневаны. — Он подмигнул. — Надеюсь, что это в прошлом. Нам нужно поговорить о деле.

Стужа подняла брови:

— Правда?

Онократос кивнул:

— Я хочу вернуть Калинду, а вы — освободить Аки. Я понимаю, что в теперешнем ее состоянии вам не справиться с ней, да и на престол ее не посадить. Давайте объединим усилия ради спасения обеих девочек.

Стужа почувствовала, как все внутри у нее закипает, но подавила гнев, отхлебнув еще вина.

— Это ты виноват в том, что случилось с Аки, — напомнила она.

Он только махнул рукой в ответ:

— Чтобы спасти свою дочь, я пожертвовал бы десятью такими, как Аки, или даже сотней. И не скрываю этого. Я слишком люблю Калинду. Ради нее я чуть было не убил вас.

Стужа отодвинула кружку и прикрыла ее рукой, когда старик попытался подлить ей еще вина.

— Две ночи назад на опушке леса это ты был в огненном шаре?

— Гел, — ответил Онократос. — Демон действовал по моему приказу. Но ты сумела выставить защиту против него, а затем пробудить своих друзей от гибельного сна. И тогда я решил, что ты тоже обладаешь силой, и мы сможем помочь друг другу.

Стужа размышляла над его словами. Значит, Гел, приятель Онократоса, был тем демоном, который напал на них во время путешествия. Насколько же могущественным был этот старик, раз он смог распечатать адские врата и заставить служить себе одного из его обитателей?!

— Почему ты решил, что я стану помогать тебе? — спросила она, снова садясь на стул.

Онократос присел на край стола и скрестил руки:

— Потому что Аки дорога тебе так же, как мне Калинда. Ты до сих пор не перерезала мне горло только потому, что надеешься заставить меня вернуть все на свои места.

Девушка сделала глубокий вдох:

— А ты можешь?

Онократос спокойно выдержал ее взгляд. Помолчал несколько секунд, затем допил вино и перевернул кружку.

— Я не знаю, — произнес он наконец. — Во всяком случае, мне не обойтись без помощника.

— Я не тот помощник, который тебе нужен. Бог хаоса находится на вершине божественной иерархии.

Онократос подошел к Стуже, взял ее за руку и попросил встать.

— Мы обсудим это после завтрака. Твои друзья заждались. — Он сказал это с ласковой, обезоруживающей улыбкой. — Здесь не готовили такого угощения со времен прежних хозяев. Даже не знаю, когда это было.

Стужа помедлила, затем повернулась, ее взгляд упал на меч, торчавший из стены. Она не дотрагивалась до него и даже не смотрела в ту сторону на протяжении всей ночи.

— Я могу отослать Кимона, если ты хочешь.

Девушка вздрогнула, представив, что способен сделать человек, обладающий могуществом Онократоса.

— Я уже сказала, что не верю твоим наговорам. — Но затем подошла к стене, взялась за рукоять и выдернула меч.

Приблизившись, хозяин пощупал пальцем зарубку, оставшуюся в стене, и пожал плечами.

— Хорошо, — со вздохом произнес он. — Пусть так. — И направился к двери. — Идем?

Стужа подобрала с пола одеяло Кимона, кое-как свернула его, засунула в него меч и взяла под мышку:

— Раз мы не пленники, верни нам оружие.

Онократос закрыл дверь, когда они переступили через порог:

— Конечно, я уже отнес его в столовую.

Он провел девушку по нескольким коридорам, ставни на окнах были распахнуты. Утренний свет заливал весь дом. В воздухе все еще стоял затхлый запах ныли, но с полей сквозь открытые окна уже доносился аромат цветов.

В последней галерее, через которую они проходили, Стужа задержалась. Должно быть, когда-то здесь было необыкновенно красиво. Причудливая резьба сохранилась до сих пор. Пыльные бюсты забытых героев стояли в стенных нишах. В более глубоких виднелись каменные скульптуры в полный рост, потемневшие от времени и покрытые паутиной. Потолок был расписан в той же манере, что и в приемном зале дворца Марашаи. Грязный толстый ковер покрывал прекрасный мраморный пол.

В конце галереи Стужа увидела высокие дубовые двери. Онократос потянул за ручки, и двери распахнулись с неожиданной легкостью.

Столовая произвела на девушку не меньшее впечатление, чем галерея, к тому же, в отличие от последней, здесь было чисто. Посередине помещения стоял длинный стол, персон на пятнадцать. Дальний конец стола был уставлен блюдами с фруктами и свежими овощами. Стужа почувствовала запахи жареного мяса и свежего хлеба. У нее потекли слюнки.

Трас Суртиан и Кимон о чем-то тихо совещались, не обращая внимания на закуски и бутылки с вином. Они сидели с мрачными лицами, которые прояснились, как только мужчины увидели ее.

— Самидар! — Кимон вскочил со скамьи, подбежал к девушке и заключил в объятия. Она тоже обняла его, и их губы встретились в нежном поцелуе. — Я волновался за тебя, — выдохнул он.

Стужа была рада их теплой встрече, но где-то в глубине души шевельнулась тревога.

— Теперь все в порядке. — Она взглянула через его плечо. Трас Суртиан наблюдал за ними со стороны, не мешая, однако от Стужи не укрылось, что старый капитан испытал большое облегчение, когда увидел ее. Стужа высвободилась из объятий Кимона и подошла к Трасу Суртиану. Тот хлопнул ее по плечу, так он приветствовал коркирских солдат.

— Потом нам нужно будет поговорить, — шепнула она, поднимаясь на цыпочки и целуя Траса в щеку.

— Мы за тебя тревожились, — сказал он, понизив голос и подозрительно косясь на Онокротоса.

Стужа не знала, стало ли что-нибудь известно ее друзьям об Аки, и решила пока не упоминать о девочке. Но рано или поздно они все равно все узнают. Она постаралась сдерживать дрожь. Кимон приблизился сзади и положил руки ей на плечи. Трое друзей стояли рядом.

— Успокойтесь, — произнесла девушка, обратившись к товарищам. — Вы очень многого не знаете.

— Мы можем разделаться с ним, — предложил коркирец.

Стужа прижала палец к его груди.

— Я сказала успокойтесь. — Она прочла вопрос в глазах старого друга, но сейчас было не время на него отвечать. — Поговорим позже. Я просто умираю с голоду. А угощение отменное, — громко произнесла она, указывая на стол.

Онокротос, вежливо стоявший в стороне во время их короткого разговора, вышел вперед и с улыбкой пригласил их садиться:

— Пожалуйста, угощайтесь. Надеюсь, каждый найдет здесь блюдо себе по вкусу.

— Наше оружие, — напомнила Стужа.

Старик кивнул:

— Сразу после завтрака, а теперь давайте поедим, пока все не остыло.

Онокротос сел по правую руку от Стужи. Трас Суртиан многозначительно посмотрел на нее и занял место напротив волшебника; было ясно, что его подозрения не рассеялись. Кимон сел слева от нее, рядом с Трасом.

Они положили куски дымящейся свинины на ломтики хрустящего хлеба, испеченного из неизвестного Стуже зерна. Соленые хлебцы чудесно дополняли мясо. Девушка взяла яблоко с подноса с фруктами, наполнила свой бокал водой вместо вина. Ее удивляло, откуда взялась вся эта еда. Она не видела в округе пасущихся стад, а поля здесь, очевидно, давным-давно не возделывались.

— Гел доставляет все, что мне нужно, — объяснил Онокротос.

Стужа встревожилась, кусок мяса выскользнул у нее из пальцев. Была ли это настоящая еда или некая приготовленная колдовским способом субстанция? Трас и Кимон удивленно взглянули на девушку. Коркирец вначале ел очень мало, опасаясь яда, но, обнаружив, что никто не свалился замертво со стула, успокоился.

— Что-то не так? — спросил он, заметив ее реакцию.

Стужа заставила себя улыбнуться. Не важно, откуда эта еда, она была вкусной и питательной. Неизвестно, когда им удастся поесть, если они откажутся от этого угощения. Девушка подняла кусок, который уронила на стол, и проглотила его.

— Просто хрящик попал не в то горло, — солгала она.

— А кто такой Гел? — обратился к хозяину Кимон.

Низкий глубокий голос ответил:

— Гел — это я.

Они все повернулись на звук. В первую секунду Гел показался Стуже огромной черной птицей с горящими глазами. Она моргнула и наконец разглядела в дверном проеме огромного человека. Он был на голову выше Траса Суртиана, под блестящей черной кожей рельефно выделялись стальные мускулы, волосы цвета воронова крыла ниспадали на плечи; черные, словно оникс, глаза неподвижно уставились в одну точку.

Кимон подался вперед и ухмыльнулся.

— Скажи мне, Гел, — обратился он к вошедшему. — Там, откуда ты родом, носят одежду?

Стужа ткнула его в бок. Ясно, что Онокротос ничего не сказал ее товарищам о демоне.

Гел двинулся к ним, держа все их оружие в одной руке.

— Ваши понятия о приличиях ничего не значат для меня, — громыхнул он. — Мне нет дела до того, смущает ли тебя моя нагота. — Он положил их имущество на

противоположный конец стола и накрыл рукой.

Траса Суртиана, очевидно, заинтересовал слуга Онократоса.

— Где твоя родина? — довольно вежливо спросил он. — Раньше я никогда не видел людей, подобных тебе.

Демон вымолвил короткий ответ.

— Ад, как же, — побагровел Трас. — Ты платишь цивилизации презрением, словно собака, хватаящая за пятки бедного странника. Ну так и отправляйся в свой ад ко всем чертям! — Он снова принялся за еду, не взглянув больше на Гела.

Но Стужа не могла отвести глаз от демона. Она оценила его могучее сложение, правильные черты, гладкую, словно мрамор, шею, широкую грудную клетку. Ее вновь бросило в жар. Демон оказался вовсе не таким, каким она ожидала его увидеть. *Прекрасен.* Он был прекрасен.

Девушка перевела взгляд на Кимона. Он тоже был красив. На скамейке между ней и Онократосом лежал сверток, который Стужа принесла с собой. Она спрятала его за спиной, когда увидела Кимона, а затем положила подальше от его глаз. Она сделала несколько глотков воды.

— Жалеешь, что решил ехать с нами? — спросила Стужа своего возлюбленного.

— Вовсе нет, — ответил тот, разглядывая демона. — Это было... очень необычно.

Онократос нагнулся к нему, криво ухмыляясь.

— Но это вряд ли может сравниться с удовольствиями, которыми ты наслаждался в Марашаи!

Кимон медленно прожевал кусок.

— Я был там совсем недолго. И почти не видел города. — Он отпил вина.

Руки Стужи начали дрожать. Она спрятала их между колен:

— Но ты говорил мне, что видел розовый сад.

Кимон отставил бокал. Стужа чувствовала на себе взгляд юноши.

— Да, — ответил он наконец. — Я видел его через стену, когда проезжал мимо как-то днем.

— Но стена очень высокая. — Стужа прикусила губу. Зачем она играет в эту игру? В ее вопросах нет смысла. Она должна сосредоточиться на том, чтобы помочь Аки. Стужа подняла глаза и встретила взглядом с Трасом Суртианом, вопросительно смотревшим на нее. Дрожь усиливалась. Коркирец был в курсе событий той ночи, когда исчезла Аки. Неужели ее вопросы возбудили в нем подозрение?

Кимон дотронулся под столом до ее колена.

— Признаюсь, — сказал он, подмигивая, — я встал на седло, чтобы заглянуть через стену. Я был наслышан о красоте сада маленькой королевы. — Юноша взял Стужу за подбородок и повернул к себе ее голову так, чтобы она посмотрела на него. Кимон широко улыбнулся. — И о ее прекрасном телохранителе.

Но его лезть не убедила Стужу. Она потянулась к своему бокалу и сделала несколько глотков, пожалев в этот момент, что там была вода, а не вино.

Кимон заметил, как дрожат ее руки, и сжал их в своих ладонях. Пальцы Стужи были холодны как лед. Внезапно в его взгляде мелькнула догадка.

— Самидар...

Девушка отстранилась, не в силах дольше сдерживать дрожь. Озноб пробирал ее до костей. Рука потянулась к свертку, лежавшему рядом. Она не верила Онократосу, не верила! Стужа пошарила рукой в складках, ее пальцы сжали рукоять короткого меча. Она на мгновение закрыла глаза, ее мучили сомнения; между ней и Кимоном выросла стена.

Стужа положила клинок на стол. Солнечные блики играли на его заточенном лезвии. Трас Суртиан вопросительно посмотрел на нее. Но она не обратила на него внимания.

— Это твое?

На лице Кимона промелькнули самые разные чувства. Затем оно сделалось абсолютно бесстрастным, словно каменным. Его рука потянулась к мечу, но он отдернул ее, положив на

колени.

Онократос поднялся со своего места.

— Отдай им оружие, — велел он Гелу.

Демон встал. Сталь зазвенела, когда он сгреб со стола мечи.

— Я люблю тебя, Самидар, — произнес Кимон с отчаянием.

— Стужа... — Трас Суртиан переводил взгляд с одного на другого, подозревая что-то неладное. Но постепенно он начал догадываться. Его лицо помрачнело.

Мускулистая рука демона протянулась над плечом Стужи. На стол перед ней упали меч и кошелёк, затем и серебряные ножны Жала Демона. Кимон схватил ее за запястья, прежде чем девушка успела взять оружие.

— Убийца! — Трас Суртиан вскочил со своего места, перевернув скамью. Он с бешеным криком перегнулся через стол и вцепился в тунуку Кимона. Рука, державшая запястья Стужи, разжалась, но пальцы нащупали серебрянные ножны и подхватили их.

Кимон потерял равновесие, и Трас Суртиан протасил его через стол, опрокидывая блюда с овощами, мясом и фруктами, переворачивая бокалы.

— Ты и есть тот ублюдок, который трусливо пробрался в королевскую спальню под покровом ночи! — Он рванул кинжал из сжатых в пальцах Кимона ножен.

Зал наполнился жутким стоном. Стужа выкрикнула предостережение, но было уже слишком поздно. Кимон уставился на сверкающее лезвие широко раскрытыми от ужаса глазами, пытаясь высвободиться из железной хватки Траса Суртиана, державшего его за горло.

Трас Суртиан со страхом смотрел на кинжал, оказавшийся в его руке. Он застонал, будучи не в силах разжать пальцы и бросить кинжал на пол. Его рука начала дрожать, но Трас перехватил ее другой, отпустив жертву. Тут раздался высокий требовательный крик. Кинжал жаждал крови.

Стужа наблюдала за борьбой, которую Трас Суртиан вел со своей рукой. Его воля начала слабеть от жутких воплей. Ни один человек не мог противиться Жалу Демона, требовавшему крови.

Девушка не могла допустить, чтобы кто-то из ее друзей погиб от адского оружия. Она смахнула все со стола и схватила Траса Суртиана за руку. Стужа потянула с таким усилием, что они оба оказались на полу. Трас повалился на девушку, чуть не придавив ее своим весом. Но она продолжала в отчаянии сжимать его запястье обеими руками.

Кимон одним прыжком оказался рядом с ними, он схватил коркирца за ворот, стаскивая со Стужи. Наконец она смогла глотнуть воздуха. Трас Суртиан катался по полу. Кимон поднял девушку на ноги. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, готовясь отразить удар.

Но удара не последовало. Теперь острие кинжала было направлено в сердце Траса Суртиана. «Он должен напиться крови, — прозвучал голос в голове Стужи. — Крови врага или твоей собственной». Она снова бросилась к коркирцу, не думая ни о чем.

Когда Стужа вновь схватила его руку, то не почувствовала в ней никакого сопротивления. Потеряв равновесие, девушка чуть не упала, но сумела удержаться на ногах. Трас Суртиан двигался медленно, словно во сне. Стужа попыталась разжать его пальцы, чтобы вырвать кинжал. Трас смотрел на нее глазами, полными ужаса.

Жало Демона издал протяжный стон. Звук наполнил зал и эхом отразился от стен и потолка. Затем начал стихать.

Стужа действовала почти бессознательно, изо всех сил пытаясь вырвать кинжал. Но пальцы Траса Суртиана не гнулись, казалось, они превратились в камень.

— Это ворожба Гела, — объяснил Онократос. Он осторожно приблизился к ней. Его лицо было бледным. Старик обошел коркирца кругом, в любой момент готовый отскочить в сторону, и внимательно осмотрел Траса. Кимон тронул Стужу за плечо и указал на Гела, который стоял так же неподвижно, как Трас Суртиан, вытянув вперед руки. Могучее тело демона покрылось испариной. Стужа заметила капли пота, выступившие у него на лбу и

текшие по щекам.

Внезапно ей пришла в голову идея. Она бросилась к ножнам и надела их на кинжал.

— Нет! — еле слышно прошептал Гел. — Он весь затрясся, мускулы напряглись от нечеловеческого усилия. — Крови! — простонал он.

Стужа поняла, о чем он просит, и вновь обнажила кинжал.

— Что ты делаешь? — закричал Кимон, пытаясь помешать ей.

Она оттолкнула его, высоко закатала рукав туники.

— Ты не можешь! — воскликнул Кимон, обхватив ее руками. Стужа двинула ему локтем в висок, и когда хватка юноши ослабла, взяла за руку и швырнула его на пол через бедро.

Прежде чем Кимон успел подняться, она приблизилась к Трасу и проткнула кинжалом свое предплечье. Жало Демона удовлетворенно сверкнуло. И тогда Стужа надела на него ножны.

Из груди Гела вырвался крик. Трас Суртиан, все еще не разжимая рук, продолжал стоять, молча глядя на происходящее. Внезапно его колени подогнулись. Онократос не дал ему упасть, обхватив за талию. Кимон подбежал к Стуже и обмотал своим ремнем ее плечо немного выше пореза. Стужа остановила его.

— Ничего серьезного, — пробормотала она. Их глаза на мгновение встретились. Вспомнив причину ссоры, девушка высвободила руку и отвернулась. Кровь текла по ладони и пальцам, капала на пол. Но Стужа, не обращая на это внимания, взяла у Траса Суртиана умолкнувший кинжал.

Коркирец пораженно смотрел на присутствующих в зале, затем подошел к столу, взял бутылку вина и осушил ее одним махом. Багровая жидкость текла по его подбородку, заливая тунику. Кимон взял другую бутылку, налил в бокал вина и протянул его Стуже. Она молча сделала несколько глотков.

— Удивительное оружие, — заметил подошедший к ней Онократос. Колдун подергал себя за мочку уха в глубокой задумчивости.

Гел не двигался, он продолжал сидеть, прислонившись к стене. Его широкая грудь судорожно вздымалась. Стужа в третий раз почувствовала, как по ее телу пробежала теплая волна, и в этот миг она все поняла. Демон спас ее друзей. Кем бы он ни был и что бы ни совершил в прошлом, она оказалась у него в долгу. Стужа направилась к Гелу вдоль длинного обеденного стола.

Он следил за ней глазами, но был слишком слаб, чтобы двигаться. Когда девушка подошла, он медленно протянул к ней руку и коснулся раны на ее плече.

Стужа невольно отпрянула. Кимон, заметив реакцию девушки, перемахнул через стол, чтобы защитить ее. Она повернулась к нему и махнула рукой, дав понять, что его помощь не требуется. Выражение лица Кимона, когда он остановился, выдавало его душевные муки. Качнув головой, он спрятал меч в ножны и пошел к своему месту за столом.

— Прости, — извинилась Стужа, вновь поворачиваясь к Гелу. — Ты напугал меня.

— Это было правдой, никогда раньше она не прикасалась к демонам. Один взгляд на его когти вселял в нее ужас. Она ругала себя за глупые страхи, глядя на свою рану.

— Что за чертовщина, — произнесла Стужа, не веря своим глазам. Кровь остановилась, плоть срослась, шрам появился и тут же исчез. На месте пореза осталась лишь полоска запекшейся крови.

Кимон примчался, едва услышав ее слова. С открытым от удивления ртом он дотронулся пальцем до того места, где у Стужи только что была кровоточащая рана.

— Это невозможно, — прошептал он. — Это какая-то иллюзия.

— Почему же, возможно, — раздался голос подошедшего к ним Траса Суртиана. В руке у него была новая бутылка, которую он уже успел почать. — Теперь мне все ясно. — Коркирец показал на Гела. — Он же сам признался, что явился из ада, не так ли?

Трас развернулся и направился к своему месту. Он снова поднес к губам бутылку. Стужа схватила капитана за руку. Трас был бледен как полотно, его глаза покраснели. Вино заливало ему бороду, было видно, как у него трясутся руки. Она попыталась взять у Траса бутылку, но он не отдал.

— Оставь! — сказал он. — Бог свидетель, женщина, я заслужил хорошую выпивку! Вначале эта горящая рука в Марашаи, потом светящиеся шары, которые чуть не прикончили нас я лесу. — Он вздрогнул и сделал еще глоток. — Затем меня шарахнуло дверью так что я чуть не отдал богу душу. — Его лицо приняло странное выражение и на мгновение застыло. Но через мгновение он продолжил: — И наконец этот твой проклятый кинжал. — Трас взглянул на нее, и Стужа прочла в его глазах гнев и страх. — Так что мне сейчас это просто необходимо.

Он начал пить. Девушка вырвала у него из рук бутылку и разбила ее об пол. Трас Суртиан в ярости поднялся с места. Он ударил Стужу своим могучим кулаком в челюсть, так что девушка упала на пол. Ей показалось, что череп вот-вот разорвется на части. Словно откуда-то издалека до нее донеслось рычание и звуки борьбы. Что-то происходило в зале, но перед глазами у девушки кружились звездочки и причудливые огоньки. Она потрясла головой в надежде, что зрение прояснится, и велела себе встать, с трудом выпрямляя непослушные ноги.

К ней тут же потянулись руки, это были руки Кимона. Демон схватил Траса Суртиана за тунику. Коркирец яростно сопротивлялся, но Гел поднял его одной рукой в воздух, а другую занес для удара.

— Нет! — Стужа с трудом узнала собственный голос. Заклятие отняло у них разум? Или просто сказалось многодневное напряжение? Да какая разница, нужно было остановить их, пока они не поубивали друг друга.

— Отпусти его, Гел, — велела она. Все взгляды устремились на Стужу. Демон поставил Траса Суртиана на ноги. Кимон остался рядом с девушкой, он сжимал меч, готовый прийти Стуже на помощь в любую секунду. Онократос спокойно наблюдал, чем все закончится, стоя на безопасном расстоянии. Стужа подняла бровь, когда их взгляды встретились. — А теперь сядьте! — приказала она.

Онократос сел за стол, затем Кимон. Гел подошел к своему хозяину и встал у него за спиной. Трас Суртиан с ненавистью взглянул на демона, плюнул себе под ноги и занял место рядом со Стужей. «Как два бойца, подготовившихся к драке», — подумала Стужа и выругалась про себя.

На несколько минут в воздухе повисла тишина. Онократос посмотрел на царивший в помещении разгром и покачал головой.

— Да, — произнес колдун вслух, налив себе воды в один из оставшихся целыми бокалов, и поднял его в шуточном тосте. — Есть лишь одна сила, которая опаснее и могущественнее черной магии — это необузданная человеческая натура. Но вы и сами это знаете.

— Не заметил ничего человеческого в этом чудовище, что стоит у тебя за спиной, — пробормотал Трас Суртиан. Гел оскалился в ответ. Демон уже вполне оправился.

— Трас, заткнись, — тихо сказала Стужа.

Капитан хотел произнести еще что-то, но сдержался и погрузился в мрачное молчание.

Стужа сделала глубокий вдох и по привычке прикусила нижнюю губу. Яблоко с перевернутого подноса лежало прямо перед девушкой. Она взяла его, внимательно осмотрела, несколько раз перекинула из руки в руку и затем откусила кусочек, радуясь

минутной передышке.

— Ну, господа? — произнесла она со спокойствием, которого на самом деле не чувствовала. — И что теперь?

Онократос барабанил пальцами по деревянной столешнице. Через несколько секунд он поставил бокал и объявил:

— Думаю, у меня есть план.

Глава 11

Стужа нетерпеливо мерила шагами комнату в ожидании Онократоса. Колдун заявил, что должен кое-что сделать, прежде чем расскажет о своем плане. Половые доски скрипели под ее ногами. Наконец Стужа опустилась на жесткий стул, но вскоре снова встала и продолжила ходить из угла в угол.

Трас Суртиан отправился в поля искать их лошадей. Нет, за Ашура Стужа не беспокоилась, она знала, что он примчится на ее зов. Она беспокоилась из-за Кимона. Насколько он предан ей? Стужа не могла прочесть его мыслей. После ссоры Кимон был мрачен и почти сразу ушел куда-то. С тех пор она его не видела.

Девушка обхватила себя руками, ей хотелось, чтобы рядом был кто-нибудь, с кем можно поговорить. Может, стоило проведать Аки? Онократос уверил ее, что девочку выкупали и накормили, как просила Стужа. Девушку не покидала надежда, что в Аки, где-то в глубине ее существа, все же осталось хоть что-нибудь человеческое и королева будет рада видеть своего телохранителя.

Впрочем, Стужа прекрасно понимала, что это неправда. Ведь Аки превратилась в бездушное животное. Стужа даже не была уверена, что сумеет найти дорогу в подземелье, а если и найдет, то едва ли ей удастся вернуться обратно без помощи Онократоса.

Однако поискать стоило, по крайней мере это хоть какое-то занятие.

Наконец девушка решилась, но, повернувшись к выходу, она видела, что дверь открыта. Гел, слегка наклонив голову, переступил через порог и теперь с трудом протискивал в дверь свое могучее тело. У Стужи перехватило дыхание. Размеры демона поразили ее еще в просторной столовой, а в этой тесной комнатухе он показался ей настоящим гигантом.

Гел выпрямился и посмотрел на девушку сверху вниз. Жестокий блеск его темных глаз заставил ее вздрогнуть. Стужа нередко сталкивалась со сверхъестественными явлениями, но это существо страшило ее, отталкивало и одновременно влекло к себе. Она бессознательно протянула руку к кошельку, в котором лежал камень.

— Тебе больше не понадобится талисман. — Его голос грохотал, словно гром, был глубоким, низким и, казалось, доносился из иного мира. — Я не причиню тебе вреда.

Девушка сглотнула и покраснела, поняв, как крепко сжимает в руке маленький кошелек. Стужа попыталась справиться с внутренней дрожью и успокоиться.

Гел вошел в комнату и расправил плечи. Видимо, демон ссутулился, чтобы пройти в дверь, подумала Стужа. А в это время Гел уже направлялся к ней. Он вправду был огромным. Девушка спешно отступила и уперлась спиной в стол. Демон встал перед Стужей. Она чувствовала жар, исходящий от его тела, горячее дыхание демона касалось ее щеки.

Стужа пыталась сохранить равновесие, но две огромные руки держали ее за плечи и не давали выпрямиться.

— Если ты решил сломать мне позвоночник, это не самый лучший способ, — наконец вымолвила она.

Гел не ответил. Лишь окинул Стужу внимательным взглядом. Ручища нежно погладила ее по плечу. Девушка замерла. Один раз Стужа уже показала ему свой страх и не хотела повторять ошибки. Затем Гел отнял руку и отошел.

— Онократос зовет тебя, — сказал демон. — Он ждет.

Стужа выпрямилась, откинула назад волосы и направилась к двери.

— А что, интересно, он думает, я делаю? — бросила она через плечо, стараясь заставить свой голос звучать спокойно. — Это место никак не походит на дворец наслаждений.

— Я могу доставить тебе наслаждение.

Стужа не обернулась, но почувствовала на себе взгляд демона. Мурашки побежали у нее по спине, но она сумела овладеть собой.

— Сомневаюсь, — резко сказала девушка.

Она подождала, пока демон протиснется в дверь, и последовала за ним по бесконечным коридорам. А снаружи этот дом выглядел таким простым. Стужа озадаченно потеряла подбородок, внутри же он, напротив, казался настоящим лабиринтом, даже при свете дня. Было удивительно, как кто-то вообще мог здесь ориентироваться.

Они остановились перед дверью, окованной толстыми серебряными пластинами, на которых были выгравированы неизвестные Стуже знаки и символы. Девушка вдохнула аромат благовоний и тут же представила, в какое помещение сейчас войдет. Демон толкнул дверь, с другой стороны послышались шаги, и в проеме появился Онократос.

— Приведи ее друзей, — приказал он Гелу. — Все готово. — Колдун кивнул Стуже. — Пожалуйста, заходи.

И дверь закрылась у нее за спиной.

Стужу не удивило то, что она увидела. С внутренней стороны дверь была окована серебристым металлом, серебро имело силу удерживать магическую энергию. Стены, потолок и двойные ставни, которые закрывали окна, были сплошь испещрены иероглифами и непонятными знаками.

Подсвечники с семью рожками горели на северной и южной стенах, увешанных полками. В четырех углах дымились курильницы с благовониями, в непроветриваемой комнате от этого стояла страшная духота. Кроме низкого стола, мебели в помещении не было. На полу был нарисован большой треугольник, колдовской знак, который обычно использовался в соседнем королевстве Шондо. Его контуры, посыпанные толстым слоем серебряной пыли, поблескивали в мерцании свечей. Внутри треугольника были также изображены какие-то иероглифы и знаки, а в центре — круг.

В юности девушка часто бывала в подобных комнатах.

— У наших учений общие корни, — сказала Стужа, разглядывая помещение. Она указала на ставни — окно выходило на запад. — Направление неизвестности, а значит волшебства, — отметила она. — Серебро, чтобы магическая энергия не просачивалась наружу. Треугольник для того, чтобы вызывать богов Света, богов Тьмы и нейтральных богов. — Некоторые знаки были ей знакомы. — Вот те символы — эсгарийские.

— Я был в Эсгарии, — подтвердил Онократос. — И украл там несколько книг. Мужчинам в твоей стране запрещено заниматься темными искусствами, как тебе известно.

Она прикусила губу. Воспоминания никак не хотели оставить ее и по-прежнему причиняли боль. Это была правда. На ее родине только женщинам разрешалось обучаться

тайному знанию, а держать в руках оружие имели право лишь мужчины. Однако Стужа презрела этот закон и взяла в руки меч, но потеряла и семью, и свое имя.

Стужа глубоко вздохнула и отогнала печальные мысли о своем прошлом. Сейчас у нее были более неотложные дела. Онократос продолжал говорить:

— Шондосийцы еще меньше были склонны сотрудничать. Мне пришлось тайком пересечь границу. Они тут же выдворили меня из своей страны, когда обнаружили, что я подкупил одного неопита, посулив ему щедрую плату за сведения.

Стужа нетерпеливо тряхнула головой:

— Расскажи мне про твой план, колдун.

Онократос обошел треугольник. Он избегал смотреть девушке в лицо. Стужу стало мучить подозрение, мышцы напряглись.

Наконец старик заговорил:

— Мне нужно еще обсудить это с Гелом. Его восприятие гораздо острее, чем наше, к тому же он может контролировать кинжал.

— Постой, — глаза девушки сузились, рука сжала серебряные ножны. — Если ты собираешься задействовать Жало Демона, лучше сразу забудь свой гениальный план.

Лицо колдуна стало суровым, даже жестоким, что не на шутку встревожило Стужу.

— Если хочешь помочь той знатной маленькой сучке, что сидит внизу, ты сделаешь то, что я скажу!

Стужа промолчала и не ответила резкостью на резкость. Она ничего не добьется, если не сумеет держать себя в руках. Вначале необходимо было узнать, в чем состоял план Онократоса. К тому же Жало Демона принадлежал ей, и горе тому, кто попытается отобрать его силой. Девушка прислонилась к стене, все еще продолжая сжимать серебряные ножны, и приготовилась слушать.

— Тебе потребуется все твоё мужество, — бесцеремонно обратился к ней Онократос, засовывая руки в рукава. — И даже больше. На самом деле это ты подала мне идею, когда сказала, что никто из нас, даже Гел, не может вызвать тысячеименного бога. — Внезапно Онократос просиял, было видно, что он доволен собой. — Значит, нам нужно заключить сделку с божеством первого порядка.

У Стужи отвисла челюсть.

— Ты просто безумец, — прошептала она.

— Гел согласится. — Старик указал узловатым пальцем на спрятанный в ножны кинжал. — Эта удивительная вещь поможет нам. — Лицо Онократоса сделалось на мгновение серьезным, потом он снова улыбнулся.

Стужа почувствовала внутреннюю дрожь, когда Онократос поделился с ней своим жутким планом. Ключом к тайне был страшный крик кинжала. Сам кинжал не издавал звуков, он был лишь проводником. И сегодня Гел доказал это. Стужа и сама раньше догадывалась, что Жало Демона на самом деле был вратами. Но сейчас у нее перехватило дыхание.

— Куда ведут эти врата?

Улыбка моментально исчезла с лица колдуна.

— В ад, — ответил он, — где души людей проводят вечность. — Затем с горечью добавил: — Кроме души Калинды, которая бьется в жуткой паутине Гата.

— И души Аки, которую ты обрек на такую же участь.

— Они оба замолчали, погружившись в размышления. «Душа Аки должна была стать пищей для ненасытного паука», — подумала Стужа. Она зажмурилась, чтобы отогнать страшный образ.

— Ты предлагаешь нам совершить путешествие в ад?

— Мы должны заключить сделку с Орхосом, властителем умерших, — подтвердил он. — У этого бога обманом забрали две души, которые никогда не вернутся в его царство, если сам Орхос не поможет нам. А он столь же ревнив и ненасытен, как и властитель хаоса.

Раздался громкий стук. Онократос пересек комнату, открыл дверь, впуская Гела,

Кимона и Траса Суртиана. Он велел им двигаться аккуратно и не наступать на серебряную пыль, насыпанную по контурам треугольника.

Коркирец выглядел усталым, но уверенным. Он неодобрительно оглядел комнату, поморщился от запаха благовоний. Когда его взгляд упал на Кимона, Трас Суртиан нахмурился. Стужа физически ощущала ту ненависть, которую Трас испытывал к молодому человеку. К счастью, Гел стоял между ними, чтобы не возникло лишних проблем.

Трас Суртиан посмотрел на Стужу через стол, пламя свечей отражалось в темных глазах капитана.

— Я привел лошадей, — спокойно отчитался он, не обращая внимания на загадочное убранство святая святых Онокротоса. А ведь девушка хорошо знала, что спиритические символы страшат его, как всякого коркирца. Вера в безличного единого бога давала коркирцам возможность оградить себя от пугающей реальности магического мироздания. Трас Суртиан сумел справиться со своим страхом.

— Только твоего черного зверя привести не удалось, — продолжил капитан. — Он бродит где-то сам по себе, как всегда.

— Сегодня отличный день, светит солнце, — вступив в разговор, бодро сообщил Кимон, но за этой бодростью скрывалась растерянность. За последние дни были раскрыты почти все его тайны, он не был к этому готов. — Почему бы не распахнуть ставни и не проветрить здесь как следует. А то запах тут, как в храме богини блудниц.

Стужа испытывала жалость к обоим мужчинам.

— Помолчи, Кимон, — тихо произнесла она. Демон закрыл дверь и задвинул серебряный засов. Он обернулся и окинул Стужу жадным взглядом, от которого у нее мурашки побежали по телу. Теперь все пятеро были в сборе. Комната, куда не проникал дневной свет, походила на склеп. Стужа закусил нижнюю губу, надеясь, что аналогия не окажется пророческой.

— Самидар...

В устремленных на нее взглядах Траса и Кимона девушка заметила мольбу о поддержке. Ее друзья были здесь явно не в своей тарелке. Внезапно Стужа ощутила, что атмосфера комнаты стала давить и на нее тоже. Дым от курящихся благовоний застилал глаза, и ей вдруг показалось, что таинственные знаки, начертанные на стенах, начали оживать в неровном пламени свечей. Она сжала кулаки так крепко, что ногти впились в ладони.

— Я столько раз стояла в местах, подобных этому, — пробормотала она. — Это были даже не комнаты, а пещеры, прорубленные в скалах, где слышно, как темные существа копошатся в недрах земли. Я повелевала ветрами, вызывала землетрясения, морские бури, подчиняя их своей воле. — Стужа медленно обернулась; перед ее глазами была уже не комната Онокротоса, а сверкающие сталактиты и сталагмиты; блестящие от пота, обнаженные тела сестер-ведьм, пляшущих вокруг костров, казавшихся такими маленькими в темных подземельях; лицо матери, ободряющей и наставляющей дочь.

Очертания комнаты вновь обрели четкость.

— И я отреклась от всего этого. — Стужа хлопнула в ладоши, громкий звук прорезал тишину, царившую в помещении. — Это сумасшествие. Я ухожу отсюда. — Она направилась к двери.

— Ты трусила! — выкрикнул Онокротос.

— Да, я боюсь, — прошипела девушка, поворачиваясь к нему. — Только глупец не испугался бы. Вначале ты вызвал бога хаоса и обрек проклятию невинного ребенка. Теперь ты хочешь заключить сделку с властелином мертвых! — У Стужи вырвался резкий смешок. — Твой план безумен, как и ты сам!

Брови Кимона поползли вверх.

— Ты говоришь об Орхосе?

— Нет других богов, кроме единого, — прорычал Трас Суртиан.

Стужа сурово взглянула на коркирца.

— Ты говоришь так либо по привычке, либо потому, что боишься признать очевидное, — произнесла она. — Стужа указала на Гела. — Посмотри на создание, что стоит за твоей спиной. Это тоже творение твоего единого бога?

Онократос преградил девушке путь к выходу.

— Ты страшишься за свою душу, женщина? Неужели она тебе дороже, чем душа Аки? — От гнева его лицо покрылось багровыми пятнами. — Существуют девять кругов ада. Ты можешь подняться до любого. Но подумай об Аки, бьющейся в ужасной паутине Гата, обреченной удовлетворять его похоть до тех пор, пока ее душа не сгинет навечно в мерзостном хаосе! А теперь подумай о своей трусости!

При упоминании об Аки Трас сжал плечо Стужи.

— Что несет этот безумец? — спросил он.

— Бред. Его мозги совсем высохли, — ответила девушка ледяным тоном.

Однако Трас Суртиан насторожился.

— Речь идет о моей королеве. — Он решительно обратился к колдуну: — Ты хочешь заключить сделку? — Коркирец двинулся к Онократосу. — Я знаю, ты виноват в ее исчезновении, будь ты проклят, но я ни перед чем не остановлюсь, чтобы вернуть ее.

Стужа схватила его руку:

— Трас, заткнись!

Но он страхнул ее:

— Я посвятил Аки свою жизнь. И это мой долг. Ты всего лишь наемник, служащий за плату.

— Ты не понимаешь!

— Я сделаю все, что должен!

— Пусть этот дурак поступает как хочет! — бросил Кимон.

Рука Стужи потянулась к мечу, сжала рукоять... и застыла. Внезапно она осознала, какая глубокая трещина расколола их дружбу. Казалось, еще вчера они делили еду, пели песни в пути. Что же с ними случилось?

Длинный тонкий палец Онократоса указал на нее.

— Только она может идти, — сказал он. — Больше никто.

Кимон в три прыжка очутился рядом с колдуном, выкрутил ему запястье и прижал старика к стенке:

— Она никуда не пойдет по твоему приказу! Пошли коркирца или этого твоего черного зверя, который готов наброситься на меня.

Стужа изумилась. Кимон не мог видеть демона, вероятно, он почувствовал движение Гела.

— А еще лучше, — продолжил он, — отправляйся сам и прихвати их обоих за компанию.

Ни Кимон, ни Трас так до сих пор ничего и не поняли.

— Он предлагает отправиться напрямик в ад! — выкрикнула Стужа.

— Тогда я настаиваю на последнем предложении, — произнес Кимон, отпустил Онократоса и сделал шаг назад.

— Почему бы не послать Гела? — спросила Стужа Онократоса. — Пусть он отнесет твое послание. В конце концов, ад — его родина.

Это казалось вполне резонным, и в этом случае отпадала необходимость использовать Жало Демона. Было непонятно, почему Онократосу не пришло это в голову сразу.

— Гел остается. Это не обсуждается. — Онократос взглянул на демона. Стужа решила, что колдун подал ему какой-то знак, кивнул или подмигнул. Затем снова посмотрел на нее и продолжил:

— У тебя гораздо больше шансов, чем у остальных. Я не могу отправиться сам, я должен командовать Гелом, от которого зависит успех моего плана. — Он окинул презрительным взглядом Кимона и Траса. — Эти двое не готовы к подобному путешествию. К тому же ты гораздо сообразительней.

Ее глаза встретились с глазами колдуна, и Стужа поняла, что это неизбежно.

— Самидар...

Она жестом велела Кимону замолчать.

— Я согласен сделать это, — подал голос Трас Суртиан. Ее старый друг готов был ухватиться за любую соломинку, даже пожертвовать жизнью, чтобы спасти Аки. Если не пойдет она, отправится он.

— Хорошо.

Гримаса боли исказила черты Кимона.

— Нет, Самидар.

Она дотронулась до него, чтобы успокоить, и быстро отдернула руку. Мог ли он, на самом деле, однажды попытаться убить ее за деньги, а потом влюбиться? Мольба в его глазах казалась искренней. Она чувствовала его любовь. И все же сомнения мучили Стужу.

Теперь было не время выяснять правду. У Стужи не осталось выбора, она сделает то, что замыслил Онократос. Пока что ей удалось найти лишь телесную оболочку Аки. Этого было мало. Позже она разберется с Кимоном.

Стужа повернулась к Онократосу:

— Что я должна делать?

Колдун разгладил одежды:

— Гел считает, что послать тебя туда несложно.

— А как насчет возвращения? — поинтересовалась она.

Онократос достал горсть порошка из потайного кармана и посыпал его на каждую из курильниц. Облака дыма поднялись вверх, наполнив комнату сладковатым запахом.

— Для этого-то я и позвал твоих друзей. Нашей объединенной воли, укрепленной любовью, будет достаточно, чтобы вывести тебя обратно.

— Ты уверен? — спросил Кимон, нахмутив брови.

— Это колдовство. Мы имеем дело с богами и демонами, здесь ни в чем нельзя быть уверенным, — последовал ответ.

Глаза Кимона вспыхнули. Он сжал рукоять меча и двинулся к Онократосу:

— Если она не вернется, я пошлю тебя вслед за ней.

Угроза повисла в воздухе; все молчали. Наконец Онократос прочистил горло и указал на Траса Суртиана:

— Ты вставай в юго-восточный угол треугольника, не наступай на серебряный порошок.

Кимону колдун велел встать в северо-восточный угол, повторив предостережение. Стуже он сказал:

— А ты займи место в центре круга. Впрочем, ты сама знаешь, как это делается.

— А как насчет Гела? Ты говорил, что он — ключ к успеху.

— Он встанет за твоей спиной, но не будет заступать за границу круга. — Старик наступил на одну из линий, разметав серебристый порошок и сделав небольшой проход. Велел демону войти внутрь и затем снова восстановил границу, насыпав пыли из потайного кармана. Затем выпрямился.

— Небольшая демонстрация, — тихо объявил он. — Гел, задуши коркирца.

Демон бросился к Трасу Суртиану. Капитан отступил и выхватил оружие. Но не успели еще огромные жилистые руки дотянуться до коркирца, как Гел взревел от боли. Его кулаки вспыхнули, наткнувшись на невидимую преграду. Послушный приказу своего хозяина, он снова потянулся к горлу Траса. Черное лицо демона исказила мука. Мерцающее голубое пламя, как по волшебству появившееся в воздухе, охватило его пальцы.

— Довольно, мой верный слуга. — Онократос хлопнул в ладоши, и демон остановился. Трас Суртиан метнул в колдуна суровый взгляд, едва сдерживая гнев.

Онократос погрозил пальцем.

— Не будь таким обидчивым! — усмехнулся он. — Я знал, что он не сможет причинить тебе вреда. Просто хотел показать, что никто, кроме человека, не может выйти за

пределы этого треугольника, пока серебряная пыль не тронута. — Он посмотрел на Стужу. Она пожала плечами, вышла из круга, прошла между Трасом и Кимоном и вновь вернулась на свое место.

Онократос продолжил:

— Вы должны понять, что до тех пор, пока все выполняют мои указания, вы в безопасности, что бы ни происходило внутри треугольника, что бы вы ни увидели. Но стоит кому-то из вас только наступить на черту, печать будет сорвана... — Он провел большим пальцем по горлу и скорчил жуткую гримасу. — Опасно, очень опасно.

— Так что мы тянем, — бросила Стужа. — Они выполняют твои указания.

Онократос хмыкнул.

— Ты тоже должна быть чрезвычайно осторожна, — предупредил он. — Стоит тебе оступиться, и заклятие будет нарушено.

Стужа махнула рукой.

— Мне все это известно, — напомнила она ему. — Чем дольше я стою здесь, тем яснее понимаю, что это идиотская затея...

Онократос снова засунул руки в рукава.

— Тогда не будем откладывать. — Он обратился к Гелу на языке, которого девушка не понимала, затем спросил его: — Готов?

Гел кивнул.

Колдун закрыл глаза и сказал Стуже:

— Достань кинжал.

— Что? — в один голос вскричали Кимон и Трас Суртиан, бросаясь к ней.

— Стойте! — Ее голос эхом прокатился по залу. Она взглядом пригвоздила их к месту. — Не вмешивайтесь. Просто точно выполняйте все, что он вам будет говорить. — Девушка посмотрела на Траса Суртиана. — Ты хочешь спасти Аки? Тогда повинуйся ему. — Затем Стужа перевела взгляд на Кимона. — Если тебе дорога моя жизнь, повинуйся. И больше ничего.

— Начнем, — обратилась Стужа к Онократосу через плечо. Оба мужчины выглядели пристыженными.

Рука демона коснулась ее шеи. Его когтистые пальцы сделали несколько легких массирующих движений. Гел нагнулся к уху Стужи и прошептал так, чтобы слышала только она:

— Я восхищен тобой, женщина.

— Мне это безразлично, — ответила Стужа, не понижая голоса. Ее ладони были мокрыми от пота, червь сомнения подтачивал решимость. — Во всем происходящем повинно твое безумие.

— Не мое, — шепнул демон. — Я только орудие в руках Онократоса. — Но другого пути спасти детей я не знаю.

Стужа тоже не видела иного выхода. Гнев разливался в ней, словно черная желчь. Демон сказал, что он орудие колдуна. Но не он один. Онократос использовал их всех, чтобы спасти свою Калинду. Стужа схватилась за рукоять меча, и с ее губ сорвалось проклятие. Когда все это закончится, она заставит его заплатить. Если, конечно, вернется из ада, из самого сердца тьмы.

Она взялась за ножны Жала Демона. Стужа слышала дыхание товарищей, видела расширенные от ужаса глаза Траса Суртиана. Им было известно могущество кинжала. Она разделяла их страх. Стужа сжала зубы и обнажила кинжал. Он задрожал у нее в руках, требуя крови.

— Острие! — услышала девушка голос колдуна, отчетливо различимый сквозь шум. — Поверни его к себе! Смотри на него!

К крику кинжала примешался новый звук, и Стужа осознала, что это ее собственный голос. Она стонала и всхлипывала, словно испуганный ребенок. Стужа сильно прикусила губу, чтобы заставить себя замолчать. Она ощутила во рту вкус крови. Девушка медленно

повернула кинжал, держа его на расстоянии вытянутых рук. Острие зловеще сверкало в мерцавшем свете.

Кинжал бился в руках. Его крик стал громче, настойчивее. Она никогда раньше не ощущала в нем такой силы! Что-то заволакивало ее сознание, подавляя волю.

«Кровь? Он чувствует мою кровь!» Она слизнула алую струйку, текшую по ее подбородку.

Глаза застилала красная пелена. Сквозь нее Стужа видела старого бородатого солдата. Его широкая грудь была прекрасной мишенью. Она смутно осознавала, что поворачивается; следующим, кого она увидела, был колдун, сделавший им столько зла. Затем демон; его нечеловеческая кровь будет настоящим пиршеством для кинжала. Наконец она взглянула на Кимона, на этого наглого щенка, который пробрался к ней под покровом ночи, чтобы убить ее за деньги.

Как много крови! Как много крови, чтобы утолить жажду кинжала!

Жало Демона трепетало в ее руке, высоко занесенной для удара. Она больше не контролировала свои движения, но каким-то уголком сознания понимала, что должно произойти. Собрав остатки исчезающей воли, она выкрикнула:

— Онократос!

Колдун произнес единственное слово, едва слышное сквозь крики, — это было имя демона. Новая сила появилась в Стуже. Девушка могла видеть энергию, окутавшую ее, словно алая аура, и освободившую волю от оцепенения. Стужа снова обрела контроль над собой. Крик стих, а затем и вовсе умолк, неудовлетворенный. Тишину в комнате нарушало лишь прерывистое дыхание ее друзей да стук крови в висках.

Она обернулась, чтобы посмотреть на Онократоса. Ей было отрадно видеть, что его лицо бледно и покрыто потом. Он с трудом сглотнул.

— Гел контролирует его, — объявил он. Стужа улыбнулась, услышав дрожь в его голосе. — Теперь смотри на острие. Поверни его к себе.

Девушка повернула кинжал к нему, ее улыбка расплылась шире. Но Гел стоял между ними.

Стужа вспомнила, как в первый раз демон усмирил дьявольское оружие. Это стоило ему огромных усилий. Как долго он сможет сдерживать его на этот раз?

Тысячи сомнений и страхов пронеслись в ее голове. Слишком поздно. Останавливаться нельзя. Кинжал был обнажен. Его надо использовать. Она повернула его, на этот раз по собственной воле. На заточенном лезвии играли отблески свечей.

— Гел будет освобождать силу клинка постепенно, пока не достигнет равновесия между его магией и своей. — Онократос говорил быстро. Выдавала ли эта поспешность его страх? Или он сомневался в возможностях демона? — Ты вновь услышишь крик, и кинжал потребует крови. Но Гел не позволит ему ударить. Это произойдет тогда.

— Что произойдет? — спросил Кимон.

— Ваша задача — просто находиться здесь, — оборвал его колдун. — И молчать.

Стужа вновь услышала крик, он был совсем тихим, словно доносился издалека. Девушка вздрогнула или это кинжал дернулся у нее в руках? Крик раздался снова, это был уже целый хор голосов, вопль душ, мучимых в аду. Да, Жало Демона дрожало в ее руках. Стужа чувствовала, как кинжал постепенно сгибает ее волю. Крик становился все громче, такого она еще никогда не слышала. Перед ее глазами была непроницаемая алая завеса, Стужа стала опасаться, что Гел не справится. Черные мысли начали овладевать ее сознанием, она снова перебрала в уме все потенциальные жертвы кинжала.

Но Стужа не нанесла удара. Она не сводила глаз с дрожавшего острия. Оно двигалось ритмично — стальная змея, гипнотизировавшая свою жертву. Кинжал повелевал, молил утолить его жажду, но не получал просимого.

Стуже казалось, что она в тисках: ей приказывали убить, но она не могла подчиниться. Ее словно разрывало на части. Боль пронизывала все тело. Слезы струились по щекам.

Затем боль утихла.

Она увидела собственное тело. Ее лицо было искажено мукой, сопровождавшей отделение души. Костяшки пальцев, сжимавших кинжал, побелели. Вены и мышцы побагровели от напряжения, тело было покрыто потом.

Стужа уже испытывала такое один раз. Она обрела астральное тело и была готова отправиться в путешествие туда, куда заказан путь человеческой плоти.

Стужа смотрела на острие кинжала, чувствуя, что в нем таится нечто неведомое. От него исходило слабое неземное свечение. Оно все усиливалось, пока не превратилось в черный сверкающий овал, из которого доносились крики.

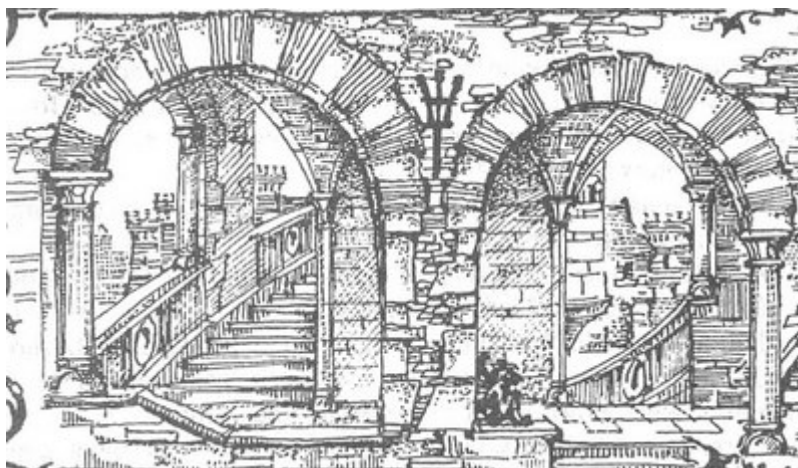
Это были врата, на появление которых надеялся Онократос и которых так страшилась Стужа. Проклятые души звали ее. Там ее ждал Орхос. Она ощущала во мраке его присутствие.

Стужа знала, что ворота закроются, когда сила Гела начнет убывать. Она повернулась к своим друзьям, чтобы проститься с ними. Они стояли не шелохнувшись. Какое-то заклятие сделало их на время неподвижными.

Медлить было нельзя.

Она скользнула в бездну.

Глава 12

Стужа летела сквозь бесконечную ночь, оставляя за собой тонкую серебристую нить, связывавшую ее со смертным телом. Эластичность этой нити казалась такой же безграничной, как и темнота. Стужа летела без всякой определенной цели, движимая каким-то сверхъестественным чутьем. Порой она ощущала ледяной холод, порой невыносимый жар, обжигавший ее астральное тело. Один раз ей послышалось хлопанье крыльев какого-то невидимого существа, которое пронеслось рядом с ней.

Но острее всего она ощущала растущее одиночество. Стужа оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что нить не порвалась. Вдали она увидела врата, через которые прошла. Затем явился он, такой огромный, что невозможно представить. Его глаза, словно два изумруда, горели яростью на бесстрастном лице. Он протянул к ней руку. Девушка попыталась уклониться, но рука настигла ее, пальцы разжались, и Стужа оказалась в огромном кулаке.

Стужа ожидала, что кулак вот-вот сожмется и наступит конец. Но вместо этого пальцы начали светиться. Язычки пламени подбирались к ней. Она почувствовала жар, однако ее астральное тело не испытывало боли. Стужа услышала крик, затем еще и еще, это были вопли отчаяния, становившиеся все громче и протяжнее.

Жало Демона существовал в другом мире, поняла она. Стужа знала, откуда исходят эти звуки.

Нечто твердое материализовалось у нее под ногами. В свете пламени начали вырисовываться силуэты. Поблизости серные утесы, вдали черные горы, вздымавшиеся в

огненно-красное небо. Крики наполняли все вокруг. Они поднимались, словно волны уныния. Стужа не могла заткнуть уши. Крики терзали ее чувства. Она переводила безумный взгляд слева направо, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь огненную пелену, заволакивавшую взор.

Когда зрение прояснилось, Стужа прижала к губам руку, сдерживая рвущийся из горла крик. Окружавшие ее горы были фантастических, неземных очертаний. Но гораздо страшнее было другое.

Она стояла на узкой каменистой тропе. С обеих сторон бушевали волны жидкого пламени, кое-где посреди огненного озера виднелись островки и утесы. Там бились жуткие, уродливые твари. Черный дым поднимался над круговоротами. То и дело вздымались фонтаны лавы.

Они увидели ее, эти отвратительные души когда-то живых людей, и устремились к ней, протягивая в мольбе почерневшие пальцы.

Их призрачные мертвенные глаза были полны страдания, в них запечатлелись образы, которые не привиделись бы ей даже в ночном кошмаре. Стужа пыталась отвести взгляд, но вновь и вновь встречала эти глаза.

Стужа побегала по единственной тропе, низкому предательскому гребню, который был еще опасней из-за пересекавших его тут и там огненных потоков. Повсюду Стужу окружали эти создания, они не сводили с нее глаз, их обезображенные лица заливали огненные слезы. Она слышала плеск обжигающего озера, пока они плыли за ней, ощущала запах паленого мяса, когда они взбирались на скалы, чтобы схватить ее. Рука Стужи потянулась за мечом, но его не было.

В ярости некоторые создания хватались за серебристую нить, пытались порвать ее, и когда это им не удавалось, начинали грызть ее зубами.

Стужа не чувствовала боли. Но она не могла позволить им отнять у нее возможность вернуться и тем самым обречь ее на вечные муки в аду. Стужа была безоружной, однако драться она умела. Она боялась прикоснуться к ним, но страх остаться здесь навечно пересилил. Стужа повернулась, приготовившись к битве.

Не оборачивайся.

Однажды она уже слышала этот голос. Голос принадлежал Орхосу, повелителю мертвецов, охотнику за душами, властителю девяти кругов ада. Орхос стоял на тропе, преграждая девушке путь. Его глаза горели зеленым огнем. Этот взгляд заморозил Стужу, пригвоздил к месту.

Добро пожаловать, дитя.

Его губы оставались неподвижными, когда он говорил, но Стужа слышала слова. Он жестом указал на создания, копошащиеся вокруг.

Мои слуги трудятся напрасно. Они пытаются оборвать нить твоей жизни и удержать тебя здесь, чтобы ты поделила их страдания.

Стужа снова обрела контроль над своим телом.

— Они могут это сделать?

Нить оборвется, только если закроются врата.

Она сглотнула, подбирая слова, чтобы склонить бога на свою сторону.

— Властитель Орхос...

Он перебил ее.

Кинжал, который ты зовешь Жало Демона, привел тебя в этот самый низший и жуткий круг ада. Нет нужды напоминать тебе, что здесь томятся великие грешники.

Из глаз Орхоса заструился густой дым, окутавший девушку. Огненное озеро и его жалкие обитатели исчезли. Все вокруг выло затянуто плотной пеленой сырого тумана. Стужа взглянула на нить, теперь она уже не видела ее конца, как не видела и ворот, открытых ей Жалом Демона.

Орхос выступил из тумана. Пламя больше не бушевало в его зеленых глазах. Они были подернуты нефритовой поволокой.

— Где мы, господин червей?

Его мысли тихо звучали в голове Стужи, она не ждала таких речей от наводящего ужас божества.

Мы в третьем круге ада. Выше — круги награды. Ниже — наказания. Здесь я держу свой двор, куда изредка созываю души из разных мест моего королевства.

Он низко поклонился ей; дымка стала растекаться во все стороны от его руки, когда он взмахнул ею.

Дитя, ты почтила меня, отправив столько душ на мой стальной алтарь, теперь и я должен оказать тебе честь!

По знаку Орхоса из тумана выступила фигура. Стужа всматривалась в лицо появившегося. Внезапно с ее губ сорвался крик.

— Бурдрак! — Она широко распахнула руки, чтобы обнять своего друга и учителя.

Не надо, дочь моя! — прогремело у нее в мозгу. Девушку парализовало, она не могла шевельнуться. — *Ты еще жива, а они мертвы. Они не ответят на твое приветствие, ты не должна прикасаться к ним.*

Тень Бурдрака поклонилась и двинулась прочь, исчезнув в дымке, когда появился следующий призрак.

Сердце Стужи упало. Астральные слезы полились из ее астральных глаз.

— О боги, отец! — Девушку охватила дрожь, когда она увидела знакомые черты, в груди ее отца все еще зияла рана. Она обхватила себя руками, пытаясь сдержаться. Ей так хотелось еще раз оказаться в объятиях отца, поцеловать его губы, так часто рассказывавшие ей сказки, — Отец, прости меня! — взмолилась девушка. Как и Бурдрак, он поклонился, молча прошел мимо нее и исчез.

Туман расступился в третий раз. Еще не успев разглядеть лица, Стужа уже знала, кто перед ней.

— Что это за игра, властитель мертвых? — с горечью спросила она, когда мимо нее прошествовал дух брата. Его грудь была пробита. Эту рану нанесла она, Стужа.

Это не игра, дитя. — Голос Орхоса казался шепотом, далеким эхом стихающего ветра. *Ты сама отправила эти души в ад. Для них великое мучение видеть, что ты еще жива.*

Стужа встретила глазами с братом. Ее сердце было словно кусок льда.

— Молю, чтобы ты страдал больше всех, — сказала она.

Орхос согнул палец. Ее брат низко поклонился, и туман поглотил его.

— Что же за тяжкие грехи совершил мой отец? — выпытывала она. — Или Бурдрак?

Глаза Орхоса сверкнули. Он сделал шаг, и его тень накрыла девушку. Стужа вздрогнула, осознав его могущество, и вспомнила тот день, когда она, еще совсем ребенок, стоя на скалах Эсгарии, вызвала бурю на Календском море. Тогда ей было страшно, что ветер подхватит ее и унесет в бушующие волны. Орхос был подобен буре, прекрасный и наводящий ужас.

Твой отец пришел в мое царство добровольно, совершив самоубийство, — сказал Орхос сурово. — *А что до Бурдрака...* — Выражение его лица смягчилось. — *Не все круги ада для страдания.*

Стужа прикусила губу. Ее отец испытывает муки по вине собственной дочери. Слезы затуманили Стуже глаза. Если бы только она никогда не приходила в это зловещее место!

— Я отправилась сюда, чтобы просить тебя о помощи. — Девушка утерла слезы. — А вижу лишь жестокость.

Орхос кивнул, и парад продолжился. Стужа выпрямилась, готовясь его выдержать и не выказывать больше слабости.

Некоторые лица она помнила: Тан и Чейви, сыновья лорда Рольфа, из Роларофа.

Во время драки в таверне она убила одного и ранила второго. Очевидно, он умер позже. Тогда-то лорд Рольф и послал Кимона, чтобы отомстить ей. Стужа узнала еще нескольких. Она помнила, что они пали от ее меча во время сражения. Каждый кланялся ей и уходил

прочь.

Их число поразило ее. А они все шли и шли. Удивление сменилось тревогой. Скольких же сразил ее меч? Затем из тумана вышел маленький мальчик.

— Я никогда не причиняла вреда детям! — с ужасом воскликнула Стужа.

Дочь моя, по твоей вине погибло множество детей! — Гордость, звучавшая в голосе Орхоса, вызвала у нее отвращение. — *Ты убивала в войнах отцов. И обрекала матерей и детей на голодную смерть, лишив их кормильца.*

— Стервятник! Они должны были бы убить меня! — Стужа вспыхнула от гнева и стыда. Мальчик поклонился и ушел.

Ты истинная моя дочь, моя посланница, сеющая смерть повсюду, где бы ты ни появлялась. Эти души отправил сюда твой меч, либо твои приказы, либо замыслы, либо стечение обстоятельств. — Глаза Орхоса сияли, он скрестил руки на широкой груди. — *Я горжусь тобой!*

Девушка молча ожидала, пока последний призрак пройдет мимо нее с поклоном. И тут Стужа осознала одну странную вещь, от которой ее бросило в холод. Она резко повернулась к властителю девяти кругов ада.

— Где моя мать?

Орхос молчал.

— Она покончила с собой после смерти моего отца! — не унималась Стужа.

Ведьма, наделенная такой силой, которой некогда обладала ты, должна знать, что для великих чародеев смерть — лишь еще одно приключение, ключ к новым знаниям, источник магической силы.

Стужа сжала кулаки, подавив дрожь;

— Она жива?

Лицо бога стало неподвижной маской.

Ты пришла сюда за помощью, — произнес он, резко меняя тему, — *но ты серьезно разочаровала меня.*

Как? Он ответил отказом, даже не выслушав просьбы. Это было несправедливо. Ей пришлось отправиться так далеко, столько вынести, и теперь она даже не могла сказать, зачем пришла сюда.

— Если судить по твоему двору, собранному, как ты утверждаешь, в мою честь, я ни в чем тебя не разочаровала!

Демон Гел... — ответил бог. Туман неожиданно стал завихряться вокруг него, словно смерч. — *Приняв образ зеленой звезды, я вел тебя к его хозяину, ожидая, что ты убьешь этого презренного человека. Колдун заключил договор, чтобы вызвать демона.*

Стужа почти не вникала в его слова, она была потрясена двумя вещами: тем, что ее мать жива, и тем, что Орхос отказался помочь ей спасти Аки.

— Так убей его сам, — предложила она. — Или ты не настоящий повелитель мертвых?

Я связан вселенским законом, сделка была честная. Я дал согласие на то, чтобы Гел служил человеку.

Девушка покачала головой, не понимая:

— Но если Онократос заключил с тобой договор, значит, он связан теми же магическими законами.

Этот глупец нарушил договор, заключив новый с Гелом. — Голос звучал, словно раскаты грома.

— Но если им договор нарушен, почему ты держишь слово? — недоумевала Стужа. — Поступай как хочешь. Убей Онократоса и верни своего демона.

Речь Орхоса больше не была тихой, слова гремели в ее черепе, причиняя боль.

Я Орхос! Я Смерть! Я не могу нарушить своего слова, даже если оно дано смертному отродью, вздумавшему обмануть меня, или взбунтовавшемуся демону, захотевшему покинуть пределы моего вечного царства. — Он указал на нее пальцем.

Вновь Стужа вспомнила бурю на Календском море, пенящиеся валы захлестывавшие

землю, ураган, сметающий дома на берегу и забирающий жизни.

Ты должна убить колдуна для меня. Только тогда я смогу вернуть Гела.

— Нет! — воскликнула девушка, поднося руки к раскалывающейся голове. — Он мне нужен! — Стужа поспешно рассказала об Аки и Калинде, о том, что властитель хаоса держит их души в своей паутине, и о надежде спасти их. — Ты должен помочь нам еще и потому, что Гат похитил две души, которые по праву принадлежат тебе, — продолжала умолять она.

Только одну, дитя, — ответил повелитель мертвых. — *Пауки — это священные насекомые Гата. Калинда умерла от яда этих созданий, ее душа по праву принадлежит их властелину. А что до Аки, я не собираюсь вступать в битву с хаосом ради одной-единственной души.* — Орхос взмахнул рукой. — *Не заговаривай со мной больше об этом.*

Стужа почувствовала, как ее жизненная нить натянулась. Девушка оглянулась в тревоге, но ничего не увидела: нить терялась в густом тумане, а ворота были слишком далеко. Ее охватило отчаяние. Времени оставалось мало.

— А рискнешь ли ты ради пяти? — с вызовом спросила она. — И ради возвращения Гела?

Брови бога поползли вверх, выражение его лица вдруг стало человеческим.

Объясни, что ты предлагаешь.

Эти слова прозвучали в голове девушки тихо, не причиняя боли. Стужа поняла, что Орхос заинтересовался. Но жизненная нить стала дергаться, она явственно ощущала рывки.

— Состязание! — воскликнула она. — Если ты победишь, то получишь наши души и сможешь подвергнуть их любому наказанию, по собственному усмотрению...

А если выиграешь ты? — Орхос смеялся над ней, и все же он был удивлен.

Нить вибрировала все сильнее.

— Ты сразишься с Гатом за души девочек!

Его смех оглушил Стужу. Все чувства словно закружились в водовороте. На мгновение она забыла о нити, связывавшей ее с телом. Девушка зажала уши, но это не помогло.

Но кто будет состязаться? — Поинтересовался повелитель мертвых, продолжая смеяться.

— Я! — гневно ответила она. — И Трас Суртиан, и Кимон, и Онократос, и Гел! — Стужа почувствовала, как вновь дернулась нить. — Я должна идти!

Орхос вновь взмахнул рукой, отчего туман третьего круга ада рассеялся. Языки пламени девятого, самого низшего, круга ада вновь лизали серебристую нить жизни Стужи, не причиняя самой девушке никакого вреда. До Стужи донеслись крики мучимых душ. Высоко вверх она увидела дыру, зияющую в огненно-красном небе. Это были ворота. Подгоняемая страхом, она направилась туда.

Кого я должен послать сразиться с тобой? — Насмешливые слова Орхоса звучали у девушки в голове.

Врата становились все больше по мере ее приближения. Она летела так быстро, как только могла. Стужа боялась, что врата вот-вот закроются. Что станет тогда с ее бездушным телом? Будет ли она похожа на Аки?

Кого? — вновь прозвучал в голове Стужи вопрос.

— Все твое адское воинство! — крикнула она в ответ.

Жара и огонь исчезли. Стужа неслась сквозь непроницаемый мрак, следуя за светящейся нитью.

Внезапно на ее пути возник бог мертвых, он простер руку, словно для того, чтобы схватить ее.

Дочь моя, такая отвага достойна богов. Ты заслуживаешь свой шанс. — Его громадные брови нахмурились. — *Но предупреждаю тебя. Твои грехи многочисленны и тяжки.*

Это угроза была для нее не пустым звуком. Не все круги ада предназначались для наказания, как сказал ей бог. Но большинство. Стужа отогнала от себя эту мысль и полетела быстрее. Сейчас главное — успеть вернуться.

Я горжусь тобой! — еще раз прогремело в голове девушки. — *Мы еще встретимся у Врат Черепя.*

Орхос исчез, и она вновь увидела слабый свет во тьме. Это были врата. Приблизившись к ним, Стужа заглянула в комнату Онократоса, словно через окно. Тело девушки застыло в неподвижности. Гел склонился над ней. Кинжал трепетал в ее руках.

Стужа скользнула во врата и воссоединилась со своим телом.

Крик сорвался с губ Стужи. Она почувствовала мощь кинжала, который мгновенно парализовал ее волю. Гел уже почти не контролировал адское оружие. Слишком долго кинжал томился в ожидании. Сейчас он вонзится ей в сердце и утолит свою жажду. Сквозь пелену, застилавшую глаза, Стужа едва различала Траса Суртиана. Неужели тот не понял, что она вернулась в свое тело? Собрав остатки сил, Стужа взмолилась:

— Помогите...

Услышали ли они ее сдавленный хрип?

Внезапно перед ней возникло лицо Кимона. Он схватил ее руки. И кинулся на лезвие.

— Нет! — закричала она, хотя ее губы не издали ни звука.

В отчаянии она рванула кинжал в сторону. Острие прошло мимо сердца, и клинок вонзился по рукоять в грудные мышцы юноши. Рот Кимона искривился в беззвучном крике, глаза расширились от ужаса, и он упал.

Кровь залила его тунику. Лицо Кимона исказилось от боли, но глазами он искал Стужу. Девушка опустила на колени рядом с ним и выдернула кинжал. Он схватил ее за рукав. Его взгляд остановился, голова упала набок, и веки сомкнулись.

Он любил тебя больше жизни, дочь моя...

Стужа в ужасе поднесла ко рту юноши руку и отшатнулась. Губы Кимона двигались, однако голос принадлежал вовсе не ему, а властителю ада.

Его грехи черны, но он пошел на смерть ради тебя. Поминай его в своих песнях. Спой о том, как отец ненавидел прилюдного щенка, а мать умерла от стыда после его рождения. Из ребенка воспитали убийцу, наемника, который шел по рекам крови. — Голос Орхоса смолк, и на губах Кимона выступила алая пена. Повелитель мертвых продолжил мгновение спустя: — *Только ты, дочь моя, единственная из всех, кого он знал, выказала ему доверие и подарила любовь. Он видел твою преданность товарищам и хотел разделить ее. Однажды он пытался убить тебя за звонкие монеты. Но вместо этого отрекся от своего прошлого, получив гораздо более ценное сокровище.*

Вновь наступила тишина. Стужа дрожала, охваченная отчаянием, она была не в силах пошевелиться. Губы Кимона раскрылись.

Я могу забрать его прямо сейчас, — произнес бог. — *Как и ты, он хорошо послужил мне, и я горжусь им.*

Голос смолк. Стужа медленно поднялась с колен. Напившийся крови кинжал упал на пол. Рука девушки, залитая кровью Кимона, дрожала. Стужа смотрела на нее с глубоким ужасом: разве это ее пальцы?

Она услышала грохот. Гел в изнеможении рухнул на пол. Онократос вошел в треугольник и поднял кинжал.

— Нет! — закричала она, выбивая оружие из рук колдуна.

Кто-то нежно, но крепко обнял ее за плечи. Она почувствовала на своей шее частое теплое дыхание, услышала тихие слова утешения.

— Трас! — воскликнула Стужа. В ее голове хаотично проносились обрывки мыслей. — Помоги мне! — молила она. Но затем резко оттолкнула его. — Не прикасайся ко мне! — Она вновь уставилась на свою окровавленную руку, затем перевела взгляд на валявшийся на полу кинжал и тело Кимона. Горящие жаровни напомнили ей адское пламя. — Трас... — Гел у ног Стужи слабо пошевелился и поднял на нее глаза. — Трас!

Коркирец подошел к ней, чтобы поддержать, но она рванулась от всех прочь. Стужа пятилась, пока не уперлась спиной в стену. Плечом она задела ставень западного окна. Она повернулась и распахнула его. Солнце багровым шаром опускалось за горизонт. Наступала

ночь.

Стужа кричала без остановки, пока чернота не поглотила все вокруг.

Глава 13

Демоны атаковали со всех сторон. Она выхватила свой меч, но слишком поздно. Он растаял как по волшебству, жидкий метал потек по ее рукам. Когти рвали ее плоть. Ядовитые клыки вонзались в горло. Обитатели ада тащили беспомощную жертву за собой вниз. Оборванный конец ее жизненной нити хлестал обжигающий воздух. Крики превратились в жуткое бульканье, когда они окунули ее голову в кипящее пламя озера. Кожа слезла с черепа.

Внезапно они отпустили ее. Стужа подняла голову, чтобы сделать вдох: демоны исчезли, она издала радостный крик. Орхос заполнял небо своим присутствием, его смех звучал у нее в ушах. Она воздела к нему руки, решив, что спасена. Но смех стих; улыбка превратилась в оскал. Он занес над ней свою огромную ступню. Стужа закричала. Когда она стала опускаться все ниже и ниже...

Стужа резко села, обливаясь холодным потом и дрожа. Ее волосы прилипли к лицу. Одеяло было липким и влажным. Ночные кошмары все еще горели у нее в мозгу.

Чья-то тень зашевелилась в тени у изножья кровати. Девушка подняла руки, словно для защиты, в горле застрял крик. Но тут свет единственной горевшей в комнате свечи упал на седую бороду коркирца.

Трас Суртиан склонился над Стужей. Она обвила руками его шею, притянула к себе, уткнулась в широкую грудь, пряча заплаканное лицо.

— Трас! — воскликнула девушка. — Я заключила такую страшную, безумную сделку! Мне хотелось быть храброй! — Слова хлынули бурным потоком. — Но когда я почувствовала, что нить, связывавшая меня с жизнью, натянулась, то запаниковала. Я уже ничего не воображала! — Она резко оттолкнула его — Трас, мы должны были подготовиться, составить план заранее! Тебе даже не вообразить, каково там! — Она прижала кулаки к глазам. — Я не могу отделаться от этого воспоминания, Трас! Видения преследуют меня повсюду!

Старик взял ее за руки, снова притянул к себе и ласково погладил по волосам.

— Все закончилось, — сказал он. — Ты справилась.

Тени плясали на стенах и потолке. Девушка смотрела на их танец, прикусив губу.

— Нет, не закончилось, — тревожно прошептала Стужа. — Все только начинается.

Слезы текли по ее щекам. Когда глаза высохли, она отстранилась от старого друга.

— Мне нужен свет, — сказала она решительно. — Как можно больше света. Я не могу сейчас выносить темноты.

Трас распахнул ставни единственного окна. Небо было темно-синим. Лишь на западе алела узкая полоска. Бледный лунный серп поднялся над горизонтом. Старый солдат зажег

две свечи.

— На той полке есть еще, — сказала Стужа, вспомнив, где Онократос хранит запас свечей.

Стужа натянула одеяло на плечи, Трас Суртиан зажег три новые свечи. Но их свет не ободрил девушку. Ей было стыдно. Она считала, что закалила себя, справилась со всеми женскими страхами, стала солдатом, наемником, привычным к сражениям и борьбе, готовым к смерти.

Однако сейчас она боялась и не отрицала этого. Холод поднимался по спине, Стужа не могла подавить дрожь.

— Еще свечей, — попросила она, ненавидя жалобные нотки, звучавшие в собственном голосе. — Лампы, что угодно. Больше света! — Но в комнате не осталось свечей, и когда Трас поспешил к двери, ужас охватил ее с новой силой. — Нет! — закричала она. — Света хватает, Трас. Просто останься со мной, пожалуйста.

Глубокие морщины прорезали лоб Траса. С отеческой заботой старый капитан откинул со лба девушки длинные волосы. Но он избегал встречаться с ней глазами.

— Пожалуйста, — попросила Стужа. — Я просто не хочу сейчас оставаться одна. — Она положила голову ему на плечо, но его руки были прижаты к бокам. Стужа не могла этого не заметить.

Чувствуя неловкость, она резко сменила тему:

— Как Кимон?

Трас Суртиан покачал головой:

— Он потерял много крови. Вероятно, должен был умереть, но этот адский питомец Онократоса сумел каким-то образом сделать так, чтобы рана зажила.

Стужа попыталась заглянуть Трасу в глаза, но ей это не удалось.

— Значит, все хорошо?

Старик долго ничего не отвечал, воздух со свистом вырывался из его легких.

— Твой друг без сознания, — тихо ответил коркирец. — Не шевелится. — Трас поднялся и шагнул в дальний угол комнаты, скрестив руки на груди и опустив голову. — Я ненавидел его, — признался он через некоторое время. — Я и сейчас должен ненавидеть его за ту роль, которую он сыграл в похищении Аки.

— Но ведь ты больше не испытываешь к нему ненависти? — спросила она, почувствовав его колебание.

— Как я могу после той жертвы, которую он принес, вонзив себе в грудь этот твой ужасный кинжал? — Он резко повернулся к ней, его лицо пылало от гнева. — И чем ты отплатила за его жертву?! Сидишь и скулишь здесь!

Его обвинения были для нее словно пощечина.

— Любой другой мужчина извинил бы твою слабость, понимая, что ты женщина, — продолжал он, потрясая кулаком. — Но я-то отлично тебя знаю!

— Ты ничего не знаешь! — воскликнула она, защищаясь. — Ты еще не знаешь, какую ужасную сделку заключила я с Орхосом.

— И не хочу знать, — резко ответил Трас Суртиан. Он пересек комнату тремя широкими шагами и оказался перед ней. — Я сам натерпелся страху за время этого путешествия, женщина. Я видел и делал такие вещи, за которые по нашей вере моей душе грозит вечное проклятие. — Он приставил палец к ее груди. — Ты научила меня, как сохранять мужество перед лицом неведомого. Ну так покажи пример сама!

— Но ведь и тебе страшно... — слабо защищалась Стужа.

— Перестань, — перебил он ее. — Те ужасы и чудеса, которые мне пришлось увидеть, потрясли меня до глубины души, расшатали основание, на котором зиждилась вера моих предков. Ты была в центре круга, но один миг... Всего несколько ударов сердца, прежде чем Гел потерял контроль над кинжалом. Потом ты стала кричать так, что чуть не выплюнула свои легкие, Кимон лежал на полу истекая кровью, а огромный черный дьявол без сознания у твоих ног, холодный как лед. — Трас замолчал и сглотнул слюну. — Вероятно, ты пережила

нечто ужасное. Но паника и жалость к себе сейчас непозволительная роскошь. Если ты не сможешь взять себя в руки, все наши мучения окажутся напрасными, и Аки будет потеряна навсегда.

Его слова причиняли острую боль. Стужа искала у него утешения, но Трас был непреклонен. Слезы вновь навернулись у нее на глазах, но под суровым взглядом старика она не дала им воли. Стужа медленно поднялась с постели, завернувшись в одеяло.

— Где моя одежда? — наконец спросила она.

Трас Суртиан глубоко вздохнул. Затем на его лице расплылась улыбка, он потряс головой. — Сохнет, — ответил он. — Я выстирал ее, ты... — Трас сделал паузу, смущенно облизал губы, — ...перепачкалась, пока спала.

Девушка вспыхнула, чувствуя, как горят ее щеки:

— А как насчет оружия?

Он указал на стол.

— Твой меч здесь. И эта другая штукавина тоже. — Стужа знала, что Трас имел в виду Жало Демона. — Онократос хотел осмотреть его после того как ты потеряла сознание. Я чуть не сломал ему руку, чтобы вырвать оружие. Без своего демона колдун мало на что годится.

Стужа надела пояс. Повесила на него кинжал и меч. Металл охлаждал кожу. Девушка завернулась в одеяло, как в плащ.

— Не стоит его недооценивать, — предупредила она. — Онократос не просто колдун, он очень могущественный колдун. — Она завязала сзади волосы. Диадема с лунным камнем лежала на столе. Стужа надела ее на голову, чтобы убрать непослушные вихры. — Теперь я почувствовала, как голодна. Давай поищем что-нибудь поесть, а потом я хотела бы увидеть Кимона. — Она сжала плечо своего старого друга. Лунный луч упал на обнаженную руку, и ее кожа цвета слоновой кости засияла. Сверкнула рукоять меча на поясе. — Но вначале мне нужно тебе кое-что показать, — тихо сказала она. — Думаю, теперь ты сможешь это вынести.

Стужа взяла свечу и велела ему сделать то же самое. Освещая себе путь, девушка вышла за дверь и повела Траса Суртиана по лабиринту коридоров, а затем сквозь непроглядную темноту вниз по лестнице, в подвал, где ее величество королева Коркиры ползала на карачках в поисках насекомых, которых с жадностью поедала.

* * *

Стужа тихо вошла в комнату, где лежал Кимон, и Трас Суртиан последовал за ней. Гел, совершенно оправившийся после опытов с кинжалом, стоял над кроватью, внимательно осматривая недвижимого человека. Он кивнул, приветствуя вошедших.

— Седая борода, — обратился он к Трасу Суртиану, — ты бледен как покойник.

Трас не ответил. Он не произнес ни слова с тех пор, как они со Стужей вышли из подвала, где находилась Аки. Но насмешливый взгляд демона он встретил холодно, и, к удивлению Стужи, Гел первый отвел глаза.

Девушка подошла к постели Кимона. Это тоже были голые деревянные доски, но кто-то подложил ему под голову свернутое одеяло.

— Как он?

— Не знаю. — Гел пожал плечами. — Рана затянулась. Человек должен быть здоров. — Он медленно поднял на Стужу глаза. — Что с ним?

Девушка не ответила на вопрос и, взяв руку Кимона, присела на край кровати. По крайней мере его рука была теплой. Она подняла по очереди веки юноши, Стужа видела, что так делали врачи на полях сражений. Затем откинула одеяло, чтобы осмотреть грудь. От раны не осталось и следа, — в том месте, куда вошел кинжал, не было видно даже шрама.

— Это была смертельная рана.

Стужа обернулась на новый голос. Онократос закрыл за собой дверь.

— Если бы Гел не оправился вовремя, твой юный друг был бы уже мертв. — Колдун указал на кинжал, висевший у девушки на бедре. Стужа и не заметила, что одеяло на ней распахнулось. — Я разгадал природу этого оружия, оно посылает души своих жертв прямоком в девятый круг ада независимо от того, заслуживают они подобное наказание или нет. — Онократос принял позу мыслителя. — Я полагаю, что в этот краткий миг между жизнью и смертью Кимон увидел свою участь. И, не в силах принять ее, разум его помутился.

Стужа вздрогнула, перед ее глазами вновь возникло огненное озеро и создания, обреченные провести там вечность. Но во время своего путешествия она черпала мужество лишь в том, что связана с миром живых и может вернуться туда, когда пожелает.

Неужели Кимону пришлось заглянуть в ад без такой страховки? Девушка вновь вздрогнула и прикоснулась к щеке юноши.

— Возвращайся к нам, — прошептала она. — Все хорошо. Возвращайся.

Стужа поднялась, проклиная Жало Демона и уже в который раз давая себе слово уничтожить его при первой возможности.

— Мы можем оставить его одного? — спросила она Онократоса, наконец совладав со своим гневом.

Тот склонил голову к плечу:

— Почему нет? Мы не в силах ему помочь. Кимону придется самому выбираться из мрака.

Девушка направилась к двери.

— Нам нужно поговорить, — сказала она. — Прямо сейчас. — После короткой паузы Стужа продолжила: — Пришло время всем вам узнать, что ждет нас впереди. — В дверном проеме она остановилась, в нерешительности посмотрела направо, затем налево. Стужа выучила, куда ведут лишь некоторые коридоры, в основном же дом Онократоса по-прежнему казался ей замысловатым лабиринтом, выход из которого невозможно отыскать. Она подняла руки, словно сдаваясь. — Кто-нибудь может вывести нас отсюда?

Онократос проводил их в столовую. Внезапно Стужа вспомнила, как голодна, и потеряла живот. Дорогу ей преградил сломанный стул, свидетельство недавней драки. Стужа оттолкнула его, перевернула скамью и села к столу. Она оперлась на локти и обвела взглядом присутствующих, когда те заняли свои места за столом. Посмотрев на хозяина дома, Стужа спросила:

— Что-нибудь из съестного осталось?

Онократос кивнул Гелу. Демон вышел через высокие двойные двери и исчез в коридоре. Вскоре он вернулся с тугим свертком и с блюдом, на котором лежало холодное мясо.

— Что это? — поинтересовался Онократос.

Демон поставил блюдо на стол, а сверток отдал Стуже. Их глаза встретились.

— Нагота идет тебе, — ответил он, подмигивая девушке.

Стужа принялась развязывать сверток. Она восхищенно покачала головой: туника, штаны, пояс и мягчайшие сапоги — все было сделано из тонкой черной кожи. Когда она развернула это богатство, ей показалось, что одежда слишком велика. Но это гораздо лучше, чем ничего, решила Стужа. К ее изумлению все подошло.

— Превосходно! — воскликнула Стужа. Трас Суртиан провел пальцем по рукаву с одобрительной улыбкой.

— Это было глупо.

Резкость в голосе волшебника испугала девушку, но он обращался не к ней, а к Гелу. Лицо Онократоса было искажено яростью, такие приступы гнева были у него нередки. Стужа потянулась к мечу и быстро подпоясалась.

Демон смерил своего хозяина ледяным взглядом. Стуже вдруг почудилось, что Гел сделался еще больше, когда склонился над стариком. Она моргнула, и иллюзия рассеялась. Гел повернулся к Онократосу спиной, странно улыбнулся и искоса взглянул на нее.

Но Онократос не стерпел такой дерзости.

— Проклятое адское отродье! — взбесился он и заступил демону дорогу, потрясая кулаком. — Мы не можем позволить себе таких бессмысленных трат. Запомни, что я сказал!

Стужа нахмурила брови. О каких еще тратах он говорит? Она почувствовала, как вскипает ее гнев, и ей даже пришлось сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться. Однако было ясно, что у Онократоса все еще есть от них секреты.

Девушка подняла Жало Демона и повесила его на пояс. Затем направилась к Гелу, оттолкнув плечом Онократоса.

— Он что-то скрывает, — сказала она. — Что именно?

— Молчи! — закричал Онократос и топнул ногой.

Гел посмотрел на нее долгим внимательным взглядом, потер подбородок. Затем презрительно взглянул на волшебника и ответил:

— Я постепенно...

Его хозяин пришел в бешенство.

— Заткнись! — заорал он.

Демон не обратил на него внимания.

— ...теряю силу, — продолжил он не моргнув глазом.

Она задержала дыхание:

— О боги!

Онократос швырнул в него кубок, тот ударился о черное плечо демона, не причинив ему ни малейшего вреда.

— Неповиновение! Наш договор...

— По нашему договору я должен помочь тебе вернуть Калинду. — Гел смерил его бесстрастным взглядом. — Не более.

— Ты теперь как кувшин с водой, — едва слышно пробормотал Онократос. — С каждым разом твои силы тают. Исцелить раненого это одно, но создавать одежду, особенно когда у нее есть своя...

— Это и есть ее одежда. — Демон пожирал Стужу глазами, и девушку снова бросило в жар. — Я только изменил ее. Улучшил материал и фасон. Разве ей не доставляет удовольствия носить такую одежду? — Он кивнул и ухмыльнулся. — Я вижу, что она довольна.

— Объясни, почему ты слабеешь, — вмешалась Стужа в их с Онократосом спор.

Лицо Гела потемнело, морщины прорезали лоб.

— Полагаю, что это из-за вас, — мрачно ответил он. — Чем дольше я нахожусь в мире смертных, тем больше испытываю человеческих эмоций. — Он не сводил с нее глаз. — Я испытываю вожеление, — признался Гел. Затем указал на Онократоса. — И научился презирать. — Колдун погрозил ему кулаком, но демон не обратил на него внимания. — Чем сильнее становятся эти чувства, тем больше я слабею.

Трас Суртиан подвинулся ближе.

— Поэтому ты упал без сознания в святилище?

Гел кивнул:

— С каждым прожитым днем я теряю силы, и если я применяю магию, процесс ускоряется. Кимон едва не умер, прежде чем я смог излечить его рану.

Стужа оперлась о край стола и низко опустила голову:

— Можно как-то остановить это?

Гел пожал плечами:

— Я уже заражен. Чем дольше я нахожусь среди людей, тем больше похожу на вас, и мои силы тают.

Девушка взвешивала свои возможности, пока Трас Суртиан забрасывал демона вопросами. Онократос молча сидел на скамье, мрачно оглядывая всех троих. Наконец Стужа выпрямилась.

— Нам нужно торопиться. — Она указала на блюдо с мясом. — Ешьте, пока я буду

объяснять. Вам, скорее всего, не понравится то, что вы услышите сейчас, но не перебивайте меня. — Онократос остался недвижим. — Это касается и тебя, колдун. Неизвестно, когда нам удастся поесть в следующий раз. А силы нужны будут всем.

К концу ее рассказа мужчины смотрели на девушку с ужасом.

Онократос выплюнул мясо, которое жевал, и закричал:

— Так ты хочешь сказать, что мы впятером должны будем сразиться с таким же числом демонов Орхоса? Он ударил кулаком по столу. — Ничего лучше ты придумать не могла?

Трас Суртиан старался говорить спокойно, но не мог скрыть своих сомнений:

— Если мы победим, сама Смерть будет сражаться за души детей. — Капитан сжал губы и указал на Гела. — У него есть шанс, несмотря на слабость. Но каким оружием против адского воинства будем сражаться мы?

— Мои силы быстро убывают, — подчеркнул Гел.

— Но все же не совсем покинули тебя, — перебила его Стужа. — К тому же у нас есть это, — она хлопнула по рукояти Жала Демона, — и это. — Стужа достала драгоценный талисман, подаренный Уной.

Онократос только презрительно фыркнул, глядя на рубин:

— Он защитит, но тебе нужно оружие, которым ты сможешь сразить посланцев Орхоса. Одного кинжала мало, если мы хотим победить в этом состязании.

— Но ведь ты могущественный чародей и колдун, — парировала Стужа. — Ты должен использовать свои знания. К тому же у нас есть мечи. Демоны Орхоса должны материализоваться, чтобы причинить нам вред, а все телесное уязвимо.

Онократос только усмехнулся.

— Ты забыла математику, женщина, — сказал Трас, упершись подбородком в кулак. — Ты поклялась за пятерых. — Хорошо, я вступлю в бой ради спасения Аки. Они, разумеется, за Калинду. А как насчет Кимона? Если ему суждено умереть или он откажется сражаться, что тогда?

— Если только он будет в силах, он не откажется биться. Хотя бы ради меня. — Стужа посмотрела на демона. — А ты не дашь ему умереть.

Гел покачал головой:

— Я могу поддерживать его жизнь, но не могу вернуть душу в его тело.

— Он вернется! — воскликнула девушка. — Даже если нам придется тащить его к Вратам Черепа на спине; когда настанет час, он будет с нами. Должен быть! — Стужа надеялась, что ее убежденность передастся товарищам. — Кстати о Вратах Черепа, — сказала она, обводя всех взглядом. — Кто знает, где они находятся?

* * *

Розовато-лиловый вечер уступал место ночной тьме. Стужа наблюдала, как последние солнечные лучи лежат светлыми полосами на мягких одеялах. Тихое радостное ржание привлекло ее внимание. Трас Суртиан кормил и чистил свою лошадь и лошадь Кимона. Гел трудился рядом с ним, готовя гнедую кобылу Онократоса и двух серых мерин, которые должны были тащить повозку. Стужа вернулась к своему занятию, она стелила постели для Кимона и двух девочек, которые должны были ехать в повозке. За местом возничего она сложила запасы еды и бутылки с водой. Утром они тронутся в путь.

Когда Стужа вернулась в дом, было уже темно, так что дорогу себе она освещала факелом. Онократос попрощался со всеми задолго до захода солнца, и с тех пор его не видели. Стужа направилась напрямик в свою комнату; Трас Суртиан последовал за ней. Она зажгла свечи и посмотрела ему в лицо.

— Работа еще не закончена, — тихо, почти шепотом произнесла девушка.

На его лице отразилось недоумение.

— Провизия упакована, лошади готовы, оружие начищено и заточено. Что еще?

Стужа приложила палец к губам, прося его говорить тише.

— Стального оружия нам будет недостаточно. — Она закрыла глаза, страшась того, что им с Трасом предстояло сделать. — Нам нужно кое-что еще.

Трас Суртиан начал мерить шагами комнату:

— Если это колдовство, так и говори.

Стужа кивнула:

— Хорошо. Это колдовство.

— Тогда уволь меня. — Коркирец резко взмахнул рукой. — Оставь эту работу нашему хозяину и его питомцу.

— Ни за что! — прошипела она. — Ты бы доверил чужаку наточить свой меч? — Она подошла к столу и оперлась на него. Тень выросла на стене за ее спиной. — Мы сами привыкли следить за своим оружием — и ты и я. Так нас научили. Поэтому оно всегда готово, когда приходит час обнажить его.

Трас Суртиан хитро посмотрел на нее:

— Ты говорила, что перестала быть ведьмой и не можешь больше колдовать.

— Я потеряла свою силу, но не знания. — Стужа потерла виски и подмигнула ему. — Помнишь Марашай и Руку Славы? Ее изготовила Уна, а я лишь руководила. А теперь я буду руководить тобой.

Трас явно заинтересовался.

— А Рука подействует на демонов Орхоса? — Он задумчиво потер подбородок. — Это в самом деле было бы отличное оружие!

Стужа отрицательно замотала головой:

— К сожалению, нет. К тому же у нас не хватит времени, Руку Славы сделать не просто. И потом, я думаю, тебя вывернуло бы наизнанку от такой работенки.

— Тогда что же? — нахмурился Трас.

— Нечто гораздо более простое, но, возможно, в нашей ситуации не менее действенное. — Она позволила себе улыбнуться. — Ваши коркирские священники называли бы это святой водой.

Трас Суртиан удивленно поднял брови.

— Ты можешь сделать святую воду? — спросил он. — Священники утверждают, что это великое таинство.

— К черту священников. — Она скорчила гримасу и сплюнула. — Я не могу, но ты сможешь, следуя моим указаниям.

Трас засунул большие пальцы за ремень и вздохнул:

— Если это поможет Аки, я готов. Когда приступим?

— Как только нам удастся пробраться в святилище Онократоса.

— А он не будет возражать?

Она взяла свечу и открыла дверь в темный коридор, посмотрела по сторонам и кивком подозвала капитана.

— Я даже не хочу, чтобы он об этом знал, — шепнула Стужа.

Глава 14

Яркое утреннее солнце заставило Стужу сощуриться, когда она вышла из полутемного дома и вдохнула свежий воздух. На траве блестели капельки росы — вскоре дневной зной высушит их.

Онократос ждал у повозки. Рядом стояли три лошади, привязанные к одному колесу. Колдун прикрыл рукой глаза и приветствовал девушку.

— У нас уже достаточно воды, — сказал он, указывая на бутылку, которую Стужа несла в заплечном мешке.

— Небольшой запас никогда не помешает, — спокойно ответила она, оглядываясь. — Где остальные?

Еще до того как Онократос успел ей ответить, она услышала шаги. Гел нес Калинду на своих широких плечах. Трас Суртиан появился с Аки. Казалось, что обе девочки заснули. Их осторожно положили в повозку на мягкие постели.

Стужа посмотрела на них, перегнувшись через борт, затем сжала плечо Траса Суртиана.

— Они слишком спокойные, — сказала она.

— Простое заклинание, чтобы с ними было легче в пути, — вступил в разговор демон. — Иначе их пришлось бы связать.

Стужа призналась себе, что подобная мысль не приходила ей в голову. Это все намного упрощало. Она посмотрела на два свернувшихся калачиком тельца.

— Для Кимона тут осталось мало места.

— Он сказал, что поедет верхом, — объявил Трас Суртиан, улыбаясь.

Девушка закрыла глаза, шепча благодарственную молитву эсгарийским богам:

— Когда он очнулся?

Коркирец почесал бороду:

— Когда я пришел проводить его на рассвете, Кимон уже сидел в постели.

Стужа наклонилась к капитану и тихо спросила:

— С ним все в порядке?

— Почему бы не спросить у него самого? — громко, чтобы все могли слышать, ответил Трас Суртиан. Он взглядом указал ей через плечо. Она обернулась.

— Самидар! — Кимон слабо улыбался, подходя к ним. Он все еще был бледен, к тому же он заметно похудел после трехдневного поста. Тем не менее держался юноша по-прежнему прямо и с достоинством. Он подошел к Стуже и поцеловал ей руку.

Она сделала глубокий вдох, ощутила тесноту в груди. С некоторым испугом Стужа осознала, что так и не разобралась в своих чувствах к Кимону. Она заняла свои мысли другими проблемами. По правде говоря, это было несложно.

Стужа взглянула в синие глаза Кимона, и вновь ощутила, как легко было утонуть в них, навсегда потеряв сердце в теплой глубине.

Юноша хотел что-то сказать, но Стужа приложила к его губам пальцы. Ее руки

обвилились вокруг шеи Кимона, она притянула к себе его голову. Их щеки вспыхнули; тепло его тела зажгло в ней огонь. Затем девушка торопливо поцеловала его и отстранилась.

— Сейчас есть куда более неотложные дела, — сказала она ему. — Но потом нам надо будет поговорить наедине.

— Извините, что прерываю столь нежную сцену. — В голосе колдуна слышалось беспокойство. — У всех, кроме тебя, женщина, есть лошади. Ты намерена идти пешком?

Стужа посмотрела на Кимона долгим взглядом, затем отвернулась, вложила два пальца в рот, и воздух огласился пронзительным свистом.

Онократос засопел.

— Я впечатлен, — сказал он. — Но никогда раньше не видел, чтобы кому-нибудь удавалось оседлать свист.

— Закрой рот, старик, и открой глаза, — вступился за нее Трас Суртиан.

Онократос вспыхнул и замаяхнулся на капитана кулаком. Спокойное выражение сползло с лица коркирца. А гнев волшебника утих так же быстро, как вспыхнул. Наконец он посмотрел туда, куда указывал Трас.

Вдали появилась черная точка, принимая по мере приближения знакомые очертания. Стужа свистнула во второй раз.

— Это Ашур, — сообщил Трас Суртиан волшебнику. — Ее конь.

— Как он может слышать свист на таком расстоянии? — удивленно спросил Кимон.

— Он слышит, — ответил Трас Суртиан. — Он всегда слышит.

Стужа улыбнулась словам старого друга. Он учился, успехи были налицо. Вчера он действовал без сомнений и колебаний, беспрекословно выполнял все ее указания, как бы ни противоречили они его прежним убеждениям. Он уже не был тем человеком, с которым она познакомилась в Марашаи.

— Онократос, при всем твоим могуществе обладаешь ли ты истинным зрением?

Колдун пожал плечами, не пожелав ответить. И девушка поняла, что нет.

Стужу интересовал Трас Суртиан. Коркирец многому научился за последние недели. Насколько углубилось его понимание?

— Трас, посмотри внимательно. Что ты видишь?

Капитан прищурился, глядя на приближавшегося Ашура.

— Я не уверен, — ответил он. — Я знаю твоего Ашура, я сам его чистил и расчесывал. Но иногда мне кажется, что я вижу не все. — Он прикрыл глаза от солнца. — Я помню дыру в груди того солдата у ворот Марашаи. Это не укладывается в голове.

Стужа повернулась к демону:

— Гел, а ты что видишь?

— Я вижу то, что вижу, — был его ответ. Но девушка заметила, что демон не сводит глаз с приближающегося зверя, его губы приоткрылись. Оказывается, даже демонов можно удивить.

— Ты можешь сделать так, чтобы они увидели тоже? — спросила она, подходя к нему.

Проницательный взгляд его черных глаз скользнул по ней. Стужу вновь обдало волной тепла, она испытывала это ощущение всякий раз, когда находилась рядом с Гелом. Сделав усилие, Стужа подавила дрожь и повторила вопрос.

— Это потребует расхода силы, — медленно ответил он.

Она все тщательно взвесила и приняла решение.

— Насколько большого?

Демон пожал плечами. С быстротой, которую трудно было ожидать от такого огромного существа, он коснулся глаз Онократоса и Траса Суртиана. Но Кимон, не понимая смысла происходящего, увернулся от рук демона и отскочил назад, наполовину обнажив меч.

— Кимон! — воскликнула Стужа, становясь между ними. Юноша недоуменно смотрел то на нее, то на демона. Девушка взялась за рукоять его клинка и толкнула обратно в ножны. Кимон не сопротивлялся, осознавая, что сделал что-то не то. — Позволь ему прикоснуться к

тебе, — велела Стужа. Он кивнул. Гел аккуратно прижал большой и указательный пальцы к его векам. — А теперь все посмотрите на Ашура. Я хочу, чтобы вы увидели.

Кимон открыл рот от изумления, точно так же, как Трас Суртиан и Онократос, которые не сводили глаз с Ашура, не замечая ничего вокруг. Зверь подошел к Стуже, просунул ей под руку свой огромный рог и стал игриво толкать хозяйку. Она тихонько похлопала его по носу.

— Покажи себя! — приказала Стужа.

— Его глаза! — воскликнул Онократос. — Они в самом деле...

Стужа махнула рукой, велев ему замолчать.

— Я хотела, чтобы все увидели это, — сказала девушка. — И обрели надежду. И у нас есть резервы. Если мы будем разумно использовать их, то, вероятно, сможем устоять против воинства Орхоса. — Она погладила Ашура по гриве. — Сейчас больше никаких вопросов. Онократос, показывай путь.

Волшебник сглотнул, стараясь вернуть себе хладнокровие, и указал на запад.

— Скодулак — это остров в Дирском озере. Именно там находятся Врата Черепа. — Он утер губы. — Больше я пока ничего не скажу, увидите их сами. — Он вновь перевел взгляд на Ашура. — Думаю, это представление доставило тебе особенное удовольствие.

Стужа, не ответив, вскочила Ашуру на спину.

— Что случилось с твоим седлом? — удивился Трас Суртиан. — И уздечкой? Когда я видел Ашура в последний раз, все было на месте. На седле могла расстегнуться подпруга, но как он освободился от сбруи?

Стужу не беспокоили эти мелочи. Скакать верхом на подобном создании, называть его своим было для нее огромным счастьем. Она отлично скакала верхом. Одной рукой Стужа погладила Ашура между ушей, другой схватила за его густую длинную гриву.

* * *

Некоторое время они ехали молча. Заброшенные поля старого поместья сменились пустынной каменистой равниной, а за ней потянулись холмы. Дороги не было, и путешественники ориентировались лишь по указаниям Онократоса.

Поднялся легкий ветерок, разметавший волосы Стужи. Тишину нарушали только стук копыт да скрип колес. Нынешнее путешествие так разительно отличалось от дороги до дома Онократоса, когда они с Кимоном пели песни и читали стихи. Девушке очень хотелось, чтобы Кимон и сейчас затянул какую-нибудь веселую песенку. Но его мысли были где-то далеко, а сосредоточенный взгляд юноши был устремлен к горизонту.

Когда солнце достигло зенита, они сделали привал, чтобы дать лошадям немного отдохнуть и напиться из небольшого ручейка. Трас Суртиан следил за животными, не позволяя им слишком много пить или переест мягкой травы.

Стужа пошла к повозке, чтобы проверить, как девочки. Они спокойно спали под действием заклинания, но жаркое солнце уже подрумянило их бледные худенькие личики. — Мы можем сделать какой-то навес? — спросила девушка Онократоса.

— Я что-нибудь придумаю, — кратко ответил он и принялся натягивать над повозкой свой плащ.

Стужа поднесла к губам бутылку, чтобы сделать пару глотков, и тут заметила Кимона, стоявшего несколько в стороне. Она подошла к нему и протянула воду. Когда юноша повернулся, Стужа увидела, что одной рукой он трет грудь.

— Все еще болит? — прошептала она, нахмурив брови. — Я думала, Гел вылечил тебя.

— Да, рана затянулась, — ответил Кимон. — Мне не больно, но я все равно чувствую это место. Знаешь, это как сломанная нога, кость срослась, но в сырую погоду ты ее все равно чувствуешь.

Девушка кивнула и неожиданно для себя протянула руку и погладила то место на груди Кимона, куда вонзился Жало Демона. На нее нахлынули стыд и сожаление, язык словно прилип к небу. Стужа не могла произнести ни слова.

— У меня были видения, — внезапно признался юноша. Его глаза впились в лицо девушки. — Если бы только это были видения! — Кимон зажмурился, его била дрожь, костяшки на сжатых кулаках побелели. — Жуткие черные твари вгрызались в мое тело. Раздирали плоть, тянули вниз! — Он прижал кулаки к векам и стал яростно тереть их. — Огонь! Везде огонь! Словно море!

Стужа сжала его запястья, оторвала руки от лица, обняла юношу, притянула к себе, уткнувшись лицом ему в плечо. Она чувствовала, как Кимон дрожит; слышала, как бьется его сердце совсем рядом с тем местом, где недавно зияла рана. Страшное одиночество вновь захлестнуло ее.

— Я знаю! — утешала она его. — Я тоже видела все это! — Она погладила юношу по голове, ее рука скользнула по напряженным мышцам шеи.

— Там была чернота и бездонная зияющая пропасть, — прошептал он Стуже на ухо. — Я ничего не видел и не чувствовал. Не мог пошевелиться. — Его руки сомкнулись на ее талии, он обнял девушку с такой силой, что она чуть не вскрикнула. — Затем я услышал твой голос. Ты просила: «Вернись, Кимон». — Он неожиданно отпустил ее и сделал шаг назад. В его ясных синих глазах бушевала буря. — И я вернулся, — сказал он. — Пришел на твой зов.

Стужа моргнула, не в силах вымолвить ни слова.

Кимон перестал дрожать и вновь овладел собой. Он спокойно посмотрел на девушку, ярость, сверкавшая в его глазах, погасла.

— Я делал то, что должен был делать, чтобы выжить в этом мире, Самидар. Иногда мне приходилось убивать. Я этого не стыжусь.

— Ты пытался убить меня, — напонила она ему. — Как я могу забыть это?

— Я рад, что у меня не вышло, — ответил Кимон и печально покачал головой. — Прежде со мной такого не случалось. — Он бросил взгляд в сторону повозки. — Мне жаль, что пострадала Аки.

— На самом деле ты не виноват, — сказала Стужа, глубоко вздохнув. — Теперь я это понимаю. Хотя Гел и утверждает, что его силы тают, месяц назад он был гораздо могущественней. Я сомневаюсь, что смогла бы его остановить.

Кимон шагнул к девушке; его пальцы погладили ее щеку.

— Я люблю тебя, Самидар. Когда я был... — Он запнулся. — В аду, я выкрикивал твое имя снова и снова. Я не хотел оставлять тебя. — Его рука погладила плечо девушки, скользнула вниз, их пальцы переплелись. — Я не могу потерять тебя, — страстно произнес Кимон. — Я тебя люблю!

— Ты даришь мне тепло и силу, — прошептала она, прижимаясь к его лицу. — Так будет до конца моих дней. Прежде я никогда не давала воли чувствам. Я часто проезжала по кварталам красных фонарей, видела силуэты людей, обнимавшихся по темным углам, скакала мимо деревень и ферм поздним вечером, когда старые жены прижимаются к своим мужьям у горящих очагов. Каждый раз я лишь плотнее запахивала плащ и молча ехала прочь. — Она отстранилась немного, зажала в ладонях голову Кимона и пытливо посмотрела юноше в глаза. — Не дай мне снова стать холодной. Я хочу жить и умереть рядом с тобой, Кимон. Мне безразлично, что ты делал раньше. Мои грехи еще тяжелее.

Их губы сомкнулись. Еще долго они были не в силах ослабить объятий.

Идиллию нарушил громкий треск. Повинуясь выработанному с годами рефлексу, Стужа отскочила от Кимона, сжимая левой рукой рукоять меча.

Гел стоял, прислонившись к стволу старого дерева, и наблюдал за ними с мечтательной ухмылкой. В руках демон держал сухую ветку с человеческую руку толщиной. С поразительной легкостью он отламывал от нее куски и бросал на землю.

— Любит. — Послышался хруст. Гел отломил очередной кусок. — Не любит. — Треск ветки нарушил тишину, царившую в лесу. Рельефные мышцы Гела эффектно играли под темной кожей.

Однако демон вовсе не был весел, как это показалось сначала Стуже. Огонь плясал в

его глазах; в голосе слышалось вожделение. Как бы девушка ни пыталась скрыть свой страх, Гел пугал ее. И хуже всего было то, что он, очевидно, это знал.

— Мы отдыхаем уже достаточно долго, — объявила Стужа, проклиная предательскую дрожь в голосе. Она направилась к повозке. Когда Стужа проходила мимо Гела, она вновь ощутила жар, исходящий от его плоти, уловила странный мускусный запах. Девушка устремила взгляд к повозке и ускорила шаг.

Онократос сумел сделать тент из своего плаща. Теперь можно было не опасаться, что девочки обгорят на ярком солнце. Колдун стоял рядом с Трасом Суртианом и лошадьми на берегу ручья. Мужчины вели оживленную беседу. Ашур терпеливо ждал неподалеку. Стужа подошла к единорогу, схватилась за гриву и вскочила верхом.

— Поехали! — крикнула она. — Мы теряем слишком много времени. Пошевеливайтесь!

Трас Суртиан озадаченно взглянул на Стужу и торопливо направился к ней, оставив лошадей на попечение волшебника. Гел и Кимон последовали за ними. Прежде чем они подошли достаточно близко, чтобы услышать коркирца, тот дотронулся до колена девушки и спросил:

— Возникли какие-то проблемы?

Девушка лишь молча посмотрела на него. Трас Суртиан пожал плечами, он уже привык к внезапным переменам ее настроения. Онократос привел лошадей. Он собрался сказать что-то, но Трас мигнул ему, и старик промолчал. Кимон и Гел вскочили в седла, Онократос спешно запрягал свою лошадь в повозку.

Через несколько часов путешественники выехали из леса, оставив позади холмистую местность. Перед ними простиралась равнина, покрытая густым зеленым ковром. Однако трава была невысока и не замедляла движение повозки, поэтому они ехали довольно быстро. К ночи утомились все, кроме демона, которому, видно, была неведома усталость.

Деревья встречались здесь редко, и для костра им пришлось собрать сухие ветки кустарника, росшего на этой равнине. После того как была приготовлена еда, Стужа залила огонь водой из бутылей.

Онократос выказал недовольство.

— Видел когда-нибудь пожар в степи? — спросила она его. — Мы можем все погибнуть, даже не проснувшись, стоит только подняться ветру.

Но когда Стужа развернула свой спальный мешок, она тоже пожалела о костре. В Коркире ночи всегда были прохладными, а поднимавшийся ветер обещал к утру усилиться. Девушка улеглась и накрыла ноги плащом.

Звезды сверкали в вышине, словно льдинки. На севере Стужа разглядела знакомое змеевидное созвездие, в центре которого ярко сиял Тубанур. Небеса медленно вращались вокруг этой звезды.

Стужа вновь затосковала по родине. Тубанур напоминал ей о морях, которые ведут свои корабли, ориентируясь по свету этой звезды. Стужа подумала о родном доме, стоявшем на скалах над ревающим Календским морем.

Внезапно девушка выпрямилась. Стужа вспоминала дом, и впервые за многие годы эти воспоминания не были мучительны. Она вновь легла. Неужели кошмары оставили ее навсегда?

Через некоторое время холод заставил ее подвинуться поближе к Кимону. Она постелила свое одеяло рядом с ним. Юноша уже заснул, но, услышав возню, проснулся, откинул руку и прижал девушку к себе. Стужа вздохнула, согреваясь.

Последнее, что она видела перед тем как погрузиться в сон, была падающая звезда, оставившая на темном небе изумрудный шлейф.

* * *

Стужа поднялась с рассветом. Не просыпаясь, Кимон откатился от девушки, холод

пробирали Стужу до костей. Она потянулась, размяла затекшие конечности, потом разбудила остальных. Никто не стал заговаривать о завтраке, запасы еды были ограничены. Гел, правда, мог обеспечить их провизией, но это истощило бы его силы, которые необходимо было беречь для битвы у Врат Черепа.

Девочки все еще спали на своей мягкой подстилке из сена. Им не нужно было ни еды, ни питья. Прясть волос упала на глаза Аки. Стужа смахнула ее со лба девочки. Потом, повинувшись порыву, поцеловала подушечку большого пальца и прижала его к брови своей королевы.

Утро прошло спокойно. Солнце светило им в спину, двигаясь по небу. Беседа текла более непринужденно, чем в первый день пути. Равнина вновь сменилась лесом. Некоторое время путники ехали вдоль небольшой речушки. Они сделали короткий привал, чтобы напоить лошадей. После полудня лес начал редеть и они выехали на хорошую широкую дорогу.

— Судя по виду, это главная дорога, — заметил Трас Суртиан. — Значит, где-то мы пересекли границу провинции Пелентея.

— Если ты прав, то мы проехали больше, чем я рассчитывал, — отозвался Онократос. Старик воспользовался остановкой, потянулся за бутылкой с водой и сделал несколько глотков. Стужа наблюдала за тем, как он пил, и тут внезапно ощутила вес двух фляг, лежавших в ее заплечном мешке. Лямки натерли ей кожу под туникой. Вначале она хотела поставить их в повозку с остальными бутылками, но побоялась, что может недоглядеть и кто-нибудь отхлебнет из них колдовской воды по ошибке. Стужа решила передать ценный груз Трасу Суртиану, который положил бутылки в седельную сумку.

— По дороге мы поедем еще быстрее, — сказала Стужа.

И они вновь тронулись в путь.

Кимон затянул песню, его голос звенел в тишине. К удивлению Стужи, к юноше присоединился Трас Суртиан. Это была веселая песенка, к тому же ужасно похабная. Такого Стуже еще не приходилось слышать от своих друзей. Всякого рода сальности не раз заставляли Онократоса поднимать брови и присвистывать. Лишь Гел скакал молча, вглядываясь в горизонт.

Стужа придержала Ашура, чтобы подъехать к демону.

— У тебя голодный вид, Гел, — тихо сказала она.

Медленно, словно во сне, он повернул к ней голову, их взгляды встретились.

— Да, я голоден, — признался он. — Я жажду подчинить себе весь этот мир и все, что в нем. — Демон моргнул; никогда раньше девушка не видела, чтобы он моргал. — Договор с Онократосом связывает меня лишь до тех пор, пока Калинда не будет освобождена из сетей паучьего бога. Потом я стану свободным и больше не буду служить ни аду, ни колдуну. И тогда я испробую свои силы в этом мире. — Его огромные руки сжались в кулаки. Ярость на миг вспыхнула в черных зрачках и тут же исчезла. — Впрочем, к чему мне свобода? Мои силы тают с каждым днем. Какое значение она будет иметь для меня?

— Когда-то я была ведьмой, — напомнила Гелу Стужа. — И потеряла свои силы. На этом жизнь не кончается, если не бояться взглянуть ей в глаза. Жизнь словно бриллиант, каждый раз она сверкает новыми гранями...

Презрительный смех заглушил ее последние слова.

— Маленькая дура! Такая слабая и ничтожная! Неужели ты меришь нас одной меркой? Вы люди. Перестав быть ведьмой, ты потеряла лишь небольшую свою частицу. Я же волшебное создание! Потеряв силу, я утрачу свою сущность. Что тогда останется от меня? — Он вновь разразился злым смехом. — Человеческие чувства! Слышишь, как я сетую и кричу? Как общение с вами изуродовало меня! Чувства? А как ты назовешь то, что я испытываю сейчас?

— Горечь, — ответила Стужа и затем, встретив его взгляд, с тайным удовольствием добавила: — И страх.

— Я бы мог править этим ничтожным миром, — пробормотал Гел.

Девушка пожала плечами.

— Все мечты в конце концов оказываются примитивными, — сказала она, и пришпорила Ашура, пустив его в галоп, чтобы догнать товарищей. Стужа подъехала к Кимону, у которого настроение было не в пример лучше.

— Спой для меня, — попросила она.

Юноша улыбнулся:

— У меня уже есть для тебя песня. Я сочинил ее из обрывков историй, которые слышал в тавернах, кое-какие подробности добавил Трас Суртиан, а остальное дополнило мое воображение.

— Так ты споешь? — улыбнулась она.

И Кимон запел.

Из страны, где деревья растут высоко
И трава покрыта алмазной росой;
Где ветер поет для волшебных созданий
И они смеются в ответ,

Появилась дева с алым мечом,
Обагренным кровью родных,
От ночных кошмаров бежала она,
Проклятая родной матерью.

От Эсгарии до Итай Калана
Скакала сквозь колдовской шторм.
Служитель Света провел ее сквозь ночь
И погиб на рассвете у нее на глазах.

Но она согласилась исполнить его волю —
Взять древнюю книгу, что он украл,
Про Последнюю Битву Света и Тьмы
И разыскать Крегана, шондосийского колдуна.

В земле Шондо она обрела друзей,
И любовь наполнила юное сердце.
Во главе войска, похожего на прибой,
Шли чародеи с волшебным оружием.

Они скакали, как ветер, к Вратам Демониума,
Где крепчает мощь волшебства.
Каждый камень сиял, словно пламя,
В ту сверхъестественно долгую ночь.

Око врага по имени Зарад-Крул
Появилось с холодной звездой.
Чтобы отыскать Книгу, он призвал Темных богов,
Наделивших его войском и мощью.

Дева с мечом и могучий колдун
Приготовились к войне.
Они сошлись с Зарад-Крулом на краю поля,
И ночь огласил шум битвы.

Они бились друг с другом колдовством и мечом,
Пока сами Темные боги не вступили в сражение.
И трое из них отправили тысячи в ад,
Три тени накрыли землю.

Но дева прижала Книгу к сердцу
И с помощью волшебства открыла ее
И нашла заклинание, что властно над адом,
Если призвать Светлых богов.

Она выкрикнула слова, и пронесся вихрь,
В нем боги сошли на землю с небес
И рассеяли ночь силой света,
Низвергнув Темных богов.

Но когда кровавая битва завершилась,
Возлюбленный девой Креган лежал мертвый:
Вихрь поднял его и бросил на камни.
И вспомнила дева пророчество матери:

«О, ты создание льда и огня,
Стужей будут тебя называть,
И ты отдашь сердце только тому,
Кто обречен на скорую гибель».

Кимон закончил петь и посмотрел на девушку, ожидая похвалы. Она долго молчала. Кимон потянулся к ней и сжал ее руку.

— Ну как? — спросил он.

Стужа облизала губы.

— Чересчур фантастично, — тихо ответила она, избегая встречаться с ним глазами. — И хорошенько запомни последний куплет. Пой его как можно чаще. Каждый раз, когда подумаешь, что любишь меня. — Стужа пришпорила Ашура и подъехала к Трасу Суртиану.

— Ты не имел права столько рассказывать ему, — прошептала она.

— Я вообще ничего ему не говорил, женщина, — сказал Трас, нахмурившись. — Твои так называемые тайны на самом деле ни для кого тайнами не были. Я и раньше слышал в тавернах подобные песни.

Солнце высоко поднялось в полуденном небе.

Стужа утерла пот со лба и перекинула одну ногу через шею Ашура. Кожа на ногах была натерта. Она с легкостью скакала верхом, не боясь упасть, но сейчас Стужа пожалела, что едет без седла.

Голос Траса Суртиана вывел ее из задумчивости. Повозка со скрипом остановилась. Они посмотрели в ту сторону, куда указывал коркирец.

Слева по склону холма спускалась дюжина мужчин. Стужа оглянулась: укрыться на равнинной местности было негде. Девушка вновь посмотрела на всадников. Разбойники, решила она. Ускакать от них, это с повозкой-то, не было никакой надежды. Ее рука потянулась к ножнам.

Трас Суртиан первым узнал приближающихся всадников. Это были не разбойники, а отряд коркирской регулярной армии, патрулировавший эти места.

— У нас проблемы, — пробормотал он и обнажил клинок.

Стужа, Кимон, Гел и Трас Суртиан выстроились перед повозкой. Онокротос нервно ерзал на жестком деревянном сиденье и наблюдал за происходящим.

Солдаты выехали на дорогу, преградив им путь.

Стужа вспомнила о кожаных нашивках на тунике Траса Суртиана.

— Может, тебе стоит попробовать вначале поговорить с ними, — шепотом предложила она.

Трас Суртиан выехал вперед и обратился к командующему патрулем:

— Приветствую тебя, капитан. Мы чуть было не приняли вас за бандитов. — Он отдал честь, как это было принято у коркирских военных. — Кроме вас, мы никого не встречали на этой пустынной дороге.

Воин, который был немногим моложе Траса Суртиана, отделился от группы. В его позе чувствовалось напряжение, а лицо не выражало дружелюбия.

— Ты капитан Трас Суртиан, начальник дворцовой стражи. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Мы едем по королевскому поручению, вы задерживаете нас, — произнес в ответ Трас Суртиан, на этот раз командным тоном.

Капитан остался невозмутимым. Он сделал жест, и солдаты выстроились полукругом справа и слева от него. Он заговорил снова:

— Вы задержаны за соучастие в убийстве Аки, Ее Величества королевы Коркиры, и Тогрина Синтелла, барона Эндимии, наследника престола. — Он замолчал и посмотрел через плечо Траса Суртиана на Стужу. В его глазах сверкала ненависть. — Ты также обвиняешься в укрывательстве преступника и в том, что самовольно покинул свой пост. — Он продолжал перечислять обвинения. — Много месяцев тебе удавалось скрываться от нас. Но наконец нам удалось вас задержать.

— Ты заблуждаешься, — не хотел сдаваться Трас. — Я схватил убийцу. И нанял этих людей, чтобы они помогли охранять ее. — Он повернулся и взглянул на Стужу. — Это такая хитрая сука.

Командир отряда лишь презрительно усмехнулся.

— Ты лжешь, и это очевидно. Ты даже не потрудился забрать у нее оружие. А Марашаи находится совсем в другой стороне. Так что твою вину можно считать доказанной. — Он указал на Кимона, Гела и Онократоса. — А это, вероятно, твои сообщники. Сейчас же сложите оружие.

Стужа не могла больше сдерживаться. Она выехала вперед. — Ты знаешь меня, капитан?

Мужчина кивнул:

— Я видел тебя при подписании мирного договора между Коркирой и Алеппо. Королева Аки называла тебя своим телохранителем.

Стужа разыграла свою единственную карту, последнюю надежду предотвратить стычку.

— Что, если я скажу тебе, что королева Аки жива?

Его губы дрогнули, но было ясно, что он ей не поверил.

— Королева в повозке, но она больна. Я пытаюсь спасти ей жизнь. — Стужа жестом велела Онократосу сбросить плащ, который прикрывал детей. — Посмотри сам, — предложила она.

Капитан колебался; затем, продолжая сжимать рукоять меча, он осторожно проехал мимо Стужи и заглянул в повозку. Его глаза сощурились, он взглянул на Стужу, затем вновь уставился в повозку. Он нагнулся и положил руку на щеку Аки. И вновь занял место во главе своего отряда.

— Первое обвинение снимается, — объявил он. — Но остальные остаются. Вы должны поехать с нами.

Стужа едва сдерживалась, чтобы не выхватить из ножен меч.

— Ты, напыщенный дурак! Прочь с дороги, или у нас не будет надежды спасти Аки. Следуй за нами вместе с твоими людьми, если так велит тебе долг. Но не задерживай нас!

Капитан поднял руку. Солдаты обнажили мечи. В ответ Стужа, Кимон и Трас Суртиан вытащили клинки.

— Не будьте глупцами, — посоветовал капитан. — У вас три меча против двенадцати. Тут в первый раз подал голос Онократос, поднявшийся со своего места, он лениво держал в руках вожжи.

— Вы не сосчитали меня, — произнес он. — Это ошибка.

Капитан только усмехнулся:

— Мои извинения, дедушка. Я просто не вижу меча на твоём поясе. Есть у тебя какое-нибудь оружие, чтобы я мог включить и тебя в список?

Лицо волшебника расплылось в широкой ухмылке. Онократос указал на Гела.

— Он — мое оружие.

Капитан поджал губы, размышляя:

— У этого черного животного тоже нет клинка, дедуля.

Улыбка исчезла с лица Онократоса.

— Ему не нужно оружие, дурак, — грозно ответил старик. — Он демон.

Стужа наблюдала, как действовали эти слова на мужчин, стоявших перед ней. Несколько пар глаз тревожно покосились на Гела, оценивая его. Некоторые усмехались, считая старика сумасшедшим. Капитан засмеялся и сплюнул в пыль.

Гел повернулся в седле к своему хозяину.

— Они не поверили тебе, — сказал он.

На губах Онократоса вновь заиграла издевательская улыбка.

— Покажи им.

Из горла демона вырвался звук, от которого кровь застыла в жилах, это был не человеческий крик. Безоружный, он перепрыгнул через голову своей лошади. Выбросив вперед огромные руки, он выбил из седла двух солдат, прежде чем те успели достать мечи.

Стужа смотрела на Гела с открытым ртом. Такой великолепный прыжок, да к тому же прямо из стремян! Но этот подвиг побледнел по сравнению со следующими действиями демона.

Гел исчез под брюхом одной из лошадей, оставшихся без седока. Внезапно животное поднялось в воздух, издавая жалобное ржание и молотя копытами. Демон выпрямился, и бедная лошадь полетела во всадников. Капитан спасся только благодаря тому, что успел прыгнуть в лужу. Он поднялся, потрясенный, бледный, весь в грязи, но все же не готовый сдаться.

Подобрав свой меч с обочины дороги, куда тот упал, он приказал своим людям:

— Взять его! Схватить их всех!

Слепо повинувшись приказу, молоденький новобранец вскочил на ноги и бросился к Гелу. Демон вырвал у него меч и отшвырнул в сторону. Его огромная ладонь опустилась на голову юноши в кожаном шлеме и сжалась. Предсмертный крик застрял в горле солдата. Стужа слышала хруст костей и зажмурилась. Когда она открыла глаза, то увидела руку демона, обгавленную алой кровью. Он отпихнул ногой безжизненное тело в сторону и засмеялся.

— Довольно! — приказал Онократос, стараясь перекрыть злобный хохот Гела. Все взгляды устремились на волшебника. Его лицо было суровым и жестоким. — Он должен убить вас всех? Или вы оставите нас в покое?

Капитан сжал кулак несмотря на то, что кровь отхлынула от его лица.

— Я выполняю свой долг! — выкрикнул он.

— Подумай о своих людях! — бросил Онократос. — Что осталось от твоего отряда! Оглянись вокруг, человек. Это произошло по твоей вине!

Из двенадцати Гел убил троих. Еще одного задавила лошадь; Стужа видела неподвижное тело, лежавшее под лошадиной тушей. Двое солдат были ранены. Они лежали на земле без сознания. Только теперь она разглядела, как молоды они были. Сыновья фермеров, скорее всего призванные из окрестных деревень. Никто, кроме капитана, старого и более опытного воина, не хотел продолжать сражение.

— Расходитесь по домам, — велел им Онократос с неожиданной мягкостью.

Капитан изо всех сил сжал рукоять своего меча, так что кожа на костяшках пальцев

побелела.

— Не смей! — в отчаянии крикнул он. — У них наша королева! — Он дважды рубанул по воздуху мечом, солнце сверкнуло на его начищенном клинке, и капитан ринулся на ближайшего врага. Стужа выставила свой меч.

Гел одним движением схватил нападавшего за горло. Послышался хруст костей. Демон посмотрел на Стужу, держа раскачивающийся труп в одной руке. Губы Гела были сжаты, на их месте виднелась лишь узкая полоска.

— И ты предлагаешь мне вашу жизнь, — сказал он.

— Ты льстишь себе, — холодно ответила Стужа, пораженная его жестокостью и презрением. Капитан не мог причинить ей никакого вреда своим неуклюжим выпадом.

Демон пожал плечами и швырнул безжизненное тело на землю, затем повернулся к застывшим от ужаса солдатам.

— Отправляйтесь по домам! — повторил Онократос. Теперь некому было их остановить. Трое солдат, все еще сидевших в седлах, пришпорили лошадей и поскакали обратно, к холму. Остальные пустились за ними бегом.

Трас Суртиан подъехал к повозке.

— Спасибо, — сказал он Онократосу.

Волшебник кивнул и со вздохом опустил на свое место.

— Это твой народ. Тебе пришлось бы сражаться с ними ради спасения королевы. Но это все равно тяжело. — Он поскреб бритый подбородок. — Так что я решил вмешаться.

Трас Суртиан задумчиво сжал губы.

— Мы должны похоронить их, — сказал он после непродолжительного молчания. — Они этого заслуживают.

— У нас нет времени, — резонно возразил Онократос. — Кто-нибудь из их товарищей вернется, когда поутихнет страх. Они выполняют свой долг. Я повидал немало коркирских солдат. Это люди чести.

— Думаю, нам нужно попить, — сказала Стужа, потянувшись за бутылкой с водой. Они все утолили жажду, даже Гел. Стужа заметила, что он пьет с некоторой тревогой. Жажда была человеческой слабостью, раньше демон отказывался от воды и пищи.

Путники решили свернуть с дороги, опасаясь наткнуться на очередной патруль. Весь остаток дня они ехали по лугам, догоняя клонившееся к закату солнце. И когда начало смеркаться, вновь оказались в лесу. Повозка с трудом катилась по неровной местности, так что двигались они довольно медленно. Впереди Стужа заметила поляну, где было решено разбить лагерь. На небе зажглись первые звезды, которые едва можно было разглядеть сквозь густую листву.

Стужа помогла Трасу Суртиану напоить лошадей из небольшой лужи.

— Я не права, — тихо спросила она, когда они подходили к лагерю, — или вы подружились?

— С Онократосом? — Трас Суртиан забавно наморщил нос. — Не сказал бы. Но мы много беседовали во время пути. — Коркирец задумался и некоторое время молчал. Затем заговорил вновь: — Он похож на нас. — Улыбка искривила губы капитана. — У него твой темперамент. Но он любит свою дочь и пойдет на что угодно ради ее спасения. — Трас остановился и посмотрел девушке в глаза. — Так же как ты и я ни перед чем не остановимся, чтобы спасти Аки. — Он тряхнул головой и двинулся дальше. — В сущности, мы очень похожи.

Стужа вынуждена была согласиться с Трасом Суртианом, хотя это ей вовсе не льстило. И чем дольше она об этом думала, тем тревожнее становилось у нее на душе. Онократос не нравился ей и не внушал доверия. А если они так похожи, то что же можно сказать о ней?

Девушка взглянула на небо, ее мучило беспокойство. Листья шелестели под легким ветерком. Внезапно в просвете между ветвей она заметила яркую вспышку.

— Знаешь, это знамение, — пробормотала она. — Прошлой ночью я тоже видела падавшую звезду.

Трас Суртиан проследил за ее взглядом, но звезда исчезла.

Глава 15

Еще одна ночь на жесткой земле. Как Стужа ни переворачивалась, она никак не могла удобно устроиться. Все мышцы и сухожилия болели. Она хотела пододвинуться к Кимону, но побоялась разбудить юношу. Стужа завидовала ему, прислушиваясь к его безмятежному сопению. Мужчины тоже уже храпели. Только к ней сон упрямо не шел.

Звук шагов в темноте заставил девушку сесть. Рука потянулась к мечу, который лежал в ножнах у ее одеяла. Угли костра еще краснели. Гел стоял неподалеку, разглядывая Стужу сквозь белые струйки поднимавшегося дыма.

В тишине прозвучал его шепот.

— Мы очень похожи, ты и я.

— Я устала это слушать, — ответила Стужа, ложась. — Иди спать.

— Я никогда не сплю.

Стужа закрыла глаза в надежде, что ей, наконец, удастся задремать.

Но свистящий шепот демона звучал у нее в сознании.

— Что нашла ты в этом жалком человеческом самце?

Наконец она поняла, что Гел говорил о Кимоне. Девушка снова села и гневно посмотрела на демона.

— Не твое дело, — прошипела Стужа. — Оставь меня в покое.

Гел на сей раз промолчал, и она снова попыталась заснуть, но, все внутри у нее полыхало от ярости. Усталость сделала Стужу раздражительной. Если бы ей только удалось уснуть!

Ветер шумел в ветвях деревьев. Громко стрекотали насекомые. Она никак не могла найти удобное положение.

— Я могу сломать его, как сухую ветку, — вновь послышался голос Гела.

Девушка резко поднялась, все мысли о неудобствах вмиг исчезли. Стужа выхватила меч из ножен и направила острие в ту сторону, где стоял Гел. В стали отразился красноватый отсвет, который отбрасывали догорающие угли.

— Ты можешь умереть, демон? — процедила она сквозь зубы.

На лицо Гела упали тени, когда он наклонился над кострищем.

— Не в том смысле, в котором ты думаешь, женщина.

— В любом смысле, — настаивала Стужа.

Гел пожал плечами:

— Не знаю, вероятно, это возможно.

— Это станет возможным, — предостерегла она его, — если ты только тронешь Кимона, клянусь, я убью тебя. Даже если мне придется заключить союз со всеми Темными богами или заложить свою душу Гату.

Девушка увидела улыбку Гела, клыки демона показались оранжевыми в отсветах костра.

— Это-то мне и нравится в тебе больше всего! — довольно ответил он. — В тебе столько огня!

Трас Суртиан повернулся на другой бок под своим одеялом, но не проснулся.

— Ты собираешься всех тут поднять? — прошипела Стужа. — Если ты не спишь, то хоть не мешай остальным!

Она убрала свой меч в ножны. Накопившаяся усталость давала о себе знать.

— Помни мою клятву, — прошептала она и растянулась на своем одеяле, собираясь заснуть.

Вновь раздался шум шагов. Черный силуэт Гела склонился над Стужей, закрывая от нее листву и звезды. Он сжал руку Девушки и легко поднял ее на ноги:

— Ты не захочешь мужчин после меня.

Стужа открыла рот, чтобы позвать на помощь, но Гел плотно зажал его свободной рукой. Ее меч лежал на земле, и дотянуться до него она не могла. Единственной надеждой Стужи был кинжал.

Но она не успела вытащить оружие — демон взглянул ей в глаза. Холодное пламя загорелось в его черных зрачках, зажгло глаза, охватило лицо. Она пыталась закричать, но тщетно. Сверхъестественный огонь разгорался, заключив их в пылающую сферу.

Внезапно Стужа и Гел оторвались от земли. Земля удалялась с все возрастающей скоростью. Верхушки деревьев отклонялись, освобождая им путь. Они летели, оставляя за собой светящийся след.

Стужа больше не чувствовала тела. Но она была не одна. Рядом она ощущала присутствие демона. Гел торжествовал, демонстрируя свою силу.

Впереди показался холм, на его вершине росла небольшая роща. Они приближались к этой роще, не снижая фантастической скорости. Стужа закричала, боясь, что они разобьются. Внезапно шар остановился, и они опустились вниз. Огонь даже не опалил травы. Пламя погасло.

Гел приблизил к девушке лицо:

— Не противься мне.

Стужа изо всех сил ударила его в челюсть. Он схватил ее кулак и сжал. Девушке показалось, что в ее руке не осталось ни одной целой кости, боль была адской.

Демон широко улыбнулся. В его глазах вспыхнуло вожделение.

— Такие, как ты, не могут причинить мне вреда, — хвастливо произнес он. Его рука дотронулась до ее плеча.

Стужа схватила Гела за запястье и вывернула ему руку. Демон издал короткий крик, перелетев через бедро девушки. Она сжала в ладони рукоять кинжала, но не стала вытаскивать из ножен. — Зато он может причинить тебе вред! — пригрозила она.

Гел начал медленно подниматься, казалось, он на глазах вырастает из земли. Черная кожа, под которой играли мышцы, блестела от пота. Он выпрямился и расправил плечи, низкий смех клокотал в его горле.

— В самом деле?

Стужа колебалась. Гел мог контролировать жажду кинжала. Она отпрянула от него, побоявшись, что демон сумеет направить кинжал в ее сердце.

— Я буду ласков с тобой. — Свет луны заливал его обнаженное тело, его могучий член. Гел жестом поманил девушку к себе. — Иди сюда, трава мягкая.

— Нет! — выкрикнула она. — Ни за что!

— Да.

Внезапно налетел сильный порыв ветра и толкнул Стужу вперед. Она подняла руку, чтобы защитить глаза от хлеставших по лицу волос. Несмотря на ее сопротивление, ураган швырнул девушку к демону. Стужа запнулась за что-то и упала. Она изо всех сил вцепилась в траву, чтобы удержаться на месте.

— Да! — вновь повторил демон.

Его слова грохотали у нее в голове, это уже был не голос, а команды, раздававшиеся прямо в ее черепе. Она изо всех сил пыталась сопротивляться приказам демона. Но силы были неравны. Гел склонился над ней, закрывая звезды, его руки превратились в черные крылья огромного ворона. Он схватил девушку и поднялся с ней в небо.

Когти сорвали с нее одежду; холодный ветер хлестал ее плоть. Земля осталась далеко. У Стужи вырвался крик отчаяния, когда она увидела, как полетел вниз ее пояс с серебряными ножами, ее единственное оружие. Перья прижимались к ее телу. Пара огромных крыльев несла ее в ночи, пока она беспомощно билась в мощных лапах.

Что-то прижалось к ее чреслам, излучая жар.

— Я убью тебя! — выкрикнула она. — Клянусь! — Она снова закричала, острая боль пронзила ее тело, Стужа до крови прикусила губу.

Демон начал двигаться внутри нее.

Кончив, Гел, медленно кружась, стал опускаться на холм, с которого начался их полет. Приземлившись, он бережно положил девушку на траву. Она лежала неподвижно, пылая от стыда и гнева. Звезды бешено вращались над ее головой, она молилась, чтобы огонь, пылавший у нее внутри, погас. Стужа перевернулась на бок и в этот момент увидела, как Гел вновь принял человеческий облик. Он сделал шаг и внезапно споткнулся.

— Как себя чувствуешь? — сдавленный смешок вырвался из ее горла. — Скоро ты навсегда утратишь свою силу. — Стужа сжала пальцы в слабый кулак. — И тогда я тебе покажу!

— Моя сила будет жить, — ответил демон. — Уже сейчас семя начало расти в твоём теле.

Она отрицательно покачала головой, пощупала свой живот.

— Нет! — Холодный ужас вновь сжал ее сердце; Стужа ударила себя кулаком в живот, в отчаянной попытке убить то, что могло там быть. — Нет!

Гел воздел свои когтистые руки и выкрикнул небесам:

— Я командовал адскими легионами! Никто из демонов не мог противостоять мне. Ни один! Но правил Орхос! Будь проклято его имя! Его слово было законом, а я лишь исполнял его волю, был его рабом, как и все прочие жалкие твари. И когда Онокротос вызвал меня, я понял, что это путь к свободе. Я восстал и убедил этого глупца заключить со мной новый договор, разорвав прежний с Орхосом. Если мне было не дано править в аду, значит, я буду править вашим презренным миром. Мир людей — просто мусор среди жемчужин Вселенной, но он мог бы быть моим! Меня погубило неведение, и я повержен! Человеческие слабости отравили меня! Кто бы мог подумать, что это возможно? Мои магические силы тают. Вскоре я сам буду не многим отличаться от обычного человека.

Гел вновь посмотрел на Стужу. Больше он не грозил равнодушному небу. Его глаза загорелись.

— Но я потерял не все! Ты выносишь ребенка — дитя демона и смертной. И так как — он — плоть от плоти, этот мир не покалечит его. Он вырастет и возмужает и когда-нибудь станет править миром, исполнив мою мечту!

Стужа с трудом поднялась на ноги, схватившись за живот.

— Я не дам этому случиться! — в отчаянии закричала она.

Демон задрожал, слабея, но его голос прозвучал твердо:

— Тебе ничего не изменить. Неужели ты не чувствуешь? Он уже растет внутри тебя.

Стужа посмотрела на Гела, она больше не боялась. Страх уступил место ненависти.

— Я не дам этому случиться! — поклялась она. — Даже если мне придется убить его!

— Ты не сделаешь этого. — Спокойная уверенность Гела бесила ее. — Два года мое семя будет развиваться в тебе. Когда время подойдет, ты будешь чувствовать только любовь к тому, что является частью тебя.

— Никогда! — Она подняла с земли большой камень. Занесла его над головой, намереваясь со всей силы швырнуть в демона.

Гел выставил один палец. Камень остановился и неподвижно повис, в воздухе.

— Я был самым могущественным ангелом в аду, — хвастливо сказал он.

Камень превратился в белую пыль, посыпавшуюся на землю. Стужа отпрянула, прикрывая рукой глаза. Голос Гела гремел у нее в голове:

— Такие, как ты, не могут причинить мне вреда.

Вдали послышался странный трубный звук. Гел настороженно оглянулся. Стужа напрягла слух, она не была уверена, что ее догадки верны.

— Ты слабеешь, — заметила она, пытаюсь завладеть его вниманием. Это видно по твоим глазам, по тому, как ты себя держишь, как ловишь воздух ртом.

Неземной звук раздался снова. На этот раз ближе. Демон подозрительно посмотрел через плечо. Стужа попыталась скрыть появившуюся надежду, нахмутив брови. Теперь у нее не осталось сомнений: ей не послышалось. Может, она, наконец, будет отмщена!

— Ты всегда вызывал у меня отвращение, мерзкое чудовище. — Она вложила в эти слова всю свою ярость. — Ты по-прежнему раб! И еще послужишь мне у Врат Черепа, или никогда не освободишься от Онократоса. Злобная гримаса исказила ее черты. — Ты считаешь, что можешь править людьми? Но вместо этого служишь им!

Топот копыт был теперь отчетливо слышен, он почти заглушал ее слова. Гел повернулся и широко раскрытыми глазами посмотрел вниз. К грохоту копыт прибавился треск кустарника.

— Что это? — воскликнул Гел.

Стужа откинула назад волосы и истерически засмеялась.

— Неужели ты уже не видишь в темноте? — спросила она с издевкой. — Как это по-человечески! С каждым ударом сердца, с каждым вздохом ты становишься слабее. Так может, теперь ты не такой неуязвимый, каким был прежде, демон? Ты уже достаточно слаб, чтобы умереть? — Она бросилась к нему.

Удар его кулака отбросил девушку на землю. Перед глазами завертелись звезды, воздух со свистом вырвался из ее легких. Она попыталась подняться, но тело не повиновалось. Гел возвышался над ней, в ярости сжимая кулаки.

— Ты забываешься, женщина! — Он схватил ее за волосы и поднял на ноги, не обращая внимания на крики. — Ты не смеешь говорить так...

Он не закончил. Вновь трубный звук огласил воздух. Она рухнула на землю, когда Гел разжал руку. Стужа лежала и ждала, пока пройдет головокружение.

Демон повернулся и увидел перед собой Ашура, несшегося к нему с горящими глазами. Гел отскочил в сторону, и как раз вовремя, иначе был бы пронзен эбеновым рогом, нацеленным ему в сердце. Трава и комья грязи полетели из-под копыт, когда единорог внезапно остановился, озираясь по сторонам.

Стужа перевернулась на бок, каждое движение причиняло острую боль. Половина лица, куда пришелся удар, онемела.

— Убей его! — приказала она зверю, на ее губах пузырилась кровавая пена. — Убей его!

Гел повернулся, чтобы отразить нападение единорога, но его лицо выдавало страх. Внезапно он выпрямился. Человеческая оболочка растворилась. Темные крылья на мгновение закрыли небо. Злобно сверкнули красные глаза. Ворон ответил на крик Ашура отвратительным карканьем. Затем взмыл в небо и исчез из виду.

Стужа попыталась подняться на ноги, выкрикивая проклятья вслед демону, но все поплыло у нее перед глазами. Боль, унижение и гнев захлестнули все прочие чувства.

Теплый мокрый язык Ашура привел ее в чувство. Она медленно подняла веки. Звезды холодно мерцали на ночном небе, дразня ее своим безмятежным спокойствием.

Через некоторое время девушка попыталась сесть и почувствовала приступ тошноты. Мокрая трава холодила ее обнаженное тело. Это приносило некоторое облегчение. Каждая косточка, каждый мускул ее тела кричал на своем молчаливом языке. Стужа вновь опустилась на землю, она была в сознании, но не могла и не хотела двигаться, надеясь, что

неподвижность и ночная прохлада утихомирят боль.

Ашур принялся тревожно описывать круги, словно прося хозяйку подняться. Но тут над западным горизонтом вспыхнула еще одна падающая звезда. Сквозь затуманенное сознание до Стужи начало доходить значение этого знамения.

— Я знаю тебя, — пробормотала девушка с растущей уверенностью. — Я знаю, кто ты. Ты ждешь меня? — Она почти надеялась, что услышит ответ, но ответа не последовало. С усилием она перевернулась на бок, затем поднялась на колени. Ашур перестал кружить и подошел к Стуже. Протянув руку, она ухватила за его густую длинную гриву и встала на ноги. Несколько мучительных минут она стояла, повиснув на шее единорога, и пыталась побороть слабость, найти в себе силы взобраться на него. Стужа прикусила губу, ожидая, пока пройдет дрожь. Затем она вновь посмотрела на запад, где только что упала звезда.

— Я иду, — пообещала она.

Ашур понес хозяйку вниз к подножию холма. Единорог шел куда хотел. Она даже не пыталась направлять его. Стужа не знала, где искать лагерь и своих друзей, она вообще не представляла, где сейчас находится. Единорог как всегда сам нашел ее, почувствовав, что нужен ей. Пусть отыщет и обратный путь. Девушка ехала то погружаясь в беспамятство, то вновь выныривая из него. Она не чувствовала ударов ветвей, хлеставших ее обнаженное тело.

Внезапно сердце Стужи сжалось. Хорошо, что Ашур не убил Гела по ее приказу. Демон был все еще нужен им у Врат Черепа. Ее не удивило бы, если бы демон уже был в лагере. Онократосу стоило только произнести его имя, и демон был обязан явиться согласно их договору. Она горько усмехнулась. Гел не был свободен. Он служил людям, которых так презирал.

Когда Стужа приехала в лагерь, утренний свет уже пробивался сквозь листву. Онократос первым увидел ее и позвал остальных. Кимон и Трас Суртиан бросились ей навстречу. Тревога на их лицах свидетельствовала о том, что они хватились ее уже давно и опасались худшего.

Кимон протянул руки, чтобы помочь ей спешиться. Она колебалась, в ее душе здоровый смысл боролся со стыдом и отвращением к себе, которые она почувствовала в присутствии юноши. Стужа посмотрела в его синие глаза, и прочла в них тревогу и смущение. Она вздохнула. В конце концов, над ней надругался не человек.

Кимон взял ее на руки и бережно поставил на землю. Затем снял свой плащ и набросил ей на плечи — утро было холодным. Кто-то разжег костер. Они усадили ее к огню.

— Что с твоим лицом! — не смог сдержаться Кимон. — Боги, что произошло?

Стужа дотронулась до правой щеки и поморщилась. Должно быть, щека посинела от удара Гела. На теле наверняка были и другие синяки. Девушка осмотрела ссадины. Как может она объяснить их появление?

Стужа решила ничего не говорить. Она поднялась и пошла к своему одеялу. Ее пожитки лежали там, где она их оставила. Она наклонилась и подняла меч, вытащила его из ножен, прижала к груди, поцеловала рукоять и закрыла глаза, отрешившись от всего.

Трас Суртиан тронул ее за плечо, протягивая бутылку с водой. Стужа с благодарностью взяла ее. Вода была свежей и вкусной. Напившись, девушка подняла бутылку и плеснула себе на лицо.

Онократос задал следующий вопрос.

Стужа передала бутылку Трасу.

— Позови его, волшебник, — ответила она. — Он обязан служить тебе. И должен появиться.

— Я пытался, — резко ответил он. — Но Гел ослушался. Что-то случилось.

Новость встревожила девушку. Гел был существенной частью ее сделки с Орхосом. Согласится ли владыка червей на другие условия, если демон не вернется? Она тряхнула головой. Не было смысла волноваться об этом прежде, чем они доберутся до Врат Черепа. В крайнем случае, кому-нибудь придется сразиться дважды, она была к этому готова.

— Пора трогаться в путь, — сказала она. Ее слова прозвучали так резко, что все встревожились. Заметив это, она смягчила тон: — Гел присоединится к нам, когда сможет. — Но про себя добавила: «Если сможет».

Онократос нахмурил брови и упрямо скрестил руки:

— С ним что-то случилось. Думаю, тебе известно, что именно.

— Он... — начала Стужа. Но обидные слова так и не слетели с ее губ. Она передумала. Он не был виноват, по крайней мере не во всем. Она тщательно выбирала слова. — Он потерял много сил этой ночью. — И затем с надеждой добавила: — Ему нужно некоторое время, чтобы оправиться.

— Что же все-таки произошло ночью? — продолжал допытываться Трас Суртиан. — Где твоя одежда?

Стужа вновь отошла от них.

— Мы больше не будем говорить на эту тему, — наконец сказала она. — Запрягайте повозку и седлайте лошадей.

Трас Суртиан и Онократос сдались. Когда все разошлись, Кимон приблизился к девушке так, чтобы остальные не слышали их разговора, и дотронулся до ее плеч.

— Я ни о чем не стану спрашивать, — прошептал он. — Ни о том, почему ты без одежды, ни о твоих синяках и ссадинах, ни о том, куда ты исчезла ночью. — Он замолчал. И так как она ничего не ответила, он продолжил: — Ты сама расскажешь мне, когда придет время, если захочешь. Или не расскажешь. Но я обошел здесь все и кое о чем догадываюсь, Самидар. — Его пальцы помассировали ей плечи и шею. — Я рад, что ты цела.

Он повернулся, чтобы идти.

— Кимон, подожди! — окликнула она его. Стужа надела пояс, на котором висели ножны и кошелек. Она развязала тесемку и достала талисман, подаренный Уной.

Она взвесила камень на ладони, посмотрев на него с горькой иронией. Его грани засверкали на солнце. Он один мог остановить Гела этой ночью. «Теперь уже слишком поздно», — сказала она себе. Демон презирал Кимона и угрожал ему. Стужа вложила камень в руку юноши.

— Всегда носи его с собой, — велела она ему. — Так, чтобы его легко можно было достать. Тебе известно его свойство. Просто сожми камень в руке, вот так. — Стужа сжала его пальцы в кулак.

Кимон попытался вернуть ей талисман.

— Этот камень подарен тебе. Старуха сказала, что он тебя защитит.

Стужа отказалась взять рубин обратно.

— Я хочу, чтобы он защитил тебя!

— Но мне некуда его положить.

Девушка протянула Кимону кошелек.

— Тогда возьми вот это, — сказала она. — Только не носи его на поясе. — Она вновь развязала тесьму, достала из него несколько монет и швырнула в лес. Затем связала концы тесьмы вместе. Носи камень на шее под курткой.

Кимон надел кошелек и прижал его к своему сердцу. В его глазах застыл немой вопрос. Смущение и тревога не сходили с его лица.

Стужа сжала его руку:

— Я рада, что вернулась.

Юноша попытался улыбнуться и кивнул:

— Пойду лучше, помогу им с лошадьми.

— Они и сами справятся, — не отпустила его Стужа. — Лучше помоги мне. Мне нужна хоть какая-нибудь одежда. — Она подняла свое одеяло. — Просто сделай дырку для головы и укороти немного, чтобы я могла ехать верхом и сражаться. Я подпояшусь тесемкой.

Кимон улыбнулся и достал свой кинжал.

Вскоре все было готово. Девушка надела его, повязала вокруг талии полоску ткани и пристегнула меч. Затем раскинула руки и повертелась в ожидании комплиментов.

— Я бы не стал показываться в этом при дворе, — сказал Кимон, подмигнув.

— Да и я тоже, — согласилась Стужа. Неожиданно почувствовав боль, она схватилась за живот. Кимон мгновенно оказался рядом и поддержал ее под локоть.

— Что случилось? — спросил он. — Самидар, что с тобой?

Девушка подождала, пока пройдет приступ тошноты.

— Ничего, — солгала она, вымучивая улыбку.

— Я боюсь за тебя.

Она нежно коснулась его щеки. «Я тоже», — согласилась она про себя, но постаралась скрыть свой страх.

— Пойди поторопи Траса, — попросила она.

Кимон нахмурился, но не стал спорить. Оставшись одна, Стужа приложила руку к животу, пытаясь почувствовать жизнь, развивавшуюся внутри. «Я не дам тебе родиться, — поклялась она. — Я найду способ, как тебя уничтожить».

Лошади были готовы, повозка запряжена.

— Я был в лесу по нужде, — деликатно сказал Трас Суртиан, приблизившись к Стуже. — И нашел это в ветвях. — Он вытащил из-под туники какой-то предмет. На солнце сверкнули серебряные ножны.

В глазах Траса Суртиана больше не было вопросов.

— Видно, тебе не представилось случая воспользоваться им. Это скверно, скажу я тебе. Демон вернется?

Стужа колебалась, размышляя о том, сколько раз хотела избавиться от проклятого кинжала. Но потом вспомнила о предстоящей битве и повесила Жало Демона на пояс. Стужа начинала приходить в себя.

— Вернется ли?!. — произнесла она со злой улыбкой.

— Что делать с гнедым? — поинтересовался Кимон.

Они совсем забыли про лошадь Гела.

— Седло я возьму себе, — сказала Стужа. — Постарайтесь найти что-нибудь, чтобы привязать его к повозке. Если ничего не найдете, — девушка взглянула на Онократоса, подумала о демоне и пожала плечами, — тогда отпустите.

Глава 16

Скодулак... Скалистый остров, поднимавшийся из темных вод Дирского озера, словно хребет сказочного страшилища. Солнце заливало остроконечные скалы и каменистый берег кроваво-красным светом. Ни деревца, ни травинки не было видно на острове. Стая гусей кружилась над южной оконечностью, но птицы не опускались на землю.

— Даже птицы избегают его, — заметил Трас Суртиан.

Стужа поморщилась. Два спокойных дня и две ночи полноценного сна исцелили ее, но от зловония, исходившего от озера, можно было снова заболеть. Вода в нем застоялась: река,

питавшая его когда-то, давно пересохла. Стужа с отвращением посмотрела на прибрежный ил.

Горячий ветер растрепал волосы девушки. Какое-то насекомое опустилось ей на шею, она прихлопнула его и вытерла кровавое пятно о свое самодельное платье.

— Мы добрались в такую даль, — сказала она, прикрывая ладонью глаза от слепящего солнца, — но как мы попадем на остров?

— Мне бы не хотелось плыть в этой жиже! — Кимон скорчил гримасу.

— Не забывайте о детях, — напомнил Онократос. — Они не могут плыть.

Стужа слишком устала, чтобы думать. Она повернулась к Трасу Суртиану.

— Это твоя страна. Ты здесь все знаешь. Скажи, что нам делать.

Коркирец, нахмурившись, оглядел берег.

— Я знаю об этих местах только понаслышке, — произнес он извиняющимся тоном. — Солдаты из гарнизонов, расквартированных в близлежащих провинциях, любят рассказывать байки. Где-то здесь должна быть переправа. Правда, я не знаю, в каком она состоянии. Люди как правило обходят озеро стороной.

Стужа вновь посмотрела на Скодулак. Доплыть туда было бы несложно. Но она слишком устала. К тому же нужно было подумать об оружии; его не стоило мочить. В любом случае им каким-то образом придется перевезти на остров и девочек.

— Хорошо, давайте поедem вдоль берега, — решила Стужа. — Поищем переправу. Если не найдем, разобьем лагерь, а утром подумаем, как попасть на остров.

— Мы можем разделиться, — предложил Онократос. — Вы с Кимоном пойдете на юг. А мы с Трасом на север.

Девушка покачала головой:

— Будем держаться вместе.

Волшебник открыл было рот, чтобы возразить, но Стужа оборвала его.

— Мы не станем рисковать, — твердо сказала она. — Мы пришли сюда вместе. Зачем же испытывать судьбу? — Девушка вопросительно посмотрела на остальных. Кимон был с ней полностью согласен; Трас Суртиан недовольно промолчал, но спорить не стал. — Пока еще светло, — продолжила она, — мы успеем обойти вокруг озера до темноты. Если переправа существует, мы ее найдем.

Они еще не обогнули и четвертой части озера, как берег превратился в поросшее тростником болото, над, которым жужжали черные тучи мух. На глаза путникам попалась гадюка, она обогнула торчавшую из воды кочку и скрылась из виду.

Но внимание Стужи привлекло высокое толстое дерево, росшее в самой середине болотной топи; его ствол и нижние ветви покрывал скользкий мох. Вокруг ствола дважды была обмотана веревка толщиной с запястье Стужи. Конец веревки скрывала мутная вода. Второй конец, очевидно, был где-то на Скодулаке.

— Вот и переправа, — ухмыльнулся Онократос — Лодка должна быть на том берегу. Но колокольчика, чтобы вызвать паромщика, что-то не видно.

Теперь пришел черед Стужи усмехаться.

— Ты полагаешь, что паромщиком здесь работает привидение? Посмотри, где привязана веревка и насколько выросло дерево. Этой переправой уже давно не пользуются.

— Веревка поможет нам перебраться на ту сторону, — настаивал Трас Суртиан.

— С детьми? — засомневался Онократос.

Стужа улыбнулась и вытерла со лба пот. Диадема с лунным камнем, державшая ее волосы, потускнела. Она сняла ее и потерла большим и указательным пальцами.

— Это будет непросто, — подтвердила она. — Но я не вижу другого пути. Давайте приступим.

Кимон и Трас Суртиан разгрузили повозку. Затем уложили детей на мягкий мох, выпрягли лошадей и сняли колеса. Помучившись, отвернули без инструментов болты и сняли оглобли.

Онократос собрал одеяла и плащи и крепко связал их друг с другом, пытаясь сделать

нечто, похожее на веревку.

Стужа дождалась, когда он закончит, затем взяла самодельную веревку, перекинула ее через плечо, села на Ашура и поехала прямо в болото, к росшему посередине дереву. Грязь чавкала и пузырилась под копытами, вода порой доходила единорогу до колен. Девушка ехала медленно, чтобы случайно не угодить в трясину. Подъехав к дереву, Стужа остановилась.

Веревка оказалась привязана выше, чем она ожидала.

Стужа поджала губы, размышляя, как ей лучше поступить. Наконец она вытащила ноги из стремян и встала на седло. Она вынула меч и несколько раз ударила по веревке, пытаясь перерубить ее. Но до веревки дотягивался лишь кончик меча, и перерезать ее таким способом было невозможно. Стужа проклинала свое вечное невезение и эсгарийских богов.

— Стой смирно, а не то... — Стужа не стала договаривать, какая кара постигнет единорога. Затем присела и прыгнула.

Ей удалось схватиться за веревку обеими руками. Затем она зажала грубый канат между щиколоток. Веревка Онократоса чуть не соскользнула у нее с плеча, но девушка сумела удержать ее подбородком.

«Словно муха с оторванными крыльями», — подумала Стужа о себе, зависнув в таком положении. Ее внимание привлек плеск внизу, это Ашур потрусил обратно на твердую землю. Девушка посмотрела на жижу внизу. «Это удовольствие мне еще предстоит».

Стужа поднималась по веревке, пока не добралась до сложных узлов, которыми та была привязана к дереву. Узлы послужат ей сиденьем, пока она не закончит свое дело. Стужа подтянулась и уселась на веревку верхом. Это было не очень-то удобно, но ничего лучшего в ее положении придумать было невозможно. Спинай девушка прислонилась к могучему стволу.

— С тобой все в порядке?

Девушка посмотрела вниз и увидела Кимона, направляющегося к ней.

— Пока да, — ответила она и бросила ему конец веревки Онократоса. — Но эта чертова штуковина сплетена из тоненьких жестких волокон, которые со временем еще и затвердели. — Она поерзала. — А ты знаешь, как мало на мне одежды.

— Боишься насажать заноз? — поддразнил ее юноша.

— После стольких недель в седле? — отозвалась Стужа. — Да я их даже не почувствую. — Она обвязала самодельную веревку вокруг первой, надеясь лишь на прочность своих узлов. — Держи крепче, — крикнула Стужа Кимону. — Веревка сильно натянута, если ты отпустишь или мои узлы развяжутся... — Она скорчила гримасу. — ...нам всем придется долго барахтаться в этой жиже.

— Трас закончил с плотом, — сообщил ей Кимон. — Но солнце почти село. Думаешь, мы успеем?

Стужа взглянула на небо, потом на озеро. На воде сверкала солнечная дорожка, ведущая к Скодулаку.

— У нас все получится.

Она вынула из ножен меч и стала перерезать веревку. В какой-то момент Стужа чуть не полетела в воду. Она крепче зажала веревку ногами, а рукой взялась за толстый сук, чтобы удержаться.

Кимон внизу захихикал.

— Это так забавно! — крикнул он, смеясь.

Трас Суртиан и Онократос, тоже улыбаясь, наблюдали за ней. Плот, который они смастерили из повозки, лежал у кромки воды.

— Если еще кто-нибудь засмеется, — предупредила девушка, продолжая пилить, — я отрежу ваши языки, клянусь... Ой!

Старая веревка поддалась легче, чем она ожидала. И Стужа полетела в грязь. Девушка поднялась на ноги, отплевываясь болотной водой и илом.

Все мужчины покатались со смеху. Стужа осыпала их проклятиями, потрясая мечом,

который так и не выпустила из рук. Хохот стал еще громче. Они хлопали друг друга по спинам, сгибаясь пополам.

Стужа направилась к ним, стирая грязь с рук, лица и груди.

— Я вам еще покажу! — пообещала она.

— Не приближайся! — закричал Трас Суртиан, зажимая нос. — От тебя несет как из выгребной ямы.

— Ты не упустил веревку? — спросила она Кимона.

Юноша поднял руку, показав, что все в порядке.

— Тогда давайте переправим Аки и Калинду, пока не зашло солнце. — Она отжала свои длинные волосы.

Кимон и Онократос поспешили к детям, а Стужа и Трас Суртиан подняли плот, который на самом деле был просто дном повозки, и осторожно спустили его на воду. Они встали на него. Вода просачивалась сквозь щели в досках.

— Трас! — воскликнула Стужа, изображая испуг. Коркирец заметил течь и поспешил соскочить на берег. Девушка ловко сделала ему подножку. С громким криком капитан плюхнулся в воду. Он поднялся, весь облепленный илом, изрыгая самые страшные коркирские ругательства, готовый вцепиться Стуже в горло.

— Как это могло случиться! — воскликнула она, невинно моргая. Стужа легко спрыгнула на берег. — Нужно быть предельно осторожным с такими штуковинами, — посоветовала она. И подумала с довольным видом: «Посмейся теперь, старый пень».

Двое мужчин вернулись с детьми. Кимон с любопытством взглянул на Траса Суртиана.

— Сейчас не время для купанья, — заметил он.

Стужа не дала коркирцу ответить.

— А вам, сэр, придется плыть до острова самому. Плот не выдержит нашего веса.

Онократос нахмурился:

— Тогда к чему были все эти приготовления?

— Я и не рассчитывала, что мы все поплывем на плоту, — ответила Стужа. — Плот был необходим для Калинды и Аки. Ты поедешь с ними.

— Понял, — сказал колдун, нахмурившись пуще прежнего.

Стужа заметила его мрачное выражение лица и спросила:

— Ты возражаешь?

Онократос расправил плечи и поднял голову:

— Ты считаешь, что я слишком стар, чтобы плыть? Почему я должен оставаться сухим, и находиться в безопасности? Ты женщина, ты и переправишься с детьми!

Стужа положила руку ему на плечо.

— Я не хотела обидеть тебя. — На самом деле девушка и вправду сомневалась, что он доплывет, но не подала виду. — Мы слишком долго скакали верхом, мы все в поту и в грязи. Купание даже в этой мутной воде освежит нас перед предстоящей битвой.

В старческих глазах Онократоса вспыхнул огонь, но тут же потух. Колдун передразнил манеру Стужи прикусывать губу.

— Ты не очень-то хорошая лгунья, моя дорогая. — Он колебался. Лицо выдавало затаенный страх. — Гел мог бы перенести нас туда, — добавил он задумчиво.

— К чему такой большой расход сил? — Стужа взглянула на плот. — Мы и сами справимся. Когда мы доберемся до Врат Черепа, ты его вызовешь.

— А что если он не явится?

Девушка посмотрела на Скодулак, чувствуя, как ее сердце сжимается от леденящего ужаса. Она не давала волю страху эти несколько дней.

— Я заключила сделку с Орхосом, не так ли? — спросила она с напускной уверенностью. — Если Гел не явится, мне придется просить об изменении условий сделки.

Ей не хотелось продолжать этот разговор. Оставалось еще кое-что сделать, и она стала отдавать распоряжения. Кимон и Трас Суртиан перенесли детей на плот, сложили туда же оружие, сапоги и бутылки с водой. Онократос стреножил лошадей и отпустил их бродить

вдоль берега. Но когда колдун подошел к Ашуру, тот сбежал, оскорбленный подобным обращением.

И вот все было готово. Онократос осторожно вступил на плот, опустился на колени между спящими девочками и крепко схватился за веревку из связанных одеял. Сквозь щели просачивалась вода, все трое непременно вымокнут, но зато плот хорошо держался на воде.

— Мы будем толкать вас, пока сможем, — сказала Стужа, входя в озеро. Если ты потянешь слишком сильно, узлы могут развязаться, прежде чем ты доберешься до основной веревки.

Кимон и Трас Суртиан подозрительно смотрели на девушку, стоя в нерешительности на берегу.

— Я что, должна сама толкать? — спросила она у них. Стужа подмигнула Трасу Суртиану. — Ты все равно уже благоухаешь после первого омовения, так что иди сюда, прочувствуй, какой под ногами славный мягкий ил.

Мужчины переглянулись, пожали плечами и тоже вошли в озеро. Темная вода доходила до бедер, ил набивался между пальцами. Тростник, росший у берега, сгибался под плотом, который они толкали перед собой. Впереди показалась открытая вода, и в этот миг дно внезапно ушло у них из-под ног. Кимон вскрикнул и скрылся под водой. Вынырнув, он бросил на подругу испепеляющий взгляд, затем попытался улыбнуться. Пока он отплевывался и жадно глотал воздух, Стужа и Трас Суртиан спокойно плыли вперед, продолжая толкать перед собой плот.

Вдруг с правой стороны до них донесся громкий всплеск.

— Вон там! — закричал Онократос, вытянув руку.

Стужа хлопнула рукой по воде, она была поражена и горда.

— Ашур! — крикнула девушка, единорог уже подплывал к острову. Она взглянула на своих друзей и вздохнула с облегчением. — В какой-то момент, — призналась она, — я решила, что это Орхос прислал своих слуг, хоть и несколько преждевременно.

— Да, это не самое удачное место для битвы, — согласился Трас.

Они поплыли быстрее. Онократос изо всех старческих сил тянул плот. Он не жаловался и не стонал, количество колец веревки, лежавшей у него между колен, все убывало.

Знакомый трубный звук заставил Стужу поднять голову. Ашур нетерпеливо ждал на берегу Скодудлака.

Когда они втянули плот на скалистый берег, солнце уже закатилось. Вкопанные в землю старые бревна, к которым была привязана толстая веревка паромщика, отбрасывали длинные тени. Они обулись и разобрали оружие. Стужа повесила кинжал на левое бедро, а меч на правое. У Траса Суртиана был только широкий меч и нож. Кимон препоясался длинным мечом, затем в первый раз с тех пор, как Стужа вернула юноше сверток, размотал тряпку и достал из нее изящный короткий клинок. Кимон поднял его, и последние лучи солнца сверкнули на стальном лезвии. У юноши не было ножен для этого меча, и он просто заткнул его за пояс.

Ашур подошел к Стуже и уткнулся ей в плечо, его огромный рог скользнул около ее уха. Она сделала вид, что не замечает единорога, затем смиростивилась и почесала ему нос. Ашур заржал и поскакал по берегу, вздымая копытами грязь и мелкие камешки.

— Никогда не привыкну к этим глазам! — воскликнул Кимон, глядя Ашуру вслед.

— Что будем делать с детьми? — спросил Трас Суртиан.

— Возьмем их с собой, — настаивал Онократос, — по крайней мере Калинду. — Он поднял на руки свою спящую дочь, не слушая возражений. — Я ни на минуту не оставлю ее без присмотра в этом месте. Он обвел взглядом острые гребни скал, вгрызавшиеся в ночное небо. — Неужели ты не чувствуешь, женщина? Тут даже земля пропитана злом.

— Ты все драматизируешь, — ответила Стужа, подавив дрожь. Да, она чувствовала, слышала, как звенит воздух; это было жуткое, пугающее ощущение, ей хотелось бросить все и снова кинуться в воду. Кимон и Трас смотрели на Онократоса с недоумением. Но Ашур явно был встревожен. Он нервно вскидывал голову и безостановочно ходил вдоль берега. Он

чувствовал особую природу этого острова.

Скодулак был одним из тех редких мест, где энергетические токи земли усиливались до сверхъестественного уровня.

— Это не зло, — возразила Стужа, даже не пытаясь объяснить своим товарищам, о чем идет речь. — Просто грубая и примитивная сила. Ты можешь ею управлять?

— Даже пытаться не хочу, — ответил Онократос, прижимая головку Калинды к своему плечу. — Она настолько неистова, что я не смогу ее контролировать. Ведь я волшебник, а не чародей. Моих навыков здесь недостаточно.

Энергия бурлила. Стужа ощущала покалывание в ногах, вибрацию в воздухе, который она вдыхала; ей казалось, что ее кожу омывают мягкие волны.

Когда-то она могла управлять такими силами, по крайней мере пробовала. Но она больше не была ведьмой. Онократос правильно сделал, что закрылся от этой энергии. Даже самый могущественный чародей страшился бы подчинить своей воле подобные силы.

— А вот и первые звезды, — сказал Кимон, прерывая ее размышления. Уже совсем стемнело.

Трас Суртиан перекинул через плечо бутылки с водой, Кимон взял на руки Аки.

— Куда идти? — спросила Стужа.

— В глубь острова, — ответил коркирец. — Врата Черепа находятся в самом центре Скодулака.

Они стали медленно подниматься по узкому каньону. Дирское озеро скоро скрылось из виду, но запах гниющей воды по-прежнему висел в воздухе. Из-под ног то и дело вылетали предательские камни, земля была завалена обломками скал и изрыта ямами. Ночь поглотила путников, но они продолжали идти вперед.

— Хотел бы я, чтобы у нас был факел, — сказал со вздохом Трас Суртиан.

— Прибереги свои желания на потом, — огрызнулся Онократос. — Или растрачивай их на более важные вещи.

— Хочу факел, — упрямо повторил Трас.

Стужа не знала, сколько времени они шли. Ей казалось, что целую вечность. С берега остров выглядел совсем небольшим. Девушка начала опасаться, что они ходят кругами, и попыталась запомнить скалу какой-нибудь причудливой формы в качестве ориентира.

Впереди справа она заметила несколько утесов. Когда они подошли ближе, Стужа поняла, что это не естественные образования. Она прикоснулась к ним рукой. Глыбы были совершенно гладкими. Три каменных монолита поддерживались небольшими столбами. Чуть поодаль девушка заметила похожую конструкцию.

— Должно быть, они расставлены по внешней границе, — неожиданно подал голос Трас Суртиан. — Я слышал, что они образуют круг. Никому из чужаков не позволялось подойти к Вратам Черепа ближе.

Они двинулись дальше. Ни травинки, ни деревца не росло в этой каменной пустыне. Путники пробирались между старых корней и обломков скал. Звезды ярко сияли на ночном небе, освещая им дорогу.

Они дошли до еще одной каменной конструкции. Валун был гладко отполирован и покрыт руническими знаками.

— А это внутренняя граница, — объявил Трас Суртиан, проводя рукой по поверхности камня. — Значит, древние сказания говорят правду. Если бы мы сумели прочесть эти письмена, они поведали бы нам о людях, которые населяли когда-то эти места: об их жизни и смерти. Здесь выбиты их родословные. Женщины, должно быть, приносили сюда своих новорожденных детей, и священники высекали на камне имена младенцев. Женщины могли приходить сюда только ради этого, в остальное время лишь мужчины имели право находиться здесь.

Стужа сплюнула и прошла мимо камня.

— Очередной дурацкий запрет, — недовольно сказала она.

— Сколько нам еще идти? — спросил Кимон, перекладывая Аки на другое плечо.

Трас Суртиан предложил взять девочку, но Кимон отказался.

Они подошли к отвесному краю кратера. У Стужи вырвалось эсгарийское ругательство, и она поблагодарила богов за острое зрение. В темноте можно было запросто не заметить зияющей пропасти.

— Почему ты не предупредил нас? — спросила она Траса Суртиана.

— Легенды рассказывают только о долине, — ответил тот, растерянно покачивая головой. — Я ничего не слышал об обрывах и расщелинах на острове.

— Значит, легенды врут, — вмешался Онократос. — Ты чувствуешь это? — Он взглянул на Стужу. — Источник энергии здесь. Мы дошли до самого сердца острова.

Стужа снова заглянула вниз. «Насколько здесь глубоко?» — подумала она. Под рукой не оказалось камешка, чтобы бросить, а эхо молчало.

— Я чувствую, — мрачно ответила девушка, обхватив себя руками.

— В преданиях говорится, что Скодулак населен призраками, — снова заговорил Трас Суртиан, чтобы заполнить образовавшуюся паузу. — Много веков назад, когда Коркира была совсем небольшим королевством, в этих краях обитало племя дикарей-людоедов. В те времена мы завоевывали новые земли и с благословения единого бога, которому были ненавистны подобные варварские обычаи, очистили этот остров от аборигенов. Мы почти истребили их, но говорят, некоторым все же удалось спастись. И теперь они населяют Крильские горы в далеком Роларофе. Но я не знаю, правда ли это. Скодулак был для них священным местом. Здесь они соорудили капище, в котором поклонялись своим примитивным божествам, здесь тренировались их воины, остров стал их последним оплотом и их погребальным костром.

В летописях говорится, что когда наши силы сломили оборону противника и сумели высадиться на остров, все его жители взошли на костер, который загорелся словно по волшебству. — Трас замолчал и заглянул в кратер. — Но все это было очень давно.

Стужа повернулась к Онократосу:

— Когда мы собирались в путь, ты говорил так, словно тебе знакомы эти места. Но этот кратер оказался для тебя таким же сюрпризом, как и для всех нас.

Волшебник погладил свою дочку по головке.

— Гел показал мне Врата Черепа в видении. Это огромная арена. Ночь слишком темная, а я хотел бы посмотреть на выражение твоего лица, когда ты увидишь ее днем. — Он пожал плечами. — О самом острове мне ничего не известно, демон не рассказывал о нем.

Кимон вновь аккуратно переложил свою ношу, стараясь не быть грубым с маленькой королевой, но все-таки довольно нетерпеливо.

— Если у этой расщелины есть дно, то должна быть и дорога, ведущая вниз. Давайте спускаться.

Стужа вела их по краю кратера. Наконец девушка действительно увидела дорогу. Она была широкой и ровной. Стужа восхитилась мастерством строителей, вырубивших ее в скале. Сколько усилий потребовалось, чтобы поднять наверх тонны земли и горной породы! Ей казалось, что она слышит стоны рабочих, стук молотов, лязг колес тачек и вагонеток.

Трас Суртиан назвал этих людей дикарями. Она посмеялась про себя над его высокомерным суждением. Знаки на камнях, мимо которых путники проходили, говорили о высоком мастерстве и искусстве резчиков, не говоря уже о терпении. Одна эта дорога стоила всех коркирских дворцов!

«Если бы здесь только было посветлее», — подумала она. Чем ниже они спускались, тем больше сгущалась тьма. Каменные стены по обеим сторонам дороги становились все выше и выше, теперь у них над головами виднелась лишь узкая полоска неба. «Может, стоило подождать рассвета?»

— Почему боги всегда предпочитают темноту? — поинтересовался Трас Суртиан, словно озвучив ее мысли.

— Если это так, — отозвался Кимон, — то Орхос сделал отличный выбор. Это настоящий анус земли.

— Нет, есть места и похуже, — вступил в разговор Онократос. — В Келед-Зареме есть пещера, где водятся такие летучие мыши, каких никто в жизни не видел...

— Онократос! — Стужа велела всем остановиться. Дна расщелины по-прежнему не было видно. Панический ужас лишил Стужу остатков мужества. Ночь душила ее; никогда раньше она не боялась темноты. Но сейчас мрак словно поглотил ее, заставив почувствовать себя маленькой и слабой. — Почему бы тебе не призвать демона?

Онократос долго молчал.

— Я уже дважды пытался, с тех пор как мы начали спускаться.

Девушка вознесла про себя краткую молитву. Она обещала Орхосу, что сражаться будут пятеро. Как он поступит, когда увидит, что одного не хватает? Она сжала рукоять меча, но это не придало ей уверенности. «Я заключила скверную сделку и обрекла на смерть своих друзей, — подумала она, кляня себя. — Я испортила все с самого начала. Без Гела мы пропали. Орхосу нужен демон».

— Единый боже!

Она остановилась, почувствовав на своем плече руку Траса Суртиана. Погрузившись в свои печальные мысли, Стужа не заметила, как они дошли до дна кратера. Широко раскрыв глаза, девушка смотрела на огромные ворота и стену, которые выросли перед ней.

— Неужели эти врата рукотворные?

— Это череп великана Йохве, чьи шаги сотрясали землю, когда люди только слезли с деревьев, — ответил Онократос.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросила Стужа.

— Я уже говорил тебе, что Гел показал мне это место в видении. Посмотрев на такое чудо, я не мог не задать тот же вопрос.

Звезды мерцали в глазницах и дырке, где когда-то был нос великана. Нижняя челюсть черепа глубоко вросла в землю. Рот и был вратами, которые вели на арену. Стена, в которой был закреплен череп, тянулась в обе стороны, насколько хватало глаз.

— Стена тоже сложена из черепов и скелетов животных и людей. Скорее всего Трас Суртиан был прав, сказав, что в этих местах жили людоеды.

— Не уверена, что чувствовала бы себя лучше, если бы оказалась здесь днем, — заметила Стужа, глядя на чернеющую впереди арену. Ашур заржал где-то неподалеку, и девушка улыбнулась. Она совсем забыла о единороге, он вел себя очень тихо с самого заката. — Ашур тоже не уверен, — добавила Стужа.

Она нежно погладила своего любимца и направилась через врата на арену.

Слишком поздно Стужа услышала предостерегающий крик Ашура. Его огненные глаза полыхнули яростным огнем. Боль взорвалась в ее голове, и Стужа беспомощно рухнула на землю, хватая ртом воздух.

Лежа ничком на камнях, она уголком глаза разглядела что-то огромное, покрытое чешуей, сжатый кулак неведомого существа был занесен над ней, готовый выбить жизнь из ее тела. Холодная слюна демона капала на голую шею девушки. Дыхание с хрипом вырывалось из его груди, единственный глаз горел злобой. Существо смердело, так воняло от всех мертвецов ада.

Стужа попыталась глотнуть воздуха и нащупать меч, когда чешуйчатая тварь протянула к ней свою когтистую лапу. К счастью, сработал старый рефлекс, девушка успела откатиться и вытащить меч.

Прыгая на козлиных ногах, враг подскочил к ней, рассекая воздух змеиным хвостом, и приготовился нанести второй удар. Стужа встала в боевую стойку, от ужаса она еще крепче сжала рукоять меча. Противник был выше нее в полтора раза, он занес для удара свою огромную лапу. Если демон смог сбить ее с ног, пыталась она рассуждать логически, значит, и она может его ударить, а следовательно, и ранить. Стужа замахнулась мечом.

Но существо внезапно остановилось, испустило дикий нечеловеческий крик. Его лапы поднялись к небу, хвост начал судорожно извиваться. Враг снова взвыл. Это была агония. Дым начал подниматься от его чешуйчатого тела, потом показалась пузырящаяся пена.

Стужа отскочила от корчащегося в предсмертных муках чудовища. Через несколько мгновений его тело растворилось в дыму и пене, источая омерзительную вонь. Стужа не могла отвести от чудища глаз, до тех пор, пока его тело не исчезло вовсе и на арене не осталось лишь мокрое пятно.

Трас Суртиан стоял во Вратах, последние капли воды вытекали из лопнувших бутылей, которые он держал в руках.

— Я просто качнул их, и они порвались, — сказал он, еще не до конца оправившись от потрясения.

— Не извиняйся, — успокоила его Стужа. Ашур ткнулся ей в плечо. Кимон и Онократос со спящими детьми на руках пребывали в нерешительности.

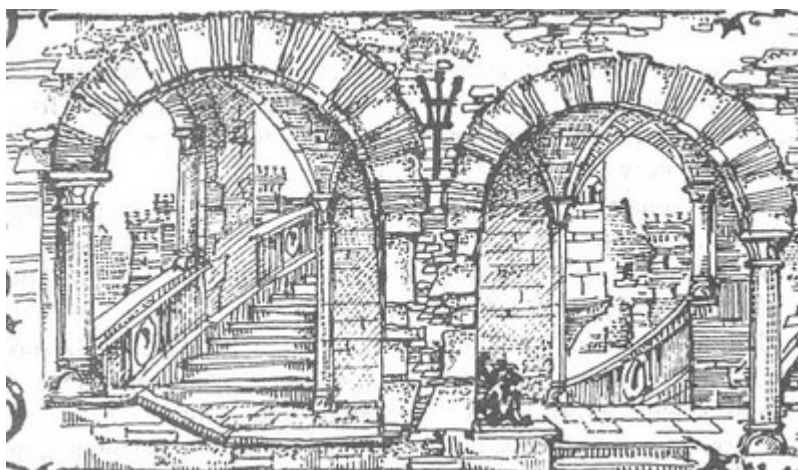
— Что это было? — спросил Кимон.

Думаю, один из наших противников, — ответил Онократос; он обвел арену настороженным взглядом.

Вдруг у них под ногами задрожала земля. Небо закрыли облака пара. Затем одно облако приняло форму уже знакомого видения, им улыбалось расплывчатое лицо.

Отлично, дочь моя! — Владыка червей смеялся, и небеса сотрясались от раскатов его смеха. По лицам своих товарищей Стужа поняла, что они тоже видят его. — *Это был твой первый поединок, или скорее поединок твоего коркирского друга.* — Орхос снова засмеялся. — *Отважный поступок для такого старика, не так ли?*

Глава 17

Трас Суртиан погрозил кулаком:

— Не такой уж я и старик, пожиратель трупов!

Нечеткие контуры лица Орхоса растворились.

— Рад нашему знакомству. — Владыка мертвых принял человеческий облик и предстал перед ними в черном одеянии, сверкавшем, как лунный свет на темной воде. Легкий ветерок шевелил его серые, словно сталь, волосы. Лицо Орхоса было бы вполне человеческим, если бы не глаза. В них светились такие мудрость и знание, что их взгляд невозможно было выдержать.

— Я ждал вас, — мягко прозвучал голос Орхоса.

— В пути у нас возникли непредвиденные трудности, — объявила Стужа. — Так что один из нас отсутствует.

На лице Орхоса выразилось удивление.

— О нет, он не отсутствует. — Орхос слегка повел рукой.

Центр арены залил бледный чудесный свет, выхвативший из тьмы высокий деревянный крест, на котором был распят демон. Когда Гел поднял голову и увидел их, из его груди вырвался стон.

Злость и ярость ощутила Стужа в своем сердце при воспоминании о том, что сделал с

ней демон. Гел снова застонал, но Стужа почувствовала лишь удовлетворение от его мук.

— Если это утешит тебя, то скажу, что в момент оргазма его покинули последние силы, — благожелательно сказал Орхос.

Он знал о насилии! Стужа молча выругалась, но остановила себя, кусая губы. Теперь ее худшие опасения стали реальностью. Она ненавидела демона, но тем не менее рассчитывала на его силу. Как они будут сражаться с Орхосом без его поддержки?

— Пересмотрим договор, — неожиданно для себя произнесла Стужа.

Бог мертвых покачал головой.

— Ты сама заключала сделку. — В его тоне слышался почти отеческий упрек. — Гел уничтожил себя. Я знал, что так оно и будет. — Он повернулся к кресту и возвысил голос. — Демоны не боги. Они не могут свободно существовать в мире людей и оставаться при этом неизменными. Ты был глупцом, Гел. Я поставил тебя над всем адским воинством. Но тебе было мало, и ты восстал. Теперь же ты просто человек. — Орхос кивнул почти печально. — Сейчас ты достоин жалости. Но я тебя не прощаю. — Он вновь повернулся к Стуже, и девушка вздрогнула. В его глазах не было милосердия. — Вы уже сразили моего слугу, Калиса, с помощью волшебной воды. Так что теперь вы впятером сразитесь с четырьмя моими демонами.

Воздух над ареной задрожал.

— Никто не должен покидать это место.

Гул наполнил пространство. У края кратера к небесам взметнулся огненный столб и начал расширяться с увеличивающейся скоростью. Он описал круг, огненные стены сомкнулись, образовав кольцо ревущего адского пламени.

Стужа посмотрела на своих товарищей, залитых удивительным желто-оранжевым сиянием. Трас сохранял видимость спокойствия. Кимон же был явно растерян. Одной рукой придерживая на плече Аки, другой юноша судорожно сжимал меч. Онократос застыл, прижав к своей груди Калинду, в его взгляде была такая твердость, которой Стужа раньше не могла предположить в колдуне.

Она снова повернулась к владыке мертвых:

— Я не вижу, чтобы кто-нибудь сбежал.

— Тогда начнем, — объявил Орхос. Он поднял руку к небу и выкрикнул: — Шалди!

Земля рядом с Орхосом задрожала и разверзлась. В клубах дыма и пыли из трещины появился демон по имени Шалди. Он выпрямился, отряхнул грязь, поигрывая мышцами. Вдвое выше человеческого роста, Шалди стоял на мощных бычьих ногах; могучая грудь, покрытая чешуей, вздымалась словно кузнечный мех. Он сжал свои трехпалые руки в кулаки, и между костяшек вылезли изогнутые когти. Всклощенные волосы скрывали большую часть головы и лица демона, но Стужа разглядела-таки желтые клыки и единственный гноящийся умный глаз.

— Къёви! — прогремел голос Орхоса.

Послышался раскат грома. Казалось, что часть ночного неба расплавилась и пролилась на землю. А затем, коснувшись арены, затвердела, приняв форму колонны из граненого обсидиана. Еще один раскат грома — и колонна по всей высоте покрылась паутиной трещин. Третий раскат был такой силы, что Стуже, дабы не оглохнуть, пришлось зажать уши. Когда грохот стих, колонна рассыпалась на мелкие черные кристаллы.

Къёви вышел из обломков — это было создание из сверкающего льда. Размером демон очень походил на человека, а его длинные руки напоминали остроконечные осколки. У него не было ни лица, ни носа, ни глаз. В том месте, где он стоял, земля начала покрываться белым инеем.

— Чувствуешь холод? — шепотом спросил Стужу Трас Суртиан. Она молча кивнула.

— Догон! — Зов бога мертвых пронесся в ночном воздухе, словно порыв ветра.

В ответ пространство наполнило завывание тоненьких голосов, заглушившее все прочие звуки. Из ниоткуда возникли разноцветные ручейки и потекли по арене, завиваясь в спираль. Они все текли и текли, закручиваясь в водоворот искрящихся красок. Вибрация

безумных созвучий все ускорялась и внезапно оборвалась. Водоворот продолжал кружиться не больше секунды. Цвета исчезли, и на свет явился монстр с крыльями и мордой летучей мыши, львиными клыками и человеческим телом. И вот крылья Догона задрожали, пасть раскрылась, и чудовище издало пронзительный крик.

Глаза Орхоса загорелись в предвкушении поединка. Было ясно, что его увлекает предстоящее состязание.

— Ты уже сразила демона Калиса, — напомнил Стуже Орхос. — Но вы еще не видели моего пятого демона. Она в пути и скоро будет здесь. — Он обратил свой взор к небу, его губы искривились, чтобы произнести имя. — Оийя!

Стужа уже знала, чего ожидать. Она взглянула на небо. Падающая звезда, едва видимая из-за огненной стены по краям кратера, сорвалась с бархатного небосвода. Стужа угадала траекторию, следя за ее падением, и подняла руки, чтобы защититься от взрыва.

Но вместо этого звезда внезапно пролилась сверкающими каплями. Они упали на стену, недалеко от Врат Черепа и некоторое время ничего не происходило. Воцарилась тишина. Затем появилась Оийя, порождение этого сияющего дождя.

Орхос назвал ее «она». И действительно, женская природа Опии была очевидна. Высокая и гордая она была гораздо крупнее любой земной женщины. Ее кожа отливала золотом, снежно-белые волосы ниспадали тяжелыми кудрями на спину и совершенной формы грудь. Стужа не могла хорошенько разглядеть ее с такого расстояния. Дьяволица надменно взидала на девушку и ее друзей со стены. Лук и колчан со стрелами еще больше подчеркивали дику, неземную красоту Оийи.

— Девочки будут в безопасности вон там, — сказал Орхос, указав в сторону трона, вырезанного из сверкающего оникса, который возвышался у противоположной стены. У его подножия находились две небольшие плиты, по форме напоминавшие алтари. Стужа могла дать руку на отсечение, что всего минуту назад ни трона, ни плит там не было.

Кимон понес Аки к одной из плит. Онократос колебался. Заметив его нерешительность, Трас Суртиан шепнул колдуну несколько слов, потом осторожно взял из его рук Калинду и пошел вслед за Кимоном.

Стужа не спускала глаз с противников. Сейчас как раз был подходящий момент для атаки: Трас и Кимон по одну сторону арены, они с Онократосом по другую. Ее руки потянулись к оружию и сжали рукояти. Положив девочек на каменные плиты, Трас и Кимон двинулись обратно.

Уголком глаза девушка заметила, как где-то сбоку шевельнулась черная тень, и выхватила меч. Это был всего лишь Ашур. Стужа совсем забыла про единорога. Он обежал арену под настороженным взглядом Оийи и встал на страже между спящими девочками.

— Теперь я уверена, что Аки и Калинда в безопасности, — с облегчением сказала Стужа. Она сделала глубокий вдох и обвела взглядом противников. Теперь, когда Стужа знала, что состязания не избежать, она с удивлением обнаружила, что не чувствует страха. — Позволь Гелу присоединиться к нам и давайте начнем.

— Зачем он нам теперь нужен? — шепотом спросил Кимон. В руке он держал меч. Стужа не слышала, как он достал клинок из ножен. Короткий меч по-прежнему торчал у него за поясом.

— По крайней мере, мясо, — ответила девушка. И затем обратилась к Орхосу: — Раз он лишился своей магической силы, ты дашь ему оружие?

Орхос пожал плечами. Веревки, которыми демон был привязан к кресту, упали. Гел рухнул на землю.

— Ну же, мятежник, — крикнул Орхос. Гел пытался встать на ноги. — Бери оружие. — Владыка ада указал на арену. — Это больше, чем ты заслуживаешь.

Гел потряс головой, чтобы она прояснилась, и поднял из пыли огромный двуручный меч с восьмигранным лезвием. Неужели все это время меч лежал у подножия креста? Стужа в этом сомневалась. Собственные фокусы явно доставляли Орхосу удовольствие.

Сначала Гел двигался с трудом, но потом все более уверенно. Он прошел сквозь строй

адских созданий и встал по левую руку от Стужи, переводя взгляд с одного демона на другого.

— Они мне не противники, — презрительно бросил он и повернулся к своему бывшему господину. — Верни мое прежнее обличье, и тогда посмотрим, как быстро закончится этот фарс.

Лицо Орхоса потемнело от гнева.

— Никогда больше не примешь ты обличье ворона. Никогда не летать тебе по воздуху и не оседлать ветер. — Орхос потряс кулаком, и земля задрожала. — Ты восстал против меня и тем самым нарушил договор. И тебе воздалось по заслугам. — Он махнул рукой в сторону Шалди, Къёви, Догона и Ойии. — Они недостойны тебя? Глупец, бывший когда-то демоном! — Он сплюнул, и дым поднялся от того места, куда попала слюна. — Да, они не обладают той магической силой, какую некогда имел ты. Но они остались верны и хорошо служат своему господину, которому поклялись в преданности. Так что они дороже мне во сто крат, чем ты. — Орхос указал своим тонким пальцем в сердце Гела. — Ты был первым, но стал последним.

Гел оскалился, однако ничего не сказал в ответ.

Орхос обратился к Стуже:

— Из сострадания к вашей немощи я выбирал для вас противников из самых низших рангов моего воинства. Их можно ранить и победить, если вы будете искусно сражаться и проявите сообразительность. Искренне говоря, я сомневаюсь, что вам удастся выиграть это состязание. Но мы заключили сделку, и условия должны быть соблюдены.

Стужа гордо выпрямилась. Она стояла, опираясь на рукоять своего меча.

— У нашей сделки было и другое условие, пожиратель трупов, — напомнила девушка.

— Я выполню наш уговор и сражусь с богом хаоса, если вы победите.

Стужа кивнула, изо всех сил стараясь выдержать взгляд Орхоса:

— Тогда с дороги!

Он пристально посмотрел на нее и на его лице появилась тень улыбки. Кивнув, Орхос направился к трону. Ашур грозно захрапел, когда бог мертвых приблизился к девочкам, огненные факелы глаз яростно вспыхнули.

— Как быть с ним? — спросил Кимон у Стужи, глядя на Онократоса. — Без своего ручного демона он нам бесполезен.

— Но демон со мной! — рассвирепел волшебник.

Гел захохотал.

— Мои силы иссякли, и я больше не связан никакими клятвами, отныне у меня нет хозяина. — Гел сделал пробный взмах мечом, чтобы прочувствовать его вес. — Я буду биться только потому, что иначе владыка ада уничтожит меня. Я сражаюсь за свою жизнь. — Он посмотрел на Стужу долгим взглядом и добавил: — Чтобы увидеть, как мой сын воплотит мою мечту.

Стужа вновь подумала о ненавистной жизни в своем чреве, но ничего не сказала. Кимон еще не знал о семени, зреющем в ее утробе, и сейчас было не время сообщать ему об этом.

— Я мужчина! — воскликнул Онократос, сжимая кулаки. — Такой же, как и ты! Я могу сражаться!

Стужа отключилась от собственных проблем, чтобы успокоить старика. Но что она могла делать? У Онократоса не было оружия, к тому же он и правда был слишком стар для подобной битвы. Он владел некоторыми магическими приемами, однако, по его же собственным словам, сомневался в своих силах.

Но тут вмешался Трас Суртиан. Он подошел к старику и тронул его за плечо.

— Стой у ворот, друг, — сказал Трас.

Стужа смотрела на них с удивлением. Неужели они действительно стали друзьями? Они часто беседовали во время последнего путешествия и, вероятно, нашли общий язык. Трас был ненамного моложе Онократоса. Просто он хорошо владел оружием и был

закаленным воином.

— Если увидишь, как нам можно помочь, действуй по своему усмотрению. — В голосе Траса звучали уважение и симпатия. Он отдал колдуну свой кинжал.

Онократос колебался, затем его пальцы сжали рукоять кинжала.

— Благодарю тебя, — произнес он. Затем метнул в Гела яростный взгляд. — Ты ничего не добьешься, бывший демон. Ничего. — Он повернулся и занял позицию у самого рта Йохве.

Над ареной прогремел голос Орхоса.

— Это будут поединки, в которых демон выступит против человека.

Стужа решила не возражать вслух. Она знала, что владыка мертвых услышит ее и так.

«Все против всех, когда я сражу своего противника, я помогу тому, кто будет биться рядом».

Бог смерти дал молчаливое согласие:

Как пожелаеть, дочь моя.

Орхос поднял руку.

— Итак, начинается состязание, от которого зависит ваша судьба. — Его рука опустилась на подлокотник из оникса.

Подняв меч, Стужа встала в боевую стойку. Шалди зевнул и злобно ухмыльнулся. Он сжал кулаки, выпустив когти, и попытался приблизиться. Девушка отскочила в сторону, обратив внимание на мелкую пыль, устилавшую арену.

Глаз демона горел таким же красным огнем, как и глаз поверженного Калиса. У Стужи появилась надежда. Орхос сказал, что демоны уязвимы, и Трас Суртиан это доказал.

Шалди моргнул и с быстротой гадюки выбросил вперед правую руку. Стужа едва успела отступить, ее меч полоснул демона по когтям, не нанеся тому никакого вреда. Она сделала несколько шагов назад, чтобы восстановить дыхание.

Ее враг был очень быстрым, может быть, даже слишком. У Стужи созрел план, но она не знала, удастся ли его реализовать.

Стужа рискнула обернуться, чтобы посмотреть, как справляются со своими противниками ее товарищи. Рядом с ней Трас Суртиан яростно отбивал атаку Догона. У нее не было времени искать глазами Кимона и Гела.

Шалди беззвучно кинулся на нее. Стужа не двигалась с места до последней секунды, затем сделала обманное движение и изо всех сил ударила демона по пояснице. Меч вошел глубоко в тело. Но ее триумф быстро сменился недоумением. Клинок остался абсолютно чистым, на нем не было ни крови, ни какой-либо другой жидкости. Шалди только ухмыльнулся в косматую бороду.

Стужа выругалась. «Нелюди, — напомнила она себе. — Нежить. Но и они уязвимы». Она приготовилась к продолжительной схватке.

Внезапно девушка услышала крик, но Шалди бросился на нее прежде, чем она разобрала, откуда он донесся. Правая рука демона тянулась к ее лицу, левой он собирался выпустить Стуже кишки. Ее клинок просвистел в воздухе, вонзившись Шалди в плечо. Кровь снова не выступила. Стужа сумела лишь отразить его атаку.

Пот заливал ей лицо. Девушка глотнула воздуха и облизала губы. Кровь пульсировала в висках. Стужа сжала меч обеими руками и стала ждать следующего выпада. Со всех сторон до нее доносился шум битвы, но она не сводила глаз с соперника.

Шалди наступал, выставив вперед свои когти. Он раскинул руки так широко, что Стужа не могла отскочить ни вправо, ни влево. Демон теснил ее к стене, сложенной из костей и черепов. Единственный его глаз выражал веселое нетерпение. Шалди разжал кулак, так что когти исчезли, и потянулся к горлу девушки.

Стужа бросилась на него с яростным криком и нанесла три удара под ребра. Демон отступил, теряя равновесие. Стужа замахнулась, готовясь вонзить меч в мягкий живот Шалди. Но слишком поздно заметила занесенное копыто. Боль разрывала ей грудь, воздух со свистом вырывался из легких. Девушка упала на землю, чуть не выронив меч.

Демон снова занес копыто, приготовившись втоптать своего врага в пыль. Стужа успела откатиться. Земля дрогнула в том месте, где только что была ее голова. Шалди повторил попытку, но девушке снова удалось увернуться; в воздух поднялось облако пыли. Ее меч полоснул демона по щиколотке.

Внезапно он остановился. Его лицо вновь расплылось в усмешке, он выпустил когти. Демон склонился над Стужей, выждал, словно выбирая момент, и занес кулак.

Меч Стужи взметнулся вверх словно сам собой. Острие вонзилось в кулак Шалди как раз между когтей.

Она глотнула воздух, от ужаса обливаясь холодным потом. Стужа не в силах была унять дрожь. Ухмылка не исчезла с лица Шалди. Демон не чувствовал боли.

Он подался вперед, медленно насаживая руку на лезвие ее меча. Когти приближались к Стуже. Он пришил ее к стене, как насекомое. Ее мускулы напряглись, на шее вздулись вены. Все усилия были напрасны. Кулак Шалди Стуже было не остановить.

Сжав зубы, девушка вновь отпрыгнула в сторону, выпустив оружие. С невозмутимым спокойствием демон вытащил из своей руки меч, словно это была обыкновенная заноза, и отбросил его в сторону. Стужа заметила место, куда он упал. Слишком далеко, у нее не было ни малейшей надежды до него дотянуться.

Шалди вновь наступал, сотрясая ночной воздух ударами своих кулачищ. Стуже еще раз удалось увернуться, она отскочила в сторону и бросилась бежать. Ее изначальный план с треском провалился. Шалди не оставил ей шансов. Она могла лишь защищаться. В начале схватки Стужа надеялась тяжело ранить демона, чтобы он двигался не так быстро, а затем постараться обнаружить его уязвимые места. Да, раны демона не кровоточили, но должен же существовать способ, как покончить с ним. Так, во всяком случае, сказал Орхос. Теперь, когда меч Стужи валялся в пыли, у нее осталось только одно оружие — Жало Демона. Она должна подпустить Шалди совсем близко. И тогда у нее будет возможность нанести единственный быстрый удар. Стужа не знала, обладает ли этот демон силой контролировать кинжал. Судя по его рангу, он был слабее Гела. Но Стужа не могла на это полагаться. Удар должен быть неожиданным для Шалди.

Девушка в очередной раз отскочила и перекувырнулась, чтобы увернуться от когтистой лапы. Затем Стужа вскочила на ноги. На ее одежде виднелись три полосы. Она сделала глубокий вдох, не обращая внимания на легкое покалывание и кровь, появившуюся через несколько секунд после удара демона.

Облизав губы, Стужа ощутила на языке привкус пыли. Ее пальцы крепче сжали рукоять кинжала. Все или ничего, решила она.

Стужа с самого начала знала, что все будет именно так, знала уже в тот момент, когда заключала сделку с Орхосом.

Она напряженно ждала следующего броска Шалди. Он раскрыл руки, чтобы схватить ее, стальные когти блестели в свете пламени, горевшего по краям арены, красный глаз неистово сверкал.

— Вот тебе, верный и преданный слуга! — выкрикнула Стужа, передразнивая патетическую речь Орхоса. Быстрым движением она вонзила кинжал в единственный глаз монстра. И в тот же миг раздался короткий душераздирающий вопль.

Шалди отступил назад и упал, хватаясь за лицо. Жуткая пасть открылась, искривившись в беззвучном крике. В ужасе катался он по земле в облаках пыли, пытаясь выдернуть жестокое лезвие. На месте раны показалась розовая пена, она пузырилась, заливая его всклокоченные волосы и бороду, тело демона извивалось, он отчаянно молотил воздух своими коровьими копытами. Затем Шалди попытался подняться, но тут же снова рухнул, кулаки судорожно сжимались, когти то высовывались, то вновь втягивались.

Стужа наблюдала за ним с ужасом и облегчением. Ни единого стога не сорвалось с губ демона, ни слова, ни проклятия, ни мольбы о помощи. Наконец его грудь перестала вздыматься, кулаки разжались, копыта еще раз судорожно дернулись, и Шалди затих.

Ты прекрасно сражалась, дочь моя, — услышала она голос Орхоса в своей голове. —

Жаль, что твои товарищи справляются хуже.

Тело Шалди начало дымиться. Плоть треснула, кожа сползла с черепа, наружу потекла розовая пена.

— Убирайся из моей головы, владыка червей! — воскликнула Стужа, и в ее голосе звучали триумф и гордость. У меня есть оружие против твоих демонов. Это и был мой козырь!

Посмотри на него, дочь моя, — предостерег ее Орхос.

От Шалди ничего не осталось, кроме быстро уменьшающейся лужицы сукровицы, из которой торчала рукоять Жала Демона. Стужа подошла к этой луже и, вытащив кинжал, вскрикнула от отчаяния. Половина лезвия растворилась в крови чудовища. То, что осталось, было изъедено ржавчиной, металл потемнел и больше не отливал серебром. Стужа не ощущала магической ауры, окружавшей его прежде. Кинжал молчал. Мертвый, с ужасом подумала она, хотя раньше ей никогда не приходило в голову, что он может быть живым.

— Будь ты проклят! — выкрикнула Стужа. — Будь проклят!

Дочь моя, как ты можешь проклинать владыку девяти проклятий? — пожурил ее бог.

В ярости девушка метнула в Орхоса бесполезное оружие — это был скорее жест отчаяния, а не вызов. Кинжал упал у ног бога между телами девочек. Ашур издал протяжный жуткий крик и истоптал копытами лезвие.

Состязание еще не окончено, — напомнил Стуже Орхос. — *Посмотри на своих товарищей.*

Внимание Стужи привлек раздавшийся крик. Она обернулась. Онократос боролся с огромной змеей. Ее кольца уже обвили его грудь. Открытая пасть застыла напротив лица. Колдун сдерживал ее голову одной рукой. Змея плюнула в него ядом, он едва успел отвернуться. Затем Онократос пустил в ход кинжал, который дал ему Трас Суртиан. Первый удар пришелся в тело змеи, второй снес ей голову. Обезглавленное туловище продолжало извиваться вокруг него, но старик сумел высвободиться из смертельных объятий.

У его ног Стужа заметила труп еще одной змеи. Значит, Онократос справлялся сам. Его мужество вызывало восхищение.

Но сама Стужа стояла безоружной посреди этого жуткого побоища. Она поискала глазами меч, валявшийся там, куда его отбросил Шалди, и побежала подобрать его.

Гел и Трас Суртиан сражались бок о бок с чудищем, которого звали Догон. Рукав коркирца был разорван в клочья, по локтю стекала кровь, на плече атели несколько глубоких ран. Гел тоже был ранен. Догон вырвал куски мяса у него из спины и груди. Кровь бывшего демона была такой же красной, как и человеческая. Боль взбесила его, но Гелу не хватало мастерства в обращении с мечом, и большинство ударов приходилось отбивать Трасу Суртиану.

Догон взмыл в небо, издал резкий крик, расправил свои перепончатые крылья и, выпустив когти, спикировал вниз. Трас сделал обманное движение, а затем ударил своим длинным мечом, задев край крыла, но недостаточно глубоко, чтобы серьезно ранить демона. Гел не сходил с места, что было чрезвычайно неумно в этой ситуации. Он поднял свою огромную руку, пытаясь схватить крылатое чудовище, но прежде чем Гел успел это сделать, Догон сложил крылья и упал на бывшего демона, придавив его к земле всем своим весом.

Стужа бросилась было к ним на помощь, но остановилась. В стороне от нее прекратился лязг оружия, но девушка не ощутила запаха дымящейся плоти демона, не услышала радостного человеческого крика, возвещающего о победе. Она поняла, что потеряла из виду Кимона.

Ледяные пальцы Къёви сжимали лицо юноши, который откинулся назад, словно тряпичная кукла. Рука, все еще сжимавшая меч, безвольно повисла. Къёви отеснил Кимона к северной стене арены, но даже с этого расстояния Стуже было видно, как лицо юноши покрывается коркой льда.

Ярость придала ей силы. Она подбежала к ледяному демону, подпрыгнула и ударила его обеими ногами, так что все втроем они повалились на землю. Девушка поднялась и

нанесла мечом удар по шее Къёви, когда тот вставал. Демон покачнулся, и она изо всех сил полоснула его по животу. Третий удар пришелся Къёви по плечу. Стужа намеревалась разрубить его пополам. Къёви рухнул, и земля вокруг побелела от инея.

Затем он поднялся совершенно невредимый. Лишь несколько полос остались на местах, куда пришились удары девушки. Стужа даже не могла понять по его лишенному черт лицу, испытывает ли он боль.

Кимон встал рядом с ней. Темные кровоподтеки остались на тех местах, где сжали его лицо пальцы демона. Стужа чувствовала запах пота своего возлюбленного, слышала учащенное дыхание. Но он снова твердо держал свой меч.

— Он не собирается умирать! — воскликнул Кимон.

— Сражайся!

Что еще она могла сказать ему в ответ?! Вдвоем они принялись атаковать демона. С каждым ударом Стужу отбрасывало назад. А Къёви даже не двигался с места. «Я разобью тебя на мелкие осколки», — поклялась она и стала нападать с удвоенной силой, пока ее руки не онемели от усталости.

Внезапно Къёви простер руки и поймал оба меча. Белый иней покрыл металл. Стужа почувствовала холод в ладонях, который начал распространяться по ее телу. Но она продолжала сжимать оружие и изо всех сил тянула меч, чтобы вырвать его у демона. Кимон пытался сделать то же самое, упершись сапогом в живот чудища.

Къёви повернулся, и покрытая льдом сталь хрустнула.

Стужа в ярости и отчаянии посмотрела на оставшийся в ее руках обломок. Вначале бутылки, потом Жало Демона, а теперь еще и меч. Как же ей сразаться?

У Кимона оставался его короткий клинок. Выхватив его из-за пояса, Кимон что есть сил набросился на Къёви, вонзив меч ему в голову. Лезвие прошло насквозь, не причинив демону ни малейшего вреда.

Слишком поздно Стужа заметила грозившую Кимону опасность. Къёви как ни в чем не бывало протянул руку и снова сжал своими ледяными пальцами лицо Кимона.

От его отчаянного крика кровь застыла в жилах Стужи, она знала, что плоть ее возлюбленного начала леденеть. Девушка ринулась к демону, сжимая в руках обломок меча.

Но прежде чем она успела нанести удар, в воздухе послышалось шипение. Скользкие темные кольца обвились вокруг ее горла, красные злобные глазки уставились на Стужу. Девушка почувствовала резкий запах рептилии. Из открытой пасти выстрелил раздвоенный язык.

Стужа стремительно вскинула руку и схватила змею чуть ниже головы. Та стала отчаянно извиваться, все крепче сжимая кольца. Взор Стужи застила красная пелена. Змея шипела и плевалась. Стужа прищурилась, чтобы защититься от яда глаза. Но несколько капель все равно попало на кожу, которая тут же начала гореть.

Крик боли вырвался из ее посиневших губ, Стужа рухнула на землю. Рукоять сломанного меча выпала из ее разжавшихся пальцев.

По телу девушки разлилось странное успокаивающее тепло, она знала, что умирает. Стужа потеряла чувствительность. Яд, обжигавший щеки, уже не причинял боли, она не ощущала, как змеиные кольца сдавливают ее горло и кровь приливает к мозгу. Стужа больше не боялась. Казалось, что все вокруг плывет. Только две алые точки горели у нее перед глазами, не двигаясь с места.

И вот Стужа подняла и сомкнула на теле змеи вторую руку, чуть ниже первой. Ее пальцы сжались. Девушка начала поворачивать руки, ее чешуйчатый враг стал судорожно извиваться. Стужа не прекращала движения рук, на ее плечах и спине болезненно напряглись мускулы. Стужа рванула кисти в разные стороны, девушка даже не предполагала, что обладает такой силой.

Ее лицо и плечи залила какая-то жидкость, ожоги от яда прошли. Кольца внезапно ослабели. Легкие Стужи наконец наполнились воздухом. Девушка удивленно смотрела на разорванного монстра, который хотел ее задушить. Злобные красные глаза чудовища

продолжали сверкать даже после смерти.

Стужа отбросила от себя змею и попыталась встать, однако ноги не слушались ее, и девушка снова упала. Стужа приподняла голову, чтобы оглядеться, и похолодела от ужаса.

Къёви склонился над Кимоном, рукоять короткого меча по-прежнему торчала из головы демона. Обеими руками Къёви сжимал лицо Кимона, упавшего на колени и делавшего слабые попытки высвободиться. Кожа юноши покрылась инеем и побелела, с обледеневших губ сорвался отчаянный стон.

— Нет! — Стужа попыталась подняться, но не смогла. Слезы бессильного гнева потекли по ее лицу. Она поползла к демону. — Отпусти его, Орхос!

Но бог мертвых хранил молчание.

Стужа видела, что Кимон потерял сознание. Кляня всех и вся, плача, она смогла все же встать сначала на одну ногу, затем на другую. Шатаясь, Стужа направилась к демону, без оружия, думая лишь о человеке, который однажды пытался отнять у нее жизнь.

Къёви отбросил девушку в сторону одним взмахом руки. Стужа вновь упала на землю, в ушах у нее зашумело.

— Помогите ему, кто-нибудь! — всхлипнула она. — Помогите ему!

Но Стужа прекрасно знала, что помощи ждать не от кого.

Гел был сражен Догоном. Острый край крыла чудовища полоснул его у основания черепа, и хвастливый демон теперь лежал без движения.

Трас Суртиан едва отбивался от своего противника, вновь взмывшего в небо с победным криком.

Краем глаза Стужа заметила, что Оийя подняла свой лук. Ее стрела полетела прямо в старого капитана. Но что за чудесное превращение? На полпути стрела удлинилась, стала более толстой, покрылась чешуей.

С силой взмахнув мечом, Трас Суртиан перерубил змею прямо в воздухе. Безжизненные куски упали в пыль. Но в этот миг спикировал Догон. Демон издал устрашающий крик, сверкнули его львиные клыки. Стужа знала, что ее друг не успеет вовремя среагировать.

Неожиданно демона отвлек какой-то трубный звук.

Ашур с горящими глазами выскочил на арену, сбил плечом Траса Суртиана, так что тот отлетел на безопасное расстояние. Затем Ашур взвился на дыбы. Витой рог воткнулся демону в живот, прежде чем Догон успел изменить траекторию полета.

Нечеловеческий крик Догона чуть не оглушил Стужу. Из его раны вырвался черный фонтан.

Эта победа придала Стуже сил. Несмотря на раны и ушибы, она заставила себя подняться. Единорог был волшебным и потому сумел ранить демона. Благодаря святой воде и кинжалу они отправили обратно в ад еще двоих. Магия была единственным действенным оружием против этого адского отродья.

И у Кимона оставалось еще кое-что. Стужа поспешила к нему на выручку, изо всех сил ударив Къёви ногами. Ледяной демон рассыпался по земле.

Стужа знала, что у нее в запасе лишь несколько секунд, пока чудовище не возобновит атаку. Кимон лежал без движения. Она подползла к нему. Его плоть была холодна. Стужа прижала ухо к груди юноши. Ей показалось, что сердце его бьется. Но она не была уверена, так ли это на самом деле, или ей просто так сильно хочется верить в то, что Кимон жив. Стужа позвала своего возлюбленного по имени, дважды ударила по щекам. Но глаза Кимона не открылись, он даже не шелохнулся.

Стужа быстро взглянула через плечо и поняла, что отведенное ей время истекло. Къёви поднялся и шагнул к ней, вытянув руку.

Девушка отчаянно рванула тунику Кимона, обнажив его грудь. Кошелек был на месте. Стужа узнала свои узлы. Она потрянула кошелек, и на ее ладонь выкатился рубин.

Сжав камень в кулаке, Стужа повернулась лицом к ледяному демону. Вокруг нее распространилось алое сияние. Стужа подняла руку над головой, надеясь, что это защитит ее

от стрел Оийи.

Къёви приблизился еще на шаг и остановился.

Недостаточно защищаться от моих слуг, дочь моя, — услышала девушка голос Орхоса. — *Вы должны выиграть состязание.*

— Убирайся из моей головы, пожиратель мертвецов!

Он не обратил внимания на ее крик.

Условия были невыполнимыми для тебя. Я знал это с самого начала и потому не позволил Оийи действовать в полную силу.

Стужа не хотела выпускать из виду Къёви, замершего напротив нее, однако она все же бросила быстрый взгляд на стену, где стояла дьяволица.

Остерегайся ее, — сказал Орхос.

Оийя выстрелила из своего лука, стрела попала в середину арены. В воздух поднялось огромное облако пыли, из которого появилась змея невообразимых размеров. Она могла бы обвить всю арену. Гади́на зашипела, обнажив клыки длиной с копье. Адский огонь, горевший по краям арены, отражался в ее сверкающей чешуе и красных глазах.

Пытаясь загипнотизировать девушку, чудовище взглянуло на Стужу. Та в ответ еще выше подняла кулак с зажатым в нем рубином. Сияние усилилось, красные лучи пробивались сквозь пальцы.

Этот жалкий талисман не спасет тебя. — Голос Орхоса вонзился в ее мозг, словно стальное лезвие. — *Поле битвы останется за мной, а ваши души ждет огненное озеро.*

Змея развернула свои кольца, пыль зашуршала под ее скользящим телом. Трас Суртиан инстинктивно метнулся в сторону, все еще опасаясь атаки Догона, который лежал тут же, на расстоянии вытянутой руки.

Змея подняла огромную голову, из раскрытой пасти брызгал яд. Первой своей жертвой она явно избрала корки́рца.

Вновь Ашур взвился на дыбы. Единорог вскинул голову, тряхнул своей роскошной гривой и приготовился к поединку.

— Нет, Ашур! Нет, мой хороший! — закричала Стужа, испугавшись за своего любимца. Со всей силы она швырнула в змею камень, молясь, чтобы сила талисмана защитила Ашура, у которого было мало шансов выстоять против этого чудовища. Змея сделала бросок, в воздухе сверкнула маслянистая чешуя.

Земля под ногами девушки закачалась. Стужу отбросило назад. Арена заходила ходуном. Девушка широко раскинула руки, погружая их глубоко в пыль, в надежде за что-нибудь зацепиться. Но земля продолжала вздыматься и опадать; по ней, как по океану, катились валы из пыли и грязи. Стужа беспомощно болталась на них, стараясь по возможности осмотреться.

Ашур бил воздух всеми четырьмя копытами. Траса Суртиана подбрасывало вверх, словно детский мячик. Тела Кимона и Гела болтались, как обломки кораблей в бушующем море. Даже змея беспомощно перекатывалась из одного конца арены в другой.

Внезапно арену потряс взрыв. Из огня, окружавшего поле боя, вырвался язык пламени. Изогнувшись дугой, пламя лизнуло землю, превратив гигантскую змею в груды дымящегося мяса.

Землю сотряс еще один толчок, на сей раз отчаянный крик послышался со стены, окружавшей арену. Оийя потеряла равновесие и упала, рассыпав стрелы. Коснувшись земли, каждая из них превратилась в извивающуюся змею.

Еще один взрыв, и вновь к небу взметнулось пламя. Оийя исчезла в огне и клубках дыма вместе со своими живыми стрелами.

Догон метался по арене, словно попавшее в паутину насекомое, его перепончатые крылья яростно хлопали в воздухе. Пронзительный крик демона был полон страха. Третий взрыв положил конец его мучениям. Обугленное тело демона рухнуло на землю.

Над ареной повисла зловещая тишина. Стужа слышала, как колотится ее сердце, чувствовала, как дрожит земля. Она понимала, что это затишье — затишье перед бурей.

Внезапно в центре арены земля разверзлась, и к небу взметнулся столб пыли. Грохот заглушил все остальные звуки. От центра к краям арены стали разбегаться трещины, теперь арена превратилась в опасную ловушку.

Наблюдая за происходящим, Стужа совсем забыла о Къёви. Она поискала демона глазами. Он стоял неподалеку, на том же месте, где девушка остановила его с помощью талисмана. Стужу удивило, как ему удалось не потерять равновесие во время столь жуткого землетрясения. Он словно застыл, словно превратился в ледяную статую, и даже не пытался, а может не мог, спастись, пока вокруг бушевали стихии. И вот земля под ним разверзлась, и он провалился в трещину, так и не издав ни одного звука.

Бесчувственное тело Кимона лежало неподалеку. Стужа испугалась, что юношу может постигнуть участь Къёви. Задыхаясь от пыли, она поползла к нему. Если это конец, то она хотела бы умереть рядом со своим возлюбленным, и пусть Орхос будет проклят навеки. Стужа положила голову юноши к себе на колени, прижалась к нему и стала ждать, что произойдет дальше.

Загрохотал гром. Молнии прорезали мрак ночи. Все вокруг озарилось ярким сиянием. Всевозможные цвета вспыхивали и гасли на черном небосводе.

Яркая голубая вспышка осветила арену, и Стужа подняла взгляд, чтобы выяснить, откуда она взялась. Ее голос казался еле слышным посреди всего этого ревущего хаоса, когда она, не веря своим глазам, выкрикнула:

— Онократос!

Старик застыл в проеме Врат, вокруг него завихрились потоки голубого света. Дрожащие лучи магической энергии расходились во все стороны, сотрясая землю, изменяя погоду, обрушивая стены, окружавшие арену, и заставляя вздыматься к небу языки адского пламени.

— Онократос! — вновь крикнула Стужа. — Остановись! Все кончено!

Но не во власти колдуна было остановить бушующие силы. Стужа видела, как он бьется в конвульсиях в своей световой ауре. Его лицо превратилось в маску боли и ужаса, рот скривился в беззвучном крике.

Он же говорил ей.

Когда-то, до договора с Гелом, Онократос практиковал колдовство. Но по его собственным словам, он никогда не был искусным колдуном. Однако ради того, чтобы спасти их жизни Онократос сумел высвободить огромную энергию Скодудлака бурление которой почувствовала даже Стужа, едва ступив на остров.

Внимание девушки привлекло какое-то движение на арене. Трас Суртиан, еле удерживаясь на ногах, сдуваемый бешеными порывами ветра, пытался добраться до Онократоса.

— Не причиняй ему вреда! — закричала она, захлебываясь пылью. — Он не может контролировать это.

Стужа знала, что коркирец ее не слышит. Он перепрыгнул через трещину, возникшую на его пути, и двинулся дальше. В его взгляде, устремленном на Онократоса, читалась непреклонная решимость.

Стужа не успела предостеречь своего друга. Обрушилась еще одна часть стены. Трас Суртиан бросился в сторону, но, изнуренный битвой, он двигался слишком медленно. Сверху на него посыпались черепа и кости, и он упал.

Она с надеждой ждала, что Трас зашевелится под обломками. Вскоре пыль рассеялась, и она увидела руку коркирца. Рука не двигалась.

По щекам Стужы заструились слезы ярости. Они бросили вызов аду и победили. Жуткое состязание было окончено. Орхос и его слуги — разбиты.

Но и ее товарищи были мертвы. Последний скоро присоединится к ним, убитый той самой силой, которая принесла им победу.

Девушка вытерла глаза, поднялась на колени, но ее тут же повалил неистовый ветер. Стужа сделала еще одно усилие и, встав на четвереньки, поползла к Онократосу. Пыль

застилала ей глаза, ветер хлестал по окровавленному плечу, сверху на нее сыпались кости. Но девушка продолжала двигаться к Вратам, огибая возникавшие в земле трещины.

Онократос увидел ее. В немой мольбе он протянул к ней руку. Он просил помощи, освобождения. Стужа поднялась на ноги, сделала один шаг, второй и стала пробиваться к нему сквозь бушующую бурю.

Позади Стужа услышала знакомый трубный звук. Это испуганно ржал Ашур. Кто-то позвал ее по имени. «Но кто мог выжить?» — недоумевала она. Стужа не решилась обернуться, сконцентрировав всю свою волю на том, чтобы добраться до Онократоса, пока освобожденная им энергия не убила их всех.

Ослепительное сияние вокруг колдуна становилось ярче с каждой секундой. Он вызвал магические силы и теперь не мог укротить их. Она должна сделать это за него.

Стужа была уже совсем близко. Теперь энергия острова пронизывала и ее. Тело кололо, сводило мышцы. Но времени на раздумья у нее не было. Она знала, что через несколько секунд будет биться в конвульсиях, как и Онократос.

Стужа увидела в глазах старика благословение. Собрав последние силы, она ударила его в челюсть.

Глава 18

Светопреставление прекратилось. Земля перестала дрожать. В небе прогремел последний раскат грома и затем все стихло. Сияние погасло. Пламя еще раз взвилось ввысь и исчезло. Теперь арену освещали лишь бледные звезды.

Стужа поморгала, привыкая к темноте. Скрюченное тело Онократоса лежало у ее ног. Колдун застонал, когда девушка провела рукой по его лицу, веки старика дрогнули и поднялись. Онократос взглянул на нее и кивнул — он был слишком слаб, чтобы говорить.

Стужа вновь услышала свое имя и повернулась в поисках того, кто ее позвал. Она узнала голос.

— Где ты? — спросила девушка.

— Я не могу пошевелиться, — отозвался Трас Суртиан.

Она осторожно двинулась к нему. С исчезновением огненного кольца Стужа перестала видеть трещины, которыми была покрыта арена.

— Я не вижу тебя в темноте! — крикнула она. — Говори что-нибудь.

Поток коркирских ругательств привел ее к цели.

Трас Суртиан был погребен под грудой костей и черепов. Стужа видела только его лицо и руку, торчавшую из этой груды под странным углом.

— Думаю, рука сломана, — сообщил коркирец, когда Стужа принялась его откапывать. — Я не чувствую пальцев.

Девушка не ответила, пытаясь сдвинуть тяжелый обломок, придавивший его локоть. Трас Суртиан застонал и выругался, когда она задела руку.

— Прости, — искренне извинилась Стужа. Капитан покачал головой и прикусил от боли губу. — Позволь мне помочь.

Стужа напрягла все силы, чтобы поскорее высвободить Траса.

— Ты победила, — услышала вдруг она знакомый голос.

Холодная рука сжала ее сердце.

— Гел?

Демон появился из темноты. Девушка сделала шаг назад. Гел нагнулся, чтобы поднять обломок, который Стужа не могла сдвинуть с места.

— Я думала, ты погиб, — сказала она ему и с ненавистью добавила: — Я молилась, чтобы ты погиб.

Неподалеку из стороны в сторону бродил Ашур. В ночном мраке были видны только его горящие глаза. Стоило Гелу подойти к Стуже, единорог тоже двинулся к своей хозяйке. Он взрывал пыль копытом, грозно, словно для удара, опустив витой рог. Услышав зов Стужи, Ашур направился к ней, но внезапно остановился, попятился назад, затем разбежался и перепрыгнул через широкую трещину. Оказавшись возле Стужи он ткнулся ей мордой в плечо.

Девушка погладила его гриву. Рядом с Ашуром она чувствовала себя в безопасности.

— Нам нужно освободить Траса, — прошептала она на ухо единорогу.

Благодаря Гелу это не заняло много времени. Колено капитана было вывихнуто, распухло и страшно болело. Но в общем Трасу повезло. Кости и черепа, из которых была сложена обрушившаяся на него стена, весили куда меньше, чем камни и кирпичи. С помощью Стужи он даже сумел встать.

— Нужно отнести его за ворота, — обратилась девушка к Гелу. — Ты сможешь это сделать?

Трас Суртиан отстранился от Гела.

— Мне не нужна твоя помощь. Я видел тот удар, который повалил тебя. Он не был особенно сильным. Ты притворился, что потерял сознание, надеясь, что Догон тебя не тронет. И оставил меня сражаться с ним в одиночку. — Трас взглянул на Стужу, затем на Ашура. — Я не могу ходить. Позволь мне сесть на него.

Девушка поджала губы. Никто, кроме нее, не ездил на единороге. Она не знала, как отреагирует Ашур, когда Трас попытается на него взобраться. Старику сейчас было бы совсем некстати шлепнуться с коня.

— Может, ты лучше спросишь у него сам? — сказала она с сомнением.

Но, к ее удивлению, единорог подошел и спокойно встал рядом с Трасом. Капитан вопросительно взглянул на Стужу. Она только пожала плечами.

— Никогда не знаю, что у него на уме, — искренне призналась она. Затем повернулась к Гелу. — По крайней мере помоги ему взобраться в седло.

— Нет. — Трас Суртиан был непреклонен. — Он уже показал свой подлый характер. — Прежде чем Стужа успела возразить, упрямый коркирец присел на здоровой ноге и подпрыгнул, обхватив одной рукой единорога за шею. Трас лежал поперек седла словно мертвец.

— И так сойдет, — сказал он Стуже, морщась от боли, когда та попыталась перекинуть через седло его здоровую ногу. — Поехали.

Онократос сидел у Врат. Увидев, что они приближаются, колдун вскочил и помог Трасу Суртиану спешиться. Вместе со Стужей они усадили капитана около стены. Разорванные кожаные бутылки валялись в том самом месте, где их бросил Трас Суртиан. Девушка заметила несколько оставшихся в них капель и смочила сухие губы капитана, затем свернула кожу и положила ее коркирку под голову.

— Кажется, ты быстро оправился, — сказала она Онократосу, поудобнее устроявая Траса Суртиана.

— Я чувствую себя удивительно! — ответил волшебник. — Вероятно, это оттого, что энергия проходила сквозь мое тело.

— Долго это не продлится, — предупредила его Стужа.

— Посмотрите! — воскликнул Гел, указывая вверх.

Звезды словно сорвались со своих мест и блуждали по небу. Знакомые созвездия рассыпались и собирались вновь в других частях небосвода. То тут, то там звезды вспыхивали голубым и красным, прежде чем исчезнуть. Тут же возникали новые.

— Что происходит? — шепотом спросил Трас Суртиан.

— Хаос, — ответил Онократос с благоговейным ужасом.

— И смерть, — добавил Гел.

Стужа могла только кивнуть.

— Орхос сдержан слово, он сражается с Гатом за души наших детей.

Они смотрели на безмолвное представление у них над головами. Стуже казалось, что она должна слышать взрывы, гром и треск, но вокруг царила сверхъестественная тишина.

— Что мы можем сделать? — спросил Онократос, не выдержав этой тишины.

— Ждать, — бесстрастно ответил Гел.

— Нужно проверить, как Аки и Калинда, — сказала Стужа, хлопнув себя по лбу. — Мы должны убедиться, что они невредимы.

— С ними все хорошо, — уверил ее Трас Суртиан. — В том месте, где они лежат, земля не вздымалась и не образовалось ни одной трещины. Будто девочки защищены незримой стеной.

— А что с Кимоном? — спросил Онократос.

Стужа прикусила губу и посмотрела в ту сторону, где оставила возлюбленного.

— Думаю, мы уже ничем не сможем ему помочь, — ответила она, смахивая слезы. Она выплакала сегодня все глаза, и ей казалось, что слез уже не должно было остаться. — Я пыталась согреть его, но тело было холодным, как лед.

— Все равно принеси его сюда, — попросил Трас Суртиан. — Надо, чтобы все были здесь. Мы... — Он замолчал, покачал головой, словно подбирая слова. — Не знаю, как это сказать. Мы теперь больше чем семья. — Он с отвращением взглянул на Гела и поправил себя. — Во всяком случае большинство из нас.

Стужа склонилась над Трасом. По его лицу и по затрудненной речи девушка поняла, как он страдает. Она провела рукой по лицу капитана. Кожа горела.

— Тебе нехорошо, — сказала Стужа.

Трас Суртиан поймал и сжал ее руку.

— Держись, женщина, — произнес он. — Скоро все закончится.

Стужа посмотрела на бешено перемещавшиеся по небу звезды.

— Да, — согласилась она. — Так или иначе.

— Принеси их, — прошептал Трас. Его рука безвольно упала на землю. — Принеси их всех.

Стужа пообещала ему.

* * *

Время тянулось мучительно медленно. Но вот звезды прекратили двигаться.

Через несколько мгновений приходящим в себя после боя с демонами явился Орхос в человеческом облике. Но он был уже не таким, как прежде: плечи опущены, огонь в глазах померк. Глубокие морщины прорезали лоб Орхоса. Устал, решила Стужа. Бог выглядел утомленным. Стужа не потрудились встать и осталась сидеть между неподвижными телами Аки и Кимона. У нее не было сил.

— Я не могу победить. — Владыка ада говорил человеческим голосом.

— Но ты не мог и проиграть, — ответила девушка, пожав плечами. Стужа знала это наверняка. У нее было время подумать обо всем, пока шло сражение. — Смерть и хаос слишком тесно связаны.

— Ты потерпел поражение! — воскликнул Гел.

Орхос предостерегающе поднял палец. Его глаза снова сверкнули.

— С тобой я скоро поквитаюсь, проклятый отступник. А теперь придержи свой язык, пока будут совещаться достойные.

Гел отступил под покров густой тени, которую отбрасывала стена, и не произнес больше ни слова.

— Так ты сдался? — спросила Стужа. Девушка взглянула на личико своей маленькой королевы, за спасение которой она сражалась так упорно. На глаза Аки упала прядь волос, Стужа смахнула ее.

Она проделала долгий путь, выиграла жестокую битву с демонами. Но теперь от нее уже ничего не зависело.

— Дочь моя, я связан с тобой уговором, — сказал бог мертвых. — Биться до конца, даже если его и не может быть. — Он указал на звезды, холодно мерцавшие в вышине. Стужа знала, что это уже не были прежние звезды. — Наш поединок не остался без последствий. Мы порвали ткань судьбы. Боги и смертные еще страдают из-за этого.

— Ты просишь меня освободить тебя от обязательств, которые добровольно взял на себя? — прервала его Стужа.

— Дочь моя, ты смело сражалась вместе с друзьями против созданий, которые привели бы в ужас любого смертного, но ты не побоялась ада... Ты побеждала демонов, заключала сделки с богами...

— Ближе к сути, — настаивала она.

Он смерил ее суровым взглядом. В какой-то момент Стужа испугалась, что ведет себя слишком дерзко. Но Орхос только тяжело вздохнул, как-то очень по-человечески для бога.

— Хорошо. Буду краток. Твои подвиги не оставили равнодушным даже бога хаоса.

Услышав это, Стужа вскочила на ноги:

— Что?

— Он предложил решение. — Орхос перевел взгляд на Онократоса, который сидел, баюкая на руках Калинду. Прекрасные волосы девочки свисали у него с колен, ниспадая в пыль. Орхос указал на дочь колдуна. — Ее душа принадлежит Гату, и он не уступит того, что по праву принадлежит ему. Она умерла от паучьего яда, и Гат ее ни за что не отдаст. — Затем он повернулся к Аки. — А она не умерла. Ее душа была отделена от тела противоестественным образом. Гат не может претендовать на нее. — Затем бог обвел взглядом каждого из них, так что мороз пробрал Стужу до костей. — Владыка хаоса предложил справедливые условия. Он вернет душу вашей королевы, если кто-то добровольно отдаст вместо нее свою.

Тишина грохотала в ушах Стужи. Затем она посмотрела на Кимона. В его теле совсем не осталось тепла. Он был потерян для нее навеки. Стужа могла уже думать об этом, не чувствуя в сердце прежней острой боли. Как легко свыкаешься со смертью, когда так долго живешь с ней.

И Аки. Стужа наклонилась, чтобы погладить ее нежные щеки. Казалось, с того дня, когда маленькая королева назначила ее своим телохранителем, прошла целая вечность. Они проводили рядом дни и ночи напролет, так что все формальности исчезли из их отношений, уступив место искренности.

Эта девушка изменила ее, сотворив своего рода волшебство. Аки научила Стужу любить и быть любимой. Почему она не понимала этого раньше?

Стужа была обязана Аки за это. Обязана дать ей возможность повзрослеть и найти своего Кимона.

— Я пойду, — сказала девушка, встретившись глазами с богом мертвых. До этого момента она всегда отводила взгляд.

— Нет, не пойдешь, — подал голос Трас Суртиан. Стужа думала, что он заснул. — Я стар. Эти кости никогда не срастутся как нужно, чтобы я снова мог держать в руках меч. Такой калека будет для Аки обузой, да и для всех остальных тоже. Дай мне уйти.

Но тут Онократос медленно поднял глаза. Когда он заговорил, Стужа увидела слезы,

блестевшие на его ресницах.

— Никто из вас не отправится к богу хаоса, — сказал он. — Я один виноват в этой ужасной истории. — Он погладил Калинду по волосам, поднял ее головку и снова осторожно опустил. — Она была моим единственным ребенком, утешением моей старости. Я всегда думал о ее рождении как о чуде. Моя жена умерла, когда Калинда была совсем малюткой, и я воспитывал ее сам. — Он повернулся к Стуже, словно моля о понимании. — Она была единственным существом во всем мире, которое я любил! — Он зарыдал. — Я пойду. Без меня ей будет так одиноко. — Он свесил голову, и его слезы упали Калинде на грудь. Следующие слова были произнесены едва слышным шепотом. — И я буду так одинок без нее.

Стужа опустилась на колени рядом с колдуном, взяла его голову в свои руки, прижалась лбом к его лбу.

— Это не похоже ни на один из девяти адов, — сказала она. — Ты не знаешь, что там.

Глаза Онократоса внезапно вспыхнули, и взгляд старика проник ей в самое сердце.

— Какие бы ужасы ни ожидали меня в сетях Гата, могу ли я допустить, чтобы моя дочь оказалась там в одиночестве? — Он сжал запястья Стужи и соединил ее ладони. — Могла бы ты оставить там Аки одну?

Что она могла возразить на это?!

— Это верно, идти должен ты, — одобрил решение Онократоса бог мертвых. — Ты сражался очень самоотверженно. Я не думал, что ты столь искусен в колдовстве и тебе удастся высвободить энергию этого священного места.

— Тебе и самому ведомо, что магия — это не мастерство, а прежде всего мужество и желание, — ответила вместо колдуна Стужа, и в ее словах слышалась гордость за товарища.

Орхос не разгневался:

— Хорошо сказано, дочь моя. Онократос страстно желал спасти свою дочь Калинду. И у него хватило отваги сделать все возможное и невозможное, чтобы добиться этого. Такие качества редки в людях.

— Надоели твои панегирики! — гневно закричал Трас Суртиан. — Боги, вернее, так называемые боги, вы мне отвратительны!

Стуже показалось, что лицо Орхоса на миг выразило удивление.

— Честно говоря, вы, люди, загадка для богов. Мы сотворили вас, и мы же не можем вас понять. Вы не такие, как мы. Например, ваша любовь. Откуда вы ее взяли? Вы получили ее не от нас. Но она ведет вас по жизни, диктует вам, как поступать, определяет, кто вы на самом деле. — Орхос простер руки, словно хотел заключить их в объятия. — Все, что вы совершили здесь, вы совершили ради любви. Бог мертвых посмотрел на Стужу. — Ты охотилась за волшебником из любви к Аки и сама влюбилась в человека, который однажды пытался убить тебя за деньги. — Орхос перевел взгляд на Кимона, с него на Траса Суртиана. — Ты была предана тому, кого любила, как отца, который, в свою очередь любил Аки не меньше тебя. — Наконец он повернулся к Онократосу. — И теперь Стужа начинает чувствовать любовь и к человеку, из-за которого все это случилось.

Бог закатил глаза.

— Вы все связаны друг с другом узами любви. — Он вновь посмотрел на Траса Суртиана. — Ты находишь нас отвратительными? — Орхос покачал головой. — А мы вас — непостижимыми.

— Ты говоришь, как человек, — заметила Стужа.

Орхос вновь пожал плечами.

— Такие, как ты, могут влиять даже на богов. — Он повернулся к Гелу, стоявшему в темноте. — Выходи, отступник. Для тебя здесь нет любви. — Ничто не шелохнулось во мраке. — Ну же, жалкая тварь, вырази, по крайней мере, такое же мужество, как и эти люди, которые не побоялись предстать передо мной.

Гел выпрямился и подошел к своему бывшему повелителю. На его темной коже блестели капли пота, но глаза светились высокомерием.

— Ты не можешь приказывать мне, пожиратель мертвецов. Я больше не служу ни тебе, ни людям. Мои силы иссякли, и все договоры потеряли силу.

Бог мертвых плюнул бунтовщику в лицо.

— Ты самый презренный из всех тварей. Если бы ты имел понятие о чести, то не забыл бы, что твой договор закончится, только когда душа Калинды вернется в ее тело. Но у тебя нет чести. Ты отступник, восставший против человека и бога. Ты хочешь быть свободным от ада. — Глаза Орхоса вспыхнули странным огнем. Внезапно языки белого пламени вырвались из его темных зрачков, чтобы коснуться лица Гела. Бывший демон вскрикнул и отступил, схватившись за щеки. — Хорошо, я освобождаю тебя. Но эти клейма будут свидетельствовать о твоём предательстве.

Гел метнул в бога взгляд, полный ненависти и гнева. Он опустил руки, словно презирая боль, но они сжались в кулаки. Стужа заметила на его щеке дымящееся клеймо. Она знала, что на другой щеке Орхос оставил такой же знак.

— Наконец свободен! — воскликнул Гел. — Я свободен! — Он повернулся спиной к Орхосу, выказывая презрение. — Какие-то отметины на лице, и это цена свободы! — сказал он. — Теперь я завоюю ваше царство. — Гел радостно хлопнул в ладоши. — Бунтовщик — неплохое прозвище. Я соберу людей, порочных и алчных, тех, кого вы зовете злодеями. Они станут стекаться ко мне, ведь у меня еще кое-что осталось, чтобы привлечь их. — Гел повернулся к Орхосу. — Скажи им ты, великий палач! Скажи им!

Стужа ждала ответа владыки мертвых. Гел был слишком самоуверен в своем хвастовстве. Чего еще она до сих пор не знала? Она провела рукой по животу, чувствуя жизнь внутри. Может, он имел в виду это?

Орхос встретился с ней глазами.

— Его нельзя убить обычными способами, — сказал он ей. — Несмотря на то что Гел потерял силу, все же этот бывший демон — порождение волшебства, и лишь волшебство может его убить.

— И у меня есть надежда в этой новой жизни, — ревел Гел. — Посмотри, как она трет свой живот. Скоро у меня будет сын, демон, рожденный смертной. — В его глазах горело безумие. Во всяком случае, люди назвали бы это безумием. — В нем будет жить моя сила!

Онократос двинулся к Стуже.

— Это правда? — допытывался волшебник.

— Как? — вскричал коркирец, с трудом поднявшись. — Когда? В лесу? В ту ночь, когда вы оба исчезли?

Девушка отошла от своих друзей и встала перед бывшим демоном. Он возвышался над ней, ухмыляясь.

— А ведь это было совсем неплохо, женщина. Не так ли? — сказал он.

Губы Стужи растянулись в деланой улыбке. Ее голая нога ударила его в пах, он согнулся пополам и получил коленом по подбородку. Ударом кулака она разбила ему нос, так что он не устоял на ногах и упал. Стужа дважды ударила его под ребра с холодной неослабевающей яростью.

Гел несколько мгновений лежал без движения. Затем его веки медленно поднялись. Нос и губы были разбиты, но на его темной коже выступило лишь несколько капель крови. Растерянно озираясь, он поднялся.

— Ты можешь изранить меня, — медленно произнес он, его распухшие губы растянулись в издевательской ухмылке. — Но я никогда не умру. Ступай куда хочешь, женщина, но не забывай о моем существовании. Я буду преследовать тебя повсюду, пока однажды не заберу мое дитя из твоих бессильных рук. И в этот миг для тебя все закончится.

Стужа была глуха к его угрозам, ее переполнял гнев.

— Я не дам ему появиться на свет! — поклялась она. — Не из моего чрева! Следуй за мной, если осмелишься. Но я отрублю тебе ноги, так что ты не уйдешь далеко, а затем руки, чтобы ты не мог даже ползать. Ты не можешь умереть? Тогда живи. Живи и страдай, как страдают смертные. Я могу заставить тебя страдать! — Стужа плюнула Гелу в лицо так же,

как раньше это сделал бог смерти. — Ты много еще не знаешь об этом мире! Ты очень наивен!

— У тебя не будет ребенка, отступник, — вмешался Орхос. — Я навеки лишаю тебя потомства. — Вновь белое пламя метнулось из его глаз. Стужа согнулась, в ее горле застрял крик, который умер в ней, так и не вырвавшись. Она не ощутила боли в том месте, где коснулось ее пламя, только пустоту. Выпрямившись, Стужа потрогала свой живот и возрадовалась.

Семя Гела больше не росло.

— Будь ты проклят! — Гел потряс кулаком перед владыкой ада. — Ты убил мое дитя, моего сына! Но не все мои надежды. Я свободен от ада!

Странная улыбка тронула губы бога, выражение его лица заставило Стужу вздрогнуть, ибо за ним скрывалась нечеловеческая жестокость.

— На самом деле? Или ты просто попал в другой, более коварный?

Гел прищурился, задетый этими словами; страх и боль исказили его разбитое лицо.

— Не смей играть со мной в эти игры! — выкрикнул он.

Но Орхос лишь улыбался. Гел долго не сводил глаз с божественного лика, затем издал устрашающий вой и, оттолкнув Траса Суртиана, скрылся во Вратах.

— Счастливое избавление! — Трас Суртиан вновь пытался встать на здоровую ногу и не повредить при этом сломанную руку.

Стужа смотрела в темноту сквозь зияющий рот Йохве. Она спросила Орхоса через плечо:

— Куда он пойдет?

Недалеко, дочь моя. Чаши весов всегда стремятся к равновесию, — услышала девушка свистящий шепот в своей голове.

Тишину прорезал жуткий крик — и внезапно оборвался.

Через несколько мгновений они слышали стук копыт. Все обернулись на этот звук и увидели горящие озера, освещавшие дорогу.

— Какие глаза, — сказал Орхос. — Во всей огромной Вселенной я не видел других таких же.

Единорог возник из ночной тьмы и направился к Стуже. Черный витой рог блестел от крови.

Она погладила его густую гриву.

— Я не заметила, как он ускакал, — сказала Стужа.

Онократос тоже погладил единорога.

— Порождение волшебства убито с помощью волшебства, — пробормотал он.

— Равновесие почти восстановлено, — сказал Орхос, взглянув на звезды. — Гел получил по заслугам, я это предвидел. — Его взгляд упал на Онократоса. — Теперь настало время доказать, что честь не пустой звук для смертных.

Волшебник выступил вперед. Он спокойно смотрел на владыку ада, и в его взгляде была твердость.

— Я готов воссоединиться с дочерью, — сказал он. — Ради Калинды и Аки делай то, что должен.

— Посмотри на небо, велел Орхос старику.

Звезды снова двигались; созвездия заняли свои прежние места на небосводе. Затем все увидели тонкую паутину, сплетенную из шафранового света. А в ней покачивалась Калинда. Улыбаясь, она смотрела на отца.

Но в центре небесной паутины Стужа заметила кого-то еще, нечто черное и бесформенное, без глаз и конечностей. У девушки появилось ощущение, что ее внимательно разглядывают, и она посмотрела туда. Волоски на шее Стужи встали дыбом.

— Гат? — прошептал Трас Суртиан.

Она могла лишь кивнуть.

Отец? — Голосок Калинды раздался в их головах. — *Ты любишь меня, папа?*

Онократоса душили рыдания. Он чуть не потерял сознание. Трас Суртиан бросился к нему несмотря на свои увечья. Его лицо побелело, когда он подхватил старика сломанной рукой. Но коркирец не выпустил друга.

— Владыка хаоса ждет, — произнес Орхос.

Онократос пришел в себя. Его глаза искали образ Калинды.

— Я должен быть рядом с ней, — сказал он всем. — Что мне нужно делать? — спросил он у Орхоса.

— Отдаться ему добровольно.

Старик не сводил глаз с Калинды, не замечая зияющей тьмы.

— Я готов, — сказал он, — я иду.

— Этого достаточно, — отозвался Орхос.

Волшебник поник в руках Траса Суртиана. Коркирец не издал ни звука и лишь осторожно положил тело Онократоса на землю, глядя в открытые глаза друга, которые даже после смерти, казалось, не отрываясь смотрели на Калинду. Плечи Траса Суртиана опустились. Он стоял молча, не в силах дать свободу своим чувствам. Наконец капитан поднял глаза.

— Он умер, — произнес коркирец.

— Гат, Калинда и Орхос тоже исчезли, — сказала Стужа.

Они вместе подняли Онократоса и положили рядом с телом его дочери. Стужа дотронулась до щеки девочки. Теперь уже не заклинание успокоило ее, а сама смерть.

— А что с Аки? — спросила Стужа Траса Суртиана, склонившегося над маленькой королевой.

— Она дышит, — ответил он, но радость словно покинула его.

Стужа тоже нагнулась к девочке и провела рукой по ее щеке. Кожа была теплой. Аки открыла глаза и снова закрыла. Легкая улыбка озарила ее лицо.

— Пусть она еще поспит, — сказала Стужа. — Может, мы сумеем вынести ее отсюда, прежде чем она увидит все эти ужасы.

Трас Суртиан устало опустился на землю и прикрыл глаза рукой. Раны и переломы давали о себе знать. Стужа села рядом с ним. Ей хотелось положить голову ему на плечо, хотелось, чтобы он обнял ее. Но она знала, что это причинит Трасу боль. Ей нужно было подняться и найти что-нибудь, чтобы зафиксировать и перебинтовать его сломанную руку.

— Я так устала от сражений, — тихо призналась Стужа. — Меня вполне устроит маленькая ферма, хотя бы как у Уны. Или гостиница, где я могла бы танцевать и пить с гостями. Путники грелись бы у моего очага и пели песни по вечерам. А ты заходил бы проводить меня иногда. — Она положила руку Трасу на колено. — Наверное, это и есть настоящая жизнь.

Он не ответил. Стужа решила, что старик уснул.

Она посмотрела на звезды, на край кратера и тела Онократоса, Калинды и Кимона. Где-то на дороге валялось тело Гела.

— Спасибо, Ашур, — сказала она единорогу, стоявшему неподалеку. Она погладила его шею, почесала нос. — Спасибо, что убил его.

Взгляд девушки упал на тело Кимона. Вихрь воспоминаний пронесся перед ней. Тот день в лесу, теплое дыхание юноши на ее лице. Сердце вновь пронзила острая боль. Если бы только она могла плакать! Но она слишком устала.

Я знаю, у тебя не осталось слез...

Она вздрогнула, когда эти слова прозвучали у нее в голове.

— Орхос! — Стужа оглянулась, но владыки человеческих душ нигде не было видно.

...иначе ты пробудила бы его от этого сна, как делала прежде.

Стужа подползла к Кимону на четвереньках и склонилась над ним. Ее слезы однажды уже спасли юношу от заклятия Онократоса. Когда это было? Сколько дней или недель назад? Подействует ли это сейчас? Если бы только она могла плакать! Она должна заплакать!

Не надо, дочь моя. Прими мой дар. В отличие от бога хаоса, я не столь жаден до душ.

У меня их великое множество, когда-нибудь я вернусь и заберу душу Кимона. Но есть еще одно дело...

Жуткий крик с другого конца арены заставил девушку вскочить на ноги.

— Нет! — взмолилась она. — Я видела, что он уничтожен! — Стужа сжимала пустые ножны, висевшие у нее на боку. — Я больше не могу бороться с ним. Я слишком устала.

Он не был уничтожен, — сказал ей Орхос. — Его невозможно уничтожить. То была лишь иллюзия Ойи и моя сила, которая контролировала его, когда ты отивырнула кинжал.

Крик стал выше и настойчивее.

— Он требует крови! — сказала она.

* * *

Образ властителя ада возник перед ней. В руке Орхос сжимал Жало Демона. Он с любопытством смотрел, как свет отражается в его тонком лезвии. Кинжал вновь издал вопль.

Замолчи, — услышала Стужа слова бога. И кинжал повиновался. — Теперь вложи его в ножны.

Девушка колебалась, боясь взять в руки проклятое оружие.

— Я не прикоснусь к нему. И так я слишком долго посылала к тебе души, пожиратель мертвецов. Я не стану больше убивать.

Вложи его в ножны, дочь моя. Потом можешь закопать его или бросить в колодец. Но пока ты ходишь по земле, Жало Демона будет принадлежать тебе.

Стужа нагнулась, подобрала кинжал и вложила в ножны. Затем сняла свой ремень, на котором висели меч и кинжал, и протянула его богу мертвых.

— Возьми это, — попросила она. — У меня больше нет сил носить оружие. Я слишком измучена.

Но Орхос исчез.

— Самидар!

Девушка обернулась, услышав свое имя. Кимон пошевелился и сел. Его глаза медленно открылись, они были такими прекрасными и счастливыми, что заставили Стужу забыть о Жале Демона.

По ее лицу потекли обильные слезы, это были слезы счастья.

Голос в ее голове сказал:

Прощай дочь моя, до встречи навеки.